

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимирскій пр., № 12.

1894.

Оглавление.

СТРАН.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ. <i>Г. Г. Гинкена.</i>	133—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукомъновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. <i>Бор. Ляпунова</i> (съ картой).	143—177
3. Письма А. Ф. Гильфердинга—Кукулевичу-Сакчинскому. Сообщено проф. <i>П. А. Кулаковскимъ.</i>	178—190
4. Олекминскіе скопцы. (Историко-бытовой очеркъ).	191—203

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ <i>В. Н. Добровольский.</i>	204—214
2. Рекрутчина. <i>Александра Мельницкаго.</i>	215—221
3. Сватки въ Корелѣ. <i>Н. Ф. Лыскова.</i>	222
4. Мудрый Маччи. <i>Н. Ф. Лыскова.</i>	224
5. Шутъ Григорій. <i>Н. Ф. Лыскова</i>	226—229
6. Пастухи и дьяволъ. <i>Н. Ф. Лыскова.</i>	230—232
7. Приложение къ отчету <i>А. Л. Погодина</i> о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. <i>А. Л. Погодина.</i>	233—258

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни.	
В. Н. Перетцъ. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. <i>Арнадія Лященко</i> .	259—275
2. О трудахъ А. Н. Веселовскаго. <i>И. Н. Жданова</i> .	282
3. О трудахъ Е. Ф. Карскаго. <i>А. И. Соболевскаго</i> .	283
4. О переводѣ П. С. Попова. Сочиненія Менъ-гу-ю-му-ци. <i>Н. И. Веселовскаго</i> .	284
5. Календарь и памятная книжка. Вятской губерніи на 1894 годъ.	285
6. Памятная книжка Курской губ. на 1893 годъ.	285

— — —
Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Собщ. <i>О. П. Семенова</i> .	286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики. <i>Ив. Мамакина</i> .	294—298
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборникеъ Кирши Данилова, принадлежавшемъ Малиновскому. <i>Н. Чехова</i> .	299—300

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губернію.

По предложенію проф. В. И. Ламанского на средства Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и отчасти Императорскаго Географическаго Общества я отправился лѣтомъ 1893 г. въ Литву и прожилъ тамъ все вакаціонное время, именно, уѣхавъ изъ С.-Петербурга 3 июня и вернувшись обратно 15 августа. Въ Литвѣ съ 8 июня по 15 августа проживалъ въ семье учителя начальной школы Гижевской гмины Волковыскаго уѣзда Сувалкской губ. Отсюда въ разное время мнѣ удалось посѣтить слѣдующіе города и деревни: Ковно (Kaunas), Волковыск (Vilkoviškis), Гиже (Gižai), Руда, Хмаришки (išländžiai), Шилкальникъ, Шлегашилъ, Гурбшеле, Поезеры (Paažeriai), Визайды (Vižiaidai или Stadalkai), Ораны (Oranai), Печулишки (—iškiai), Допкишки, Прешкода (Lapanka), Ольвита (Alvitas), Кетурвалоки (Keturvalakiai), Шильвишки, Маріамполь (Staropole-Senapilis), Гришкабуда (Grīškabudis), Огуркишки (Agurkiškiai или Paliepine), Паскальнишки (Pas или Pakalniš Kiae или Leliokai), Акѣце (Akečiai), Кераплай, Шуля, Сапежишки (Za-piškiai). Послѣднія семь названій мѣстностей относятся къ Владиславовскому уѣзду.

Цѣлью моей поѣздки было прежде всего выучиться живому литовскому языку, затѣмъ собрать какіе-либо материалы по этнографіи Литвы. Такихъ материаловъ мнѣ удалось собрать сравнительно немного. Это, преимущественно, пословицы, поговорки, загадки, насколько сказокъ, остатковъ языческихъ вѣрованій, обычаевъ и 16 мелодій народныхъ пѣсень. Своими наблюденіями (тѣми только, въ точность которыхъ я самъ вѣрю) надъ языкомъ и отчасти вообще надъ народомъ я и намѣренъ подѣлиться въ настоящей статьѣ.

Но прежде чѣмъ къ этому перейти считаю пріятнѣйшимъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность за всѣ указанія и совѣты профессорамъ В. И. Ламанскому, А. И. Соболевскому, Э. А. Вольтеру, а также г. ректору

Императорского С.-Петербургского Университета П. В. Никитину, г. Вице-Председателю Императорского Русского Географического Общества, г. Губернатору Сувалкской губ., г. И. И. Билло за содействие рекомендациями и всемъ литовцамъ, у которыхъ я нашелъ такой радушный пріемъ, что Литва мнѣ не показалась чужиной.

Литовцы посвѣщенныхъ мною мѣстностей не отличаются ни слишкомъ высокимъ, ни слишкомъ малымъ ростомъ. Встрѣчалъ я и довольно высокорослыхъ (нѣкоторые—бывшіе гвардейцы), но также и ниже средняго. Ни первые, ни вторые не составляютъ характернаго большинства.

Глаза бываютъ преимущественно свѣтлые, больше всего голубые. Цвѣтъ волосъ ихъ нельзя назвать ни свѣтлымъ, ни темнѣмъ вообще. Очень много совсѣмъ свѣтловолосыхъ, но темнорусые, повидимому, преобладаютъ. Есть и брюнеты, но совершенныхъ брюнетовъ такъ же мало, какъ и черноглазыхъ. Бороды не носятъ, а болѣе вѣрные старымъ обычаямъ бреютъ и усы. Женщины и девушки носятъ одну и ту же прическу: прямой проборъ, двѣ косы, положенный красивой пышной коронкой вокругъ головы. Около этой коронки повязываютъ свѣтлую (часто просто бѣлую) ленточку (обыкновенно очень узкую) или что-то вродѣ узкаго галуна (послѣднѣе въ праздніе конечно).

Одежду мужчинъ составляеть бѣлая ¹⁾ рубаха съ прямымъ неширокимъ отложнымъ воротомъ, обыкновенно довольно длинная, такие же штаны; сверхъ рубахи цвѣтной кушакъ (непремѣнно) и жилетъ, обыкновенно темный (bruslotas); сверхъ этого сермяга (sermega) изъ грубаго свѣтлосѣрого сукна (miles) домашней работы или кафтанъ (žiponas) изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти чернаго) холста (triničei, т. е. снятый изъ trinitis или keturinis). И sermega и žiponas, обыкновенно бываетъ длиною до колѣнъ, рѣдко немнога ниже колѣнъ. При триничей и штаны часто носять также изъ trinitis.

Шляпы преобладаютъ съ полями (scribele) поярковыя и соломенные, съ лентами, обыкновенно темными, но нерѣдко цвѣтными (даже стеклярусовую я видѣлъ). Носять и фуражки (slikas). [Носять также обыкновенные юртуки и брюки, крахмальные воротнички съ галстуками и котелки].

Обыкновенная обувь для каждого дня—kurges, klimpres (мн. ч.) въ родѣ опорокъ, (кожаный верхъ, придѣланный къ толстой деревянной подошвѣ); šliures—тѣ же kurges, только безъ кожанаго задка. Кромѣ того въ Владиславскому уѣздѣ я видѣлъ žasalei—деревянные башмаки и kadukai—деревянная подошва, привязываемая къ ногѣ ремешками или веревками. Kadukai употреб-

¹⁾ Красныхъ и вообще цвѣтныхъ не носятъ. Если-бы кто-либо надѣлъ красную рубаху, тогдѣбы стали называть kazokas и смотрѣли бы на него, какъ на чудище.

ляютъ въ лѣсахъ. Я видѣлъ въ нихъ мальчика-пастуха. Кроме того, по словамъ другихъ, въ тѣхъ же мѣстностяхъ употребляютъ *vižos*—ланти лыковые и *pagines*—холщевая обувь (у иныхъ). Самъ я не видѣлъ ни на комъ ни *vižos*, ни *pagines*. Въ праздники же большая часть въ высокихъ сапогахъ (*čiabatai*), при чёмъ конечно штаны въ сапоги. Женщины носить сверхъ рубашки и юбки *kiklikas* или *šniugauka*—безрукавку, короткую въ родѣ корсажа или довольно длинную, въ талию или широкую, съ большимъ вырезомъ у шеи или глухую почти до самаго верха, разныхъ цветовъ.

Рубаха—былая съ широкими рукавами, схваченными у кисти, съ отложнымъ, очень мало вырезаннымъ, воротомъ. Цвѣтныхъ вышивокъ не видѣлъ ни у одной ливовки. Мало замѣтный (белыми нитками) узоръ на воротѣ и плечахъ дырочками и зубцами, и тотъ я видѣлъ лишь у некоторыхъ. Национальный костюмъ сильно вытѣсняется городскимъ. Бусы замѣтно мало. Обыкновенно носить четки. Ленты на бусахъ носятъ очень мало, причемъ преобладаютъ белыя ленты.

Въ праздники, идя въ церковь, одѣваютъ (впрочемъ замѣтилъ я у немногихъ) вѣнки, причемъ кладутъ ихъ выше косъ внутри коронки изъ косъ, а не вокругъ ея. Иногда просто ватыкаютъ цвѣты въ видѣ вѣнка за коронку, образуемую косами. Женщины большою частью ходятъ босыя, даже въ праздники нерѣдко, тогда какъ мужчины обыкновенно въ какой-либо обуви.

Въ церковь въ праздничный день и дѣвицы, и женщины безъ различія возраста обыкновенно являются съ небольшими букетами въ рукахъ; среди другихъ цветовъ непремѣнно въ букетикѣ есть рута, а у многихъ и Божье дерево (*Diemedis*).

Въ день Успенія Пр. Богородицы, называемый въ народѣ *Žoliniai* (*Žole*—зелень) все женщины (также безъ различія) приходятъ къ обѣднѣ съ разными овощами въ рукахъ.

Къ своимъ наблюденіямъ прибавлю еще немного о женскихъ украшеніяхъ со словъ одного учителя начальной школы.

1) *Pakalke*—дѣлается изъ толстой бумаги въ видѣ кольца шириной дюйма въ 4; около этого кольца обводится шелковая лента какого угодно цвета, шире бумажного кольца, и края ленты загибаются внутрь, такъ чтобы не было видно бумаги. *Pakalke* надѣваютъ на голову вокругъ косъ, увѣшаю ее при этомъ рутой и другими цветами. *Pakalke* украшено только дѣвушками, которымъ еще не лишились права на рутовый вѣночекъ, *ne patrotijo rutu vainikelio*. Въ настоящее время *pakalke* почти вышла изъ употребленія. Когда дѣвицы носили *pakalke*, то носили и по буднямъ вмѣсто платка. Платокъ надѣвали только зимой поверхъ *pakalke*. Теперь же все ходятъ въ платкахъ и лѣтомъ.

2) Galionas (галунъ?) тоже, что и pakalke; только здѣсь вмѣсто шелковой ленты серебряная или золотая ткань. Galionas до сихъ поръ еще употребляется въ день бракосочетанія (это я самъ нынче видѣлъ на бѣдной невѣсты-батрачкѣ), при чемъ его надѣваютъ также и подруги невѣсты. Но богатыя литовки въ настоящее время не надѣваютъ galionas на свадьбахъ.

3) Pabrijei или bindolikai дѣлаютъ изъ бѣлыхъ кружевъ и навязываютъ подъ платкомъ около себя, такъ чтобы они были видны изъ подъ платка. Лѣтъ тридцать назадъ всѣ бы пальцами стали показывать на замужнюю женщину или вдову, рѣшившуюся пріѣхать на храмовой праздникъ (atpuiskas) безъ pabrijei, и на дѣвицу безъ pakalke. Теперь pabrijei еще употребляютъ свахи на свадьбахъ, а также въ pabrijei убираютъ невѣсту послѣ бракосочетанія.

Остатковъ языческихъ вѣрованій мнѣ удалось найти немного. Стараниями духовенства они искореняются все болѣе и болѣе. Ни одинъ крестянинъ не станетъ говорить напр. о лауме и т. п., не оговорившись, что теперь ничего этого неѣть, что все это было лишь во времена поганства Литвы. Приведу здѣсь то немногое, что удалось мнѣ узнать о Перкунѣ, дѣвахѣ, лаумѣ, раганѣ, айтварѣ и пр.

О Перкунѣ.

Perkunas linksmiа—Перкуна съ веселитъ (можетъ быть въ не-переходномъ значеніи веселится?) говорять, когда гремитъ громъ. Kasi ra-danges kila, tam Perkunas liepе gristi—кто на поднебесье поднимается, тому Перкунъ велитъ вернуться, говорить пословица. Самое сильное проклятие у Литовцевъ «kad tavia Perkunas ižmuštu», т. е. «чтобъ тебя Перкунъ убилъ!»

Перкунъ преслѣдуетъ чертей (muša vialnius—бѣтъ, ударяетъ въ чертей, убиваетъ ихъ) и такимъ образомъ является какъ бы другомъ людей. Черты стараются отъ него спрятаться, бѣгутъ къ людямъ въ избы, въ церкви, подъ какой либо крестъ¹), обращаются въ животныхъ. Въ пѣтуха лишь не могутъ они обращаться, а потому и Перкунъ никогда не ударяетъ въ пѣтуха.

Kulka Perkuno—пугля Перкуна—это обломокъ каменной вещи, какъ напр. обломокъ каменного топорика, найденный въ д. Кетурвлокахъ Волковышского уѣзда и находящійся теперь у меня. Такіе обломки, а иногда цѣльныя

¹) Въ Литвѣ ставить очень часто кресты при дорогѣ (въ особ. на перекресткахъ) съ изображеніемъ Распятія (muša) или какими-нибудь другими фигурами религіознаго характера, рѣзанными изъ дерева деревенскими художниками.

вони изъ камня нерѣдко находять въ Литвѣ. По вѣрованію литовцевъ такая *kulka* при ударѣ грома падаетъ съ неба и уходитъ въ землю на глубину удивительного человѣческаго роста — рѣг 9 stūmenius gilio. Потомъ она въ теченіи 9 лѣтъ поднимается наверхъ, каждый годъ на высоту роста одного человѣка. Рѣгкито *kulka* очень помогаетъ отъ всякой боли: стоять только потереть ею большое мѣсто — и боль проходить. Эти кулики бросаютъ въ чертей свв. Петра и Павла. Они всегда оба гонять чертей рѣг *šegenga* (съ возвѣщеніемъ, и. б. — съ возвѣщеніемъ строй!), а св. Яковъ погоняетъ (pavarineje).

Объ айтварѣ.

Aitvaras (у Куршата *eitvaras*) сверхъестественное существо, живущее въ домахъ, соответствуетъ русскому домовому отчасти.

Айтвара высиживаетъ семилѣтній пѣтухъ изъ яйца, снесенного имъ же въ томъ же году, въ теченіи 7 недѣль. Когда айтваръ выйдетъ изъ яйца, его надо кормить творогомъ и яичницей; а чтобы онъ носилъ деньги въ домъ, надо i kraiga indet tuščia stiabulia — въ конекъ крыши вѣлѣвать пустую ступицу отъ колеса, черезъ которую онъ насыпаетъ полную избу денегъ. Когда онъ носить деньги, его надо хорошо кормить и остерегаться разсердить, потому что иначе онъ всѣ деньги обратить въ черепки и избу сожжетъ. Отсюда поговорка *turiu kaip aitvaras piñigu: galiu užmušt ir užmoket* — «у меня денегъ какъ у айтвара: могу забить и заплатить».

Айтваръ бываетъ похожъ на маленькаго человѣчка, съ длинными когтями. Является также въ видѣ разныхъ животныхъ.

Съ одного мѣста на другое айтваръ перелетаетъ въ видѣ блуждающаго огонька. По словамъ другого *lekentis aitvaras išrodo ant liepsninio smaigo*, т. е. «летающій айтваръ кажется огненною палочкой».

О дѣйвѣ.

При рождении ребенка около женщины въ ожиданіи этого собираются сверхъестественные существа, такъ называемыя *deives* (ед. ч. *deive*). Число ихъ неограниченное, по словамъ разсказывавшихъ мнѣ крестьянъ. Повидимому это существа женского пола, какъ показываетъ и ихъ грамматический родъ. Эти *deives* наперевѣтъ предсказываютъ будущность, хорошую или дурную, ожидающемсяся ребенку. При словахъ которой дитя рождается, той предсказаніе исполнится.

Въ одной сказкѣ говорится, какъ 2 дѣйвѣ погибли на болотѣ за темнотой, и тянулись за ней по обѣ стороны въ видѣ двухъ бѣлыхъ фигуръ, провожая до самаго дома.

Дейве колотять бълье вальками на рѣчкѣ послѣ заката солнца. Поэтому въ Литвѣ не принято ходить на рѣчку бълье полоскать послѣ заката. Если какаянибудь девушка пойдетъ, противъ обычая, на рѣчку съ бъльемъ послѣ заката, то явится дейве и отнимутъ бълье.

О лауме всѣ говорили только, что это такое же сверхъестественное существо, какъ и дейве. Большаго мнѣ не могли сказать о ней.

Рагана—прежде всего не сверхъестественное существо, а человѣкъ, именно же, баба и вполнѣ соответствуетъ русской вѣдьмѣ. Между тѣмъ какъ о дейве и лауме говорять, что теперь ихъ нѣтъ уже, что они существовали только во времена язычества въ Литвѣ, «когда Литва была еще поганой», въ существованіе раганъ и въ ихъ могущество вѣрятъ и теперь.

Чертъ у литовцевъ какъ и у русскихъ, имѣетъ много названій. Мнѣ известны пока слѣдующія: vialnes, pikulas, kipšas, kialmas, ants, biznus, bigis, vienšniurkšlis, smailakulnis, balinis, jūdasis, čiartas, diablas, nedoras, aniūlas, prakeaiktais, ledokas, pikta dvase, lipicierius (люциферъ), belčebulas (вельзевуль), также aitvaras, smakas (драконъ, смокъ).

Въ старину, говорятъ, черти являлись на свадьбы и танцевали съ девицами. У девицъ послѣ этого оставались синяки на тѣлѣ въ продолженіе несколькиихъ недѣль. Обыкновенно черти пріѣзжали одѣтыми по-пански на прекрасныхъ коняхъ и одаривали пирогами, табакерками и другими вещами. Въ полночь они исчезали, а кони ихъ превращались въ хворость, пироги въ конскій гной, табакерки въ конскія копыта. Опытные люди узнавали ихъ, потому что у чертей бываетъ по одной ноздрѣ, откуда и прозвище ихъ vienšniurkšlis. Черта человѣку можно убить только серебряными пулями.

Упомяну здѣсь обѣ одномъ уже не соблюдающемся обычай. Въ настоящее время лишь въ шутку приглашаютъ гостя, входящаго въ домъ въ первый разъ, подѣловать печь—rabusciūt riačiu. Исполненія этого не требуютъ ни отъ кого. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого много разъ.

На всемъ томъ пространствѣ, какое мнѣ удалось пройхать, не замѣчается большаго различія въ говорахъ. Всѣ эти говоры въ то же время мало отличаются отъ говоровъ Сувалк. губ., описанныхъ В. Миллеромъ и Фортунатовымъ (Людиновскій говоръ) и Бругманомъ (Годлевскій или Гарлевскій говоръ, употребляющіе который называются Garliauckiiai).

Въ говорѣ Гижевской гмины *e* (обознач. Шлейхеромъ и Куршатомъ черезъ простое *e*) въ началѣ словъ произносится, какъ рус. *a*: arelis вм. erelis, aisim вм. eisime; въ серединѣ и въ концѣ словъ, какъ рус. *я* (безъ ютаціи) въ ударяемыхъ слогахъ и какъ звукъ, колеблющійся между *я* и *e* въ неударяемыхъ (т. е. почти какъ неудар. *я* въ нашемъ литературномъ яз., напр. въ словахъ дитято, тажелый, серебряный и т. п.). Послѣ звуковъ

это *e* иногда произносится почти, какъ *α*, напр. въ словахъ *üdega*, *teka* слога *de* и *te* произнос. почти *da* и *ta*, въриѣ какъ *d'a* и *t'a*: *vüad'aga*, *t'aka*: *e* долгое (обознач. Шлейх. и Курш. черезъ *e*) въ началѣ и въ серединѣ слова подъ удареніемъ произносится, какъ русс. *e*, а въ удареніи почти какъ русс. *ej* или *ij*. Напр. *tevas*=*тевас*, но *vélù*=*вѣлѣ* или *víllù*. Въ концѣ слова это *e* произносится почти, какъ русс. *u*, и въ этомъ случаѣ произношеніе его колеблется между *e* и *u* нерѣдко даже въ ударяемыхъ слогахъ.

Вообще же о звукѣ *e* надо замѣтить, что онъ никогда не произносится твердо, напр., какъ немецк. *e* въ *sehr*, *der*, *Vater*, *Zehn*, *Menge* и т. п. или польское *e* въ *teraz*, *serce*, *daremnie*, *zapomnialem* и т. п. Звукъ, обозначаемый Шлейхеромъ черезъ *ë*, а Куршатомъ черезъ *ie*, произносять довольно отчетливо, какъ надо было бы произнести русс. *ÿ-ë*, или *ÿ-ä*, или *é-ä*, при чёмъ вторую изъ этихъ гласныхъ (*ë*, *ä*) слѣдовало бы произносить быстрѣе, чѣмъ первую (сравни. быстроту произношенія русскаго *ÿ*) и, разумѣется безъ ютаций. Звукъ, обозначаемый обыкновенно черезъ *ü* произносять, какъ русс. *ü-ä*, при чёмъ тоже вторую гласную надо бы было произнести быстрѣе, чѣмъ первую, совсѣмъ кратко. Какъ въ *i-e*, такъ и въ *ü-ä* составныя части, т. е. звуки *i* и *e*, *u* и *ä*, сливаются въ произношеніи почти неуловимо ни для уха, ни для органа произношенія русскаго человѣка. Тѣмъ не менѣе всякий литовецъ изъ той мѣстности замѣтить и поправить, если произнесешь совсѣмъ слитно, т. о. вм. *i-e*, а вм. *ü-ä*. Оба составныхъ гласныхъ въ *ü-ä* и *a*, вполне ясно слышны только въ односложныхъ словахъ, напр. въ тв. п. ед. ч. мѣстоименія *tas*—*tü*=*туа*, въ особ. если оно стоитъ въ концѣ предложения и подъ логическимъ удареніемъ. Слово *üis* (собака) подходитъ подъ это же правило, т. е. произн. *shua*, но часто также и *shuva*, какъ въ говорахъ Гарлевскомъ и Людвиновскомъ. Являющеся въ немъ *e* обыкновенно также приставляется, если слово начинается съ *ü*. Напр. *üdas*, *üdega* произносять *vüadae*, *vüad'aga*. *O* произносится глухо, а въ неударяемыхъ слогахъ совсѣмъ, какъ русс. *u*: р. ед. *ärklio*=*арклю*, *bälno*=*балну*, им. мн. *mérgos*=*мергус*. *ü* долгое (обозн. Шлейх. и Курш. черезъ *u*) произносится почти въ двое простижнѣо, чѣмъ краткое *u* (*i*). Звука *ü*—*nëtъ*. Носовыхъ тоже уже не существуетъ. Звуки *sh*, *ch* бываютъ и твердыми и мягкими: *žuvis*=*жувис*, и *žiuri*=*жюри* *L.* бываетъ или твердымъ или мягкимъ, смотря по положенію *balnas*=*балнас*, *balnelis*=*бальнялис*. (Подробн. см. у В. Милл. и Форт. или у Бругм.).

ž, *þ* и *h* иногда слышны почти, какъ сонанты, особенно въ пѣніи. На-примѣръ *balnas* иногда почти = *балнас*, *čiulbejo* почти = *чюльбеjo* или *чюльлибеjo*.

ð и *t*—передъ мягкими гласными нѣсколько тверже, чѣмъ въ русскомъ языѣ и мягче, чѣмъ въ нѣмецкомъ языѣ.

На концѣ всѣ согласные тверды всегда.

Придыхательные (*ð*, *x*) существуютъ только въ заимствованныхъ словахъ, крѣмъ напримѣръ *furmunka* (Führmann), *familija* (семейство), *chiba* (польское *chyba*) и т. д., но и въ нихъ охотно замѣняются твердыми. Такъ вмѣсто *furmunka* говорять также *purmonka* и *kurgmonka*, *kiba* вмѣсто *chiba*, *kvoroba* вмѣсто *chvoroba* и т. д. При сочетаніи звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, наблюдаются всѣ тѣ законы, которые очень точно отмѣтилъ Бругманъ въ описаніи Гарлевскаго говора. То же я долженъ сказать о формахъ склоненія и спряженія. Отмѣчу здѣсь разъ только то, что двойственное число почти совсѣмъ утрачено; даже при числительномъ два обыкновенно ставится не двойственное, а множественное число. Ничтожные остатки его находимъ въ формахъ мѣстоименія (*mudu* и т. п.) и въ глагольной формѣ *eiva* (идемъ!). Звателный падежъ вообще сохранился. Но отъ *ronas* вмѣсто звательного употребляется именит. пад. *ronas*, *pons* или даже только *rop*. Отъ *arkliukas*, *dedukas* звателный падежъ *arkliuk*, *deduk*.

a въ окончаніи именительного падежа единственного числа словъ на *a s* или выпадаетъ, или остается. И то, и другое бываетъ одинаково часто и при томъ безъ тѣхъ ограниченій, какія даетъ Куршатъ.

terp—произносить *terp*.

jis—*jis*, а не *is*, какъ въ Людвиковскомъ говорѣ (по свидѣтельству В. Миллера и Фортунатова).

семь—*asu* или *aosiu*

есть—*irà* или *ir*

нѣть—*nögà* или *nög*

бываетъ—*buina*

Предлогъ въ обыкновенно *z* (безъ носового оттѣнка), но также нерѣдко *in* или даже *int*. *Int* является еще въ видѣ приставки въ глаголѣ *int-eina* (онъ входитъ). Союзъ *u* только *ig*; надъ употребляющими *bei*—смѣются.

Надъ говорящими *d a g* вмѣсто *dabar* (=теперь) смѣются и называютъ ихъ *dartinicai*. (Такъ говорять между прочимъ вблизи Маріамполя).

Въ заключеніе упомяну два прозвища, какими надѣлаютъ гижевцевъ и говорящихъ однѣмъ съ ними говоромъ жителей средней и восточной части Волковышскаго уѣзда, такъ называемыхъ *Vilkaviškečei*, ихъ соосѣди съ сѣвера и съ юга: *karai* и *gugai*. Капсами называютъ ихъ жители Владиславовскаго уѣзда за то, что они говорятъ *kar* и *ter* вмѣсто *kaip* и *teip*. (Впрочемъ я и среди гижевцевъ не разъ слышалъ *kar* и *teip*. Такъ между прочимъ по большей части выговаривалъ гижевскій крестьянинъ, разсказывавшій мнѣ сказки).

Южные соседи капсовъ—двуки (которыхъ капсы дразнятъ поговоркой dzukas, kumiiales anukas, т. е. «дзукъ—бобыли внукъ» и даже почти не считаютъ за литовцевъ), прозвали ихъ guagai, за ихъ сравнительно ясное произношение и какъ ў я.

Что касается словарного материала, то въ этихъ мѣстностяхъ мало на-
шлось бы поживы для составителя литовского словаря. Заемствованія изъполь-
ского (безчислennы), нѣмецкаго и русскаго (отчасти) вытѣсняютъ все болѣе
и болѣе чисто-литовскія слова. Между прочимъ, большая часть бранныхъ словъ
взята изъ польского языка.

Литовцы Владиславовскаго уѣзда (именно, средней и восточной части
его) извѣстны у своихъ сосѣдей съ юга подъ названіемъ Zanovikai (зановики,
т. е. живущіе за рѣчкой Новой, по-литовски Nova), а часть ихъ, живущіе
въ лѣсахъ, подъ названіемъ girinikai (отъ gire—лѣсъ, собственно «лѣсники»,
лѣсные литовцы). Центромъ для нихъ служить село Гришкабуда (Griškabudis).

Зановики замѣтно отличаются отъ капсовъ.

Говорятъ они нѣсколько мягче и протяжнѣе, словно имъ лѣнъ выговаривать слова. Двугласные всѣ произносятся раздѣльнѣе, яснѣе, чѣмъ въ Волковышскомъ уѣзда. Оба составные звука (напр. *a* и *i*, *a* и *u* въ двугласныхъ *ai*, *au* и т. д.) слышны рѣзко, почти съ одинаковой силой. Особенно замѣтительно это въ произношеніи звуковъ *ie* и *й*.

Желающаго слышать самое чистое, ясное произношеніе послѣднихъ надо отсы-
пать именно къ зановикамъ; здѣсь и неопытный легко замѣтить ихъ въ
живой рѣчи, тогда какъ въ Волковышскомъ уѣзда ихъ легко смѣшать съ
e и *o*. По той же причинѣ здѣсь не говорятъ *kar* и *ter*, но правильно
kaip или *kai* и *teip* или *teipgi*, *teigi*, *taigi* (даже слышать я не разъ у
крестьяночкъ въ быстромъ произношеніи «тики, тіке»—въ смыслѣ русскаго
«да»). Вообще говоръ ихъ можно назвать пѣвучимъ. Еще болѣе имѣть на
это право говоръ литовцевъ того же уѣзда, живущихъ около Лукши и за-
тѣмъ далѣе по направлению къ Нѣману, извѣстныхъ у своихъ земляковъ подъ
названіемъ *Velioniškei*. Повидимому болѣе различія между говорами занови-
ковъ и капсовъ въ лексическомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, гряда—у кап-
совъ *lise*, у зановиковъ *lisve*; бѣлье—у капсовъ—*drapanos*, у зановиковъ
drabužes; вѣялка у капсовъ—агра, у зановиковъ агва; передникъ у капсовъ—*šiurkštas*, у зановиковъ *žiurštas*. Вмѣсто обычновеннаго у капсовъ обращенія
къ гостю *ponuli* (звательный падежъ), у зановиковъ говорять *poniali*. Есть
слова, которыхъ у зановиковъ вполнѣ употребительны въ разговорѣ, а у кап-
совъ имѣютъ особый смыслъ неприличный, что вызвало замѣну ихъ другимъ
словомъ. Въ типѣ я не замѣтилъ ничего отдѣляющаго зановиковъ отъ капсовъ.
Капсы по характеру какъ будто поживѣе, поэнергичнѣе зановиковъ. Относи-

тельно костюма зановиковъ упомяну лишь, что шляпы съ полями (skribele) почти отсутствуютъ, вместо нихъ — фуражки (šlikas), жилоны короче и прямѣе, чѣмъ у капеовъ.

Въ Владиславовскомъ уѣздѣ, именно въ деревнѣ Акечай мнѣ случайно удалось видѣть кривуле. Это сучковатая довольно толстая (почти вершокъ въ діаметрѣ) палка, длиною больше половины средняго мужскаго роста, красиво развѣтвляющаяся на верху двумя кривыми рогами. Когда надо созвать сходъ, староста (šaltišius) приносить эту палку къ ближайшему хозяину въ избу и ставить у печи. Тотъ обязанъ передать своему сосѣду и т. д. Такимъ образомъ кривуле должна въ день обойти всѣ дворы; какъ разъ въ такой моментъ я и видѣлъ ее у одного крестьянина въ избѣ прислоненою къ печи. Эта кривуле была окрашена въ темный, красновато-коричневый цветъ. Въ иныхъ случаяхъ къ рогатой рукояткѣ привѣшиваются или вставляются въ расщепъ бумажку съ обозначеніемъ для чего именно созывается сходъ (skodas или schodas). Въ случаѣ если кто-нибудь не явится на сходъ по такому приглашенію и безъ уважительной причины, остальные въ видѣ штрафа пытать въ корчмѣ на его счетъ. Сходъ большою частью бываетъ въ корчмѣ. Слово кривуле употребляютъ также и въ переносномъ значеніи — сходъ. Отсюда выраженіе krivule krivuliant — собирать сходъ. Кривуле можно встрѣтить вѣздѣ въ литовскихъ деревняхъ Сувалкской губерніи.

Въ видѣ приложения къ этой статьѣ я представляю изъ собраннаго мною матеріала 2 сказки о Перкунѣ, 1 обѣ айтварѣ, какъ важные по содержанію, 1 сказку («о семи мудрецахъ») какъ наиболѣе удачный, характерный и наиболѣе точно записанный образецъ мѣстнаго говора, затѣмъ 103 лучшія пословицы и 60 загадокъ. ¹⁾

Г. Гинкенз.

¹⁾ См. ниже, во II отдѣлѣ.

Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ знаменитаго собирателя материала по русской диалектологии покойнаго В. И. Даля, хранившихся у дочери его О. В. Демидовой, находится немало данныхъ для характеристики русскихъ говоровъ. Не все написано рукой самого В. И.; много встречается отдѣльныхъ тетрадокъ, написанныхъ разными руками, очевидно, присылавшихся ему разными лицами. Есть напр. замѣтки о Сибирскомъ нарѣчіи, начало словаря Архангельского нарѣчія, разговоры и разсказы, записанные въ разныхъ губерніяхъ. Многое, конечно, изъ этого материала уже напечатано, вошло въ «Толковый словарь» и статью о нарѣчіяхъ русского яз. В. И. Даля, но немало могло остаться и ненапечатаннымъ. Хотя, благодаря любезности владѣтельницы этихъ рукописей, предоставившей часть ихъ въ мое распоряженіе, я получилъ возможность разобраться въ нихъ, къ сожалѣнію, однако, я не имѣлъ времени заняться этимъ обстоятельствомъ и решить, что именно напечатано. Это тѣмъ труднѣе, что многое могло быть напечатано позднѣе или раньше въ разныхъ современныхъ изданіяхъ. Нѣкоторые образцы Нижегородскихъ говоровъ, встречающіеся здѣсь вчѣриѣ, напр. я случайно нашелъ напечатанными даже болѣе полно покойнымъ М. А. Колосовымъ въ «Русск. Филол. Вѣстн.» т. I (1879), № 2, стр. 161—163, откуда они перепечатаны также и Смирновымъ въ его «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи», стр. 176—177. Къ числу неизданнаго, кажется, относятся три карты говоровъ Нижегородской губ. (по крайней мѣрѣ мнѣ ничего объ этомъ неизвѣстно); можетъ быть, они не были воспроизведены печатью вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, такъ какъ для отмѣтки различныхъ оттенковъ говоровъ здѣсь употреблены различные цвѣта. О двухъ изъ этихъ картъ (Княгининскаго и Сергачскаго уѣздовъ) нѣчего и говорить, такъ какъ по неполнотѣ своей (большая часть уѣздовъ оставлена пустой, вѣроятно, по недостаточности данныхъ) они неудобны для напечатанія въ настоящемъ видѣ; третья же карта (Лукояновскаго уѣзда) составлена довольно полно, такъ что важно было бы еѣ напечатать. Если здѣсь и не все

совершенно и точно въ географическомъ отношеніи (много пограничностей въ разстояніяхъ сель между собою), то во всякомъ случаѣ сдѣлать эту карту извѣстной специалистамъ по діалектологіи было-бы нелішне хотя бы для образца, а со временемъ, можетъ быть, удастся болѣе точно и совершенно означить на картѣ говоры всѣхъ уѣздовъ и губерній.

На существование этой карты и на помощь, оказанную будто-бы Лукояновскими помѣщиками при этомъ В. И. Далю, бывшему въ 1850-хъ годахъ управляющимъ Нижегородской Удѣльной конторы, намекнуль еще въ юлѣ 1892 г. некто (безъ подписи имени) въ одной изъ замѣтокъ въ газетѣ «Русская Жизнь». Не знаю, откуда почерпнуль авторъ этой замѣтки свѣдѣнія о содѣйствіи Лукояновскихъ помѣщиковъ, но не могу поручиться за то, составлена ли эта карта самимъ Далемъ, или кѣмъ-нибудь изъ его помощниковъ, хотя почеркъ объяснительныхъ приписокъ къ ней не такъ рѣзко отличается отъ рукописей, написанныхъ несомнѣнно рукой В. И., какъ нѣкоторые другие материалы; во всякомъ случаѣ, объ авторствѣ этой карты ничего опредѣленного я не могу узнать даже отъ дочери покойнаго.

Къ сожалѣнію, сравненіе данной карты съ картой, напечатанной въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», т. II, заставило меня убѣдиться въ весьма существенныхъ неточностяхъ ея относительно пропорциональности и направленія разстояній между селеніями. Не зная навѣрное, насколько можно полагаться на карту Нижегородского Сборника, я считаю долгомъ всетаки описать тѣ различія нашей карты отъ нея, который мнѣ удалось замѣтить. Различія касаются также иногда названій сель, изъ которыхъ иныхъ у насъ нѣть во-все, другихъ же наоборотъ нѣть на картѣ «Нижегородского Сборника».

Начнемъ съ сѣвера.—На картѣ Нижегородского Сборника рядомъ съ селомъ Саврасовомъ на лѣвомъ берегу рѣки Шиары, впадающей въ Нѣяну, стоитъ еще Нов. Саврасово на юго-востокѣ отъ него, на правомъ берегу Шиары, а къ сѣв.-западу Бритвино.—Вмѣсто Крюковъ и Дала въ Ниж. Сборн. Крижовка.—Вмѣсто Фоминой Д. (на Лукояновскомъ трактѣ, къ сѣв.-зап. отъ Лукоянова и Ульянова) въ Ниж. Сб. Осминка.—Къ сѣв.-зап. по направленію къ Арзамасскому уѣзду отъ Стеклян-наго Завода, который въ Ниж. Сб. восточнѣе, южнѣе и ближе къ рѣкѣ Алатырю, чѣмъ у Дала, стоитъ на картѣ Ниж. Сб. Пандасъ.—Къ западу отъ Петровки, на границѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Нижегородской губ., на прав. берегу р. Алатыря, въ Ниж. Сб. еще Григорьевка.—Междѣ Нелѣемъ и Елевымъ Врагомъ, который въ Нж. Сб. къ юго-востоку-востоку отъ Нелѣя, а не къ юго-юго-востоку (почти къ югу), какъ у Дала, въ Нж. Сб. еще Васильевъ Врагъ.—Междѣ Шутиловомъ, которое къ с.-з. отъ Буцкаго (Буцкой), а не къ ю. з. з., какъ у Д.,

и Буцкимъ въ Ниж. Сб. еще Соловцено.—Гремячка по Д. къ ю. з. з. оть Прудовъ, по Ниж. Сб. къ сѣв. оть Прудовъ, ближе къ Шутилову.—Къ югу оть Б. Ари (находящейся на с. в. оть Лукоянова) въ Ниж. Сб. еще Ширяевка.—У Д. къ югу оть Сумароковки близко Петровка, въ Ниж. Сб. она гораздо дальше и ближе къ Елфимову Майдану, чѣмъ въ Ниж. Сб., гдѣ Василевка не къ сѣв.-зап. оть Б. Поляны и не къ сѣв.-вост.-вост. оть Красной Поляны, а къ сѣв.-вост.—вост. оть Б. Поляны и къ юго-вост.-вост. оть Кр. Поляны, къ юго-вост. оть Петровки и къ юго-юго-зап. оть Кельдюшева.—У Д. къ югу оть Кельдюшева Паракуша, которой нѣть въ Ниж. Сб. въ этомъ мѣстѣ, но которая тамъ недалеко къ юго-юго-вост. оть Кондринина Майдана, далѣе же къ югу Дубровка.—Въ Ниж. Сб. Пикинъ (у Дала Пекинъ) гораздо ближе къ Аникьевѣ, чѣмъ къ другимъ деревнямъ, у Д. онъ ближе къ Б. Болдину и Дмитровкѣ.—Въ Ниж. Сб. довольно далеко къ вост. оть Дубровки—Малиновка, у Д. же она гораздо ближе и къ Дубровкѣ и къ Кондрину. Въ Ниж. Сб. Малиновка къ ю.-з. оть Болдина (Язъ), очень близко, у Д. она далеко къ зап. оть Яза (Болдина).—У Д. къ сѣв.-вост. оть Ульяновки, на правомъ противоположномъ берегу р. Исады, еще Варваровка.—Кромѣ Петровки (Ниж. Сб. Петровки) въ юго-восточномъ углу уѣзда, у Д. еще М. Петровка къ ю.-з.-з. оть нея и М. Осинки къ ю.-ю.-з. оть Осинокъ, а къ зап. оть М. Осинокъ—Володино, которое въ Ниж. Сб. гораздо дальше къ зап., западнѣе Протасова и Бугровъ, рядомъ съ Любимовомъ.—Рождествено-Пеля (Ниж. Сб.) названо у Д. Пеля Хованская.—Между Вьюшиномъ и Погиблой у Д. еще Никольское; къ юго-зап. оть Ивашевки у Д. еще Николаевка (ближе къ Саранскому тракту и къ границѣ съ Саранскимъ уѣздомъ).—Рядомъ съ Темяшевомъ на р. Ирсете къ юго-зап. въ Ниж. Сб. еще Борки.—Ново-Александровка у Д. къ ю.-з.-з. оть Селитбы (Ирсести), близко къ Кріушѣ (Верякушѣ), въ Ниж. Сб. Александровка къ с. з. оть Ирсести, ближе къ Угуевскому Майдану.—Н. Василевка (Ниж. Сб.) близъ рѣкъ Ирсести и Верякуши названа у Д. Василевочка (Трагубовка).

На картѣ я оть себя ничего не прибавляю, кромѣ слѣдующихъ обозначеній: ставлю цифру 55 при параллели, проходящей черезъ сѣверную часть Лукояновскаго уѣзда, и надписи: Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губ. въ серединѣ лѣвой стороны карты, (Ардатовскій уѣздъ)—въ правой противоположной сторонѣ (т. е. Симбирской губ.) и р. Исада.

Способъ обозначеній различныхъ оттенковъ говора, а также присутствія

иносторонческаго элемента состоять въ употреблениі различныхъ красокъ — черной, красной, синей, желтой, оранжевой, свѣтло-зеленой и темно-зеленої.

Считаю нелишнимъ изданію этой карты предпослать нѣсколько своихъ собственныхъ замѣчаній и поясненій.

Во первыхъ, необходимо напомнить, что разумѣется подъ терминами «оканье», «аканье», «цоканье», «чваканье» и «дзеканье», употребленными составителемъ карты. »Оканье« — черта консервативная; она указываетъ на то, что въ данномъ говорѣ этимологическое *o* (или *o* изъ *a* въ заимствованныхъ сло-вахъ, напр. собственныхъ именахъ греческихъ) при отсутствіи ударенія на немъ не измѣняется въ *a* (хотя нельзя отрицать, что и въ большинствѣ «окающихихъ» говоровъ *o* при иныхъ условіяхъ, т. е. въ слогахъ закрытыхъ, а иногда и открытыхъ непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ сло-гахъ отдаленныхъ передъ слогомъ ударяемыхъ можетъ подвергаться измѣненію въ глухой звукъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ близкій къ *u*); конечно, при этомъ разумѣется также и сохраненіе того *ø* (*jo*) или *o* (послѣ шипящихъ), которое въ извѣстныхъ случаяхъ независимо отъ ударенія получилось еще въ обще-великорусскую эпоху изъ этимологического *e*; новизна только въ томъ, что этотъ обще-великорусскій законъ въ нѣкоторыхъ «окающихихъ» говорахъ рас-пространяется и на то *e*, которое восходитъ къ этимологическому *z*¹). Измѣненіе же этимологич. *a* при отсутствіи на немъ ударенія въ *o* весьма рѣдко²). Подъ «аканьемъ» наоборотъ разумѣется измѣненіе этимол. *o* и *o* (*ø*), обра-зовавшагося въ болѣе старую эпоху изъ этимолог. *e*, при отсутствіи на нихъ ударенія въ *a* (*z*) или глухой звукъ, близкій къ *a*; такимъ образомъ это черта подновляющая; само собою разумѣется также, что, когда мы называемъ говоръ «акающимъ», то можемъ предполагать въ немъ и другія черты, тѣсно связанныя съ «аканьемъ», напр. измѣненіе ударяемаго *a* (*z*) въ *o* (*ø*), что весьма понятно, такъ какъ привыкшій безъ ударенія произносить только *a* и никогда *o* можетъ легко сбиться и забыть, требуется ли этимологически *o* или *a*, и вотъ по аналогіи большинства случаевъ, гдѣ *o* (*ø*) ударяемое и *a* (*z*) неударяемое чередуются между собою въ произношеніи родственныхъ формъ, онъ произносить и здѣсь *o* (и *ø*) вопреки этимологіи: пасожъна, падорына, запрѣг. — «Цоканье» можетъ быть двоякое: или это (большую частію въ великорусскихъ, особенно сѣверныхъ говорахъ) измѣненіе *u* въ *u* или — измѣ-неніе мягкаго *z* въ мягкое *z* (черта преимущ. бѣлорусская или польская,

¹) Срв. Потебн. «Два изслѣдованія. 76—80. Шахматовъ, вирочемъ, и неудар. о въ «окающихихъ» говорахъ, какъ и *a* «акающихъ», непосредственно возводить къ *o* склон. къ *a* («Изслѣдован. въ области русск. фонетики», стр. 254 и слѣд.).

²) Срв. Колосова «Обзор. звук. и форм. особыхъ народн. рус. яз.», 62—64.

но встречающаяся и во многихъ великорус. говорахъ); кажется, обыкновенно подъ этимъ терминомъ разумѣется только первое, второе же болѣе частію вроется подъ терминомъ «дзеканье», подъ которымъ ближайшимъ образомъ собственно разумѣется измѣненіе мягкаго звучнаго *đ* въ *đz* (сложный мягкий звучный, соответствующій мягкому незвучному *ż*). «Дзеканье», т. е. измѣненіе этимологическаго *ż* въ *ż*, тѣсно связано съ «чваканьемъ», т. е. измѣненіемъ этимолог. *ż* въ *ż*, и иногда уживаются рядомъ съ нимъ; это объясняется тѣмъ, что идеального въ фонетическомъ отношеніи говора въ природѣ не существуетъ, т. е. что фонетические законы, не имѣющіе исключений сами по себѣ, въ жизни языка всегда почти нарушаются дѣйствіемъ другихъ, иногда противоположныхъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ одномъ говорѣ (строго говоря, имѣющемъ своимъ представителемъ только одно лицо¹) существуетъ измѣненіе *ż* въ *ż*, а рядомъ съ нимъ въ другомъ обратная черта—измѣненіе *ż* въ *ż*, въ третьемъ, наконецъ, оба звука совпадаютъ въ одномъ среднемъ, какомънибудь очень мягкому *ż*, близкому къ очень мягкому *ż*, вродѣ польского произношенія *ć* (изъ этимолог. *č* въ сочетаніи съ этимолог. *ę* и *ń*—польскимъ *ie* и *ia*, этимол. *i* и *a*, этимол. *ń*), очень близкаго на мой слухъ къ сербо-хорватскому *ћ* (*č*), происшедшему изъ сочетанія этимолог. *č* со старымъ и новымъ *j*; очень можетъ быть, что это послѣднее и было свойственно древнему Новгородскому говору, заставлявшему писцовъ пытаться и писать то *ż* вместо *ż*, то *ż* вм. *ż*, такъ какъ это среднее произношеніе дѣйствительно существуетъ до сихъ поръ въ некоторыхъ Новгородскихъ говорахъ (мнѣ пришлось въ бытность мою въ Петербургѣ слышать произношеніе Чудово почти, какъ *ћудово*, также *маћуха* вм. *мачеха* отъ крестьянки изъ подъ Чудова)²) Какъ скоро представители этихъ говоровъ (можетъ быть, даже въ одномъ селѣ или даже въ одной семье) сталкиваются между собою, они начинаютъ оказывать другъ на друга влияніе, и вотъ одни слова произносятъ согласно фонетическимъ особенностямъ одного говора, другія согласно фонетическимъ особенностямъ другого³); это было бы невозможно только въ томъ случаѣ, если-бы наклонность произносить только *ż* или только *ż* доходила до неумѣнья обратнаго произно-

¹) Срв. Delbrück, «Einleitung in das Sprachstudium», 123, 129; тоже говорилъ и покойный Потебяя, ссылаясь также на Paul, «Principien der Sprachgeschichte».

²) Впрочемъ, возможно уже и въ древнее время существованіе такихъ говоровъ, въ которыхъ происходитъ дѣйствительно чередованіе звуковъ *ż* и *ż*; сравни соображенія Шахматова о смѣнѣ *ż* и *ż* въ Новгородскихъ грамотахъ («О языке Новгород. грам.», 172—173).

³) Это періодъ того «Schwanken», о которомъ говорить Sievers («Grundzüge der Phonetik» 226); срв. Delbrück «Einleitung in d. Spr.» 124.

шения. Еще можно представить себѣ возникновеніе говора смѣшивающаго *и* съ *и* такимъ образомъ, что говоръ съ среднимъ идеальнымъ произношеніемъ очень мягкаго *и* (=мягк. *и*) заимствуется группой людей, до этого рѣзко различавшихъ въ своемъ говорѣ эти два звука, и вотъ, не будучи въ состояніи уловить тонкаго произношенія своего прототипа, они сбиваются то на *и*, то на *и*, можетъ быть, въ зависимости отъ разныхъ фонетическихъ условій, т. е. отъ окружающихъ звуковъ. Такимъ образомъ передъ глазами наблюдателя возникаютъ кажущіяся «исключенія» въ дѣйствіяхъ звуковыхъ законовъ ¹).

Не совсѣмъ ясно, что разумѣется подъ словами: «говоръ средній между *а* и *о*»; но вѣроятно, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть говоръ, въ которомъ неударяемое *о* слышится не какъ ясное *а*, а какъ глухой звукъ краткій, средній между *а* и *о* ²); это именно свойственно говорамъ переходнымъ отъ «акающихъ» къ «окающихъ», и въ этомъ смыслѣ справедливо выраженіе «средній»... Это произношеніе присуще большинству «образованнаго» класса, особенно Москвы и центральныхъ губерній, въ народныхъ же говорахъ несрѣдко встрѣчается въ соединеніи съ «йканьемъ», очень распространеннымъ во всей средней переходной великорусской полосѣ, совершенно, однако, напрасно, мнѣ кажется приписываемъ проф. Соболевскимъ ³) «нашему» говору, если онъ подъ «нашимъ» разумѣеть языкъ такъ называемаго образованнаго класса, такъ какъ большинство этого послѣдняго, насколько мнѣ приходилось наблюдать, никогда не произноситъ яснаго *и* вмѣсто неудар. *е* или вмѣсто *а* (*я*) послѣ мягкаго согласнаго, а болѣею частію звукъ неясный глухой, средній между *и* (*э*) и *е*; но несомнѣнно, что это «йканье», а въ связи съ нимъ и измѣненіе неудар. этимологическихъ *о* и *а* въ *и*, наблюдавшія въ однихъ говорахъ только въ извѣстномъ болѣе отдаленномъ отъ ударенія положеніи, въ слогѣ, предшествующемъ ему, или въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, но закрытомъ, въ другихъ же говорахъ наблюдавшія чаще и переходящія указаннныя границы, генетически связанные этимъ среднимъ произношеніемъ: стоять только этотъ обыкновенный у большинства глухой звукъ произнести протяжнѣе, и мы получимъ почти чистыя *и* или *и*; при этомъ надо замѣтить, что появленіе *и* вмѣсто *о* (*а*) рѣже и ограниченѣе, чѣмъ появленіе *и* вмѣсто *е* (*я*, т. е. *а* съ предшеств. *ј*)

¹) «Auf induktiv. Wege kann die Ausnahmlosigkeit der Lautgesetze nicht bewiesen werden», говоритъ Delbrück. («Einleitungen»... 116).

²) Это, конечно, зависитъ отъ качества слога (начало, середина, закрытость, открытость, послѣ ударенія или передъ нимъ, и за сколько слоговъ до него); срв. А. А. Потебни «Два изслѣдованія о звукахъ рус. яз.» 66—68; А. И. Соболевскаго «Очеркъ русской діалектологии» въ «Живой Старинѣ» 1892, вып. I, стр. 10.

³) Тамъ-же.

или небнымъ согласн.). Это «йканье», не отмѣченное, къ сожалѣнію, составителемъ карты, вѣроятно, и кроется въ его говорѣ, «среднемъ между *а* и *о*».

Во вторыхъ, я намѣренъ сдѣлать нѣсколько географическихъ и историко-этнографическихъ разъясненій, на сколько это въ моихъ силахъ.

Лукояновскій уѣздъ—самый южный изъ уѣздовъ Нижегородской губ.; онъ лежитъ въ юго-восточномъ углу ея и граничитъ на востокѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Симбирской г., на югѣ съ Саранскимъ Пензенской г., на западѣ—съ Краснослободскимъ Пензенской и съ Ардатовскимъ и Арзамасскимъ Нижегородской г., на сѣверѣ съ Арзамасскимъ и Сергачскимъ Нижегородской г. Онъ отличается большимъ разнообразіемъ говоровъ, которое обусловливается характеромъ русской колонизаціи въ этой мѣстности. Какъ извѣстно, южная часть Нижегородской и сѣверная Пензенской г. были искони мордовскими краемъ. Мордва искони раздѣлялась на двѣ вѣтви: сѣверную (Эрзя) и южную (Мокша). Первая отличается большей культурностью и уже въ средніе вѣка имѣла своихъ князей, воевавшихъ съ русскими Суздальскими и Нижегородскими, имѣла и укрѣпленные пункты (твѣрди) ¹): на ея землѣ стоитъ теперь русскій городъ съ иниородческимъ названіемъ Арзамасъ. Вторая до сихъ поръ отличается большей дикостью и грязнымъ образомъ жизни и въ нравственномъ отношеніи, по словамъ Н. И. Русинова ²), стоитъ ниже Эрзянъ. Послѣ того, какъ пало мордовское княжество, беспокоившее Суздальскихъ и Нижегородскихъ князей, русская колонизація въ этомъ краю усилилась, а Мордва частію постепенно отступала на югъ, частію стала жить въ болѣе глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а иногда и среди Русскихъ по сосѣдству и даже въ одномъ съ ними селѣ; такія села (половинные), извѣстныя мнѣ въ южной части Курмышскаго у. Симбирской г., встрѣчаются, какъ видно изъ карты, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, Мордва довольно быстро русѣеть. «Что касается Мордовы, то надо полагать», говорить упомянутый авторъ статьи о Лукояновскомъ уѣздѣ въ Нижегородскимъ Сборникѣ ³), «что ея было гораздо больше, чѣмъ доказывается... названіями сель и деревень; но мало-по-малу Мордва обрушила, бросила свой оригиналійный костюмъ и стала даже чуждаться своего кореннаго языка, такъ напр., всѣ села государственныхъ крестьянъ, расположенные на югѣ уѣзда, когда-то окруженные дремучими лѣсами и корабельными рощами,—Азрапино, Наруково и проч.—со-

¹) Иловайскій, «Исторія Рязанскаго княжества», стр. 73.

²) «Нижегородскій Сборникъ», т. II (1869 г.), стр. 23.

³) Тамъ-же 21—22. Возможностью воспользоваться этимъ изданіемъ въ Харьковѣ я облаганъ секретарю Харьковскаго статистическаго комитета В. В. Иванову, по рекомендаціи проф. Багалѣя допустившему меня къ пользованію библіотекой комитета.

стояли не только изъ Мордовы, но даже изъ племени Мокшанъ, самого дикаго и неподатливаго на обрусьшіе. Если же национальность еще сохранилась въ двухъ соєдніхъ съ первыми седахъ, т. е. въ Печахъ и Темашевѣ, то это свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ переселеніи народа изъ-за Мокши, Пензен. г., гдѣ племя Мокшанъ до сихъ поръ живетъ значительными группами, не поддающимися никакой цивилизациѣ; тогда какъ въ Лукояновскому у. священники и школы имѣютъ значительное вліяніе на Мордову, и по тѣмъ видимымъ успѣхамъ, которыхъ достигаютъ ученики, можно навѣрное сказать, черезъ десятокъ лѣтъ национальность темашевской Мордовы окончательно исчезнетъ» ¹⁾. Что касается мордовскихъ сель, то перечисленіе ихъ въ статьѣ Русинова въ общемъ согласно съ обозначеніемъ на картѣ Даля, но есть и различія: у Русинова Саитовка отнесена къ мордовскимъ селамъ, а у Даля, судя по краскамъ, она русская съ «акающимъ», «цокающимъ» и «дзекающимъ» говоромъ; у Русинова оба Шермѣева мордовскія, у Д. одно (южное). судя по черному цвѣту, русское и *окасть*; кромѣ того, у Даля мордовскихъ сель больше въ сѣверной части уѣзда: у Русинова не упомянуты выкрашенныя у насть въ темно-зеленый цвѣтъ (= Мордва—Эрзя) Старые, Средніе и Новые Пичигуши, Ракшазонъ ²⁾ и Аникѣевка. Относительно Мордовы—Мокши оба согласны, называя только два села: Печи и Темашево.

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи языка инородцевъ на языкъ русскихъ колонистовъ остается до сихъ поръ открытымъ; для рѣшенія его необходимо основательное знакомство не съ однимъ мордовскимъ нарѣчіемъ, а съ сравни-
тельной фонетикой вообще финскихъ нарѣчій, кромѣ основательного знанія словянскихъ нарѣчій; однимъ словомъ, требуются знанія, которыя рѣдко могутъ соединяться въ одномъ лицѣ. Но и то, что сдѣлано въ этой области, заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности; я разумѣю труды покойнаго Веске, а также недавно вышедшій трудъ молодого ученаго Mikolja «Die Berührungen unter dem Westfinnischen und Russischen», на который обратилъ мое вниманіе профес. М. Е. Халанскій; при бѣгломъ просматриваніи его я замѣтилъ, что словян. *о* въ заимствованныхъ Финами словахъ часто передается черезъ *а*; упоминаю это не для того, чтобы отъ финскаго вліянія производить южно-великорусское аканье, но всетаки на такие факты стоять обращать вниманіе. Трудъ г. Миколи уже потому заслуживаетъ вниманія, что самъ онъ прошелъ школу проф. А. А. Потебни.

¹⁾ Къ числу обрусьшихъ сель мордовскихъ въ Казанскихъ «Извѣстіяхъ общества археологии, исторіи и этнографіи», т. XI, вып. 3, стр. 286—287 отнесены Тагасово и Кармален.

²⁾ Что въ этомъ сель есть Мордва и теперь, мнѣ извѣстно изъ сообщеній тамошнаго землевладѣльца, прив.-доцента Харьковскаго университета В. А. Стеклова.

Что касается родины основного зерна русского населения, поселившагося здесь, времени первых поселений, основания самого города Лукоянова и т. п., то мои поиски для определения этого въ разныхъ историческихъ трудахъ остались неудовлетворительными. Быть самому въ Лукояновѣ и Лукояновскомъ уѣздѣ и на мѣстѣ поискать какого либо архивнаго матеріала для исторіи здѣшней колонизаціи мнѣ не пришлось, да я и не считаю себя подготовленнымъ къ работѣ подобнаго рода, которую предоставлю специалистамъ историкамъ, хотя и не отрицаю возможности найти что либо. Вслѣдствіе этого я постараюсь подойти къ решенію этого вопроса косвеннымъ путемъ при помощи трудовъ, посвященныхъ специально исторіи соѣдніхъ съ Лукояновскимъ краемъ мѣстностей, а именно Иловайскаго («Исторія Рязанскаго княжества»), Перетятковича («Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка... 1882 г.») и Дубасова («Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» 1883—1887¹), предполагая, что край этотъ былъ искони приблизительно въ одинаковыхъ этнографическихъ условіяхъ съ мѣстностями, составлявшими нѣкогда восточные окраины Рязанскаго, а также южныхъ Нижегородскаго княжества, т. е. нынѣшними: губерніей Пензенской, Ардатовскимъ и Курмышскимъ уѣздами губ. Нижегородской и сѣверными уѣздами Тамбовской. Перечисленныя мѣстности окружаютъ Лукояновскій край кольцомъ, и нетрудно догадаться, что историческія данныя относительно нихъ приложимы и къ нему тѣмъ болѣе, что косвенные намеки на мѣстности Лукояновскаго края мы находимъ и въ двухъ послѣдніхъ изъ названныхъ трудовъ. Древнѣйшее населеніе всей этой мѣстности, какъ я уже упоминалъ, было Мордва, которая въ древности занимала гораздо большее пространство по направленію съ юга на сѣверъ, чѣмъ теперь, а именно на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Тамбова на сѣверъ и сѣверо-востокъ черезъ всю почти Тамбовскую и правобережную чаѣсть Нижегородской губ. до Нижнаго-Новгорода и Василь-Сурска²). Но вопросъ въ томъ, откуда и когда пришли сюда первые русскіе поселенцы. Можно бы было думать, что здѣсь столкнулось два течения: одно сѣверное или сѣверо-западное, движавшееся отъ Нижнаго-Новгорода, и другое западное,

¹) Указаніемъ на эти книги и отчасти пользованіемъ ими я обязанъ проф. Д. И. Багалю и В. И. Саввѣ.

²) На стр. 6 «Памятной книжки Нижегородской губ.» 1865 г. говорится, что Мордва живѣтъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Княгининскомъ, Василь-Сурскомъ, Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ; слѣдовательно, и въ наше время она встрѣчается не только въ южныхъ, но и центральныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. Срв. также «Историческій очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда» (Нижній-Новгородъ) Н. Денидова, стр. 5—6.

двигавшееся изъ старого Рязанского княжества. Но исторические памятники слишкомъ скучны данными въ этомъ отношеніи. О свободной колонизаціи древнѣйшаго времени мы не знаемъ почти ничего. Что же касается болѣе новаго времени—XVI—XVII в., то мы знаемъ, что здѣсь, т. е. на границахъ Нижегородской и Пензенской губ. проходили сторожевые линіи, на которыхъ селились обыкновенно разные служилые люди изъ различныхъ мѣстностей. Населеніе сторожевыхъ городковъ было также весьма разнобразно и набиралось не только изъ сосѣднихъ, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Напр. о Пензѣ известно, что «населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.). пѣши же казаки собравы были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди приеланы были двукратно изъ Шацка...¹⁾. Многіе служилыхъ людей получало также помѣстья и вотчины. Для состава крестьянскаго населенія важно обращать вниманіе и на переселеніе служилыхъ людей, такъ какъ, во первыхъ, они часто переселяли своихъ крестьянъ изъ старыхъ помѣстій и вотчинъ въ новые, во вторыхъ, многіе служилые люди въ качествѣ бѣдныхъ однодворцевъ со временемъ вполнѣ сливались съ крестьянами: мнѣ напр. известно, что есть такие «дворяне», которые сами пашутъ и бѣднѣе въкоторыхъ мѣстныхъ крестьянъ, въ Курмышскомъ уѣздѣ. Но надо еще замѣтить, что служилыми людьми Московскаго государства бывали не одни Русскіе, а и многіе татарскіе мурзы, принявши московское подданство, которые не только утверждались во владѣніи занятыхъ ими раньше помѣстій въ этихъ мѣстностяхъ, но и надѣлялись новыми, часто не измѣнныя магометанству. Такимъ образомъ явилось у настѣ много дворянскихъ фамилій татарскаго происхожденія, которые владѣли крѣпостными русскими крестьянами или Мордою, и только при Петрѣ I многія изъ нихъ обратились въ христіанство²⁾. Потомки этихъ фамилій и теперь очень нерѣдко встречаются между помѣщиками Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и Симбирской губ., часто передавъ свои имена и своимъ помѣстіямъ, такъ что, кромѣ мордовскихъ, татарскихъ и чисто-русскихъ названий сель и деревень, въ этихъ губерніяхъ можно встрѣтить и названія съ корнями татарскими или мордовскими, но съ присоединеніемъ суффиксовъ, а иногда и цѣлыхъ словъ русскихъ; сравн. напр. въ Лукояновскомъ уѣздѣ село Дивѣевъ—Усадъ и фамилію Дивѣевы, упоминаемую Дубасовымъ въ числѣ дворянскихъ ино-родческаго происхожденія³⁾; упоминаемые тамъ-же въ числѣ тамбовскихъ

¹⁾ Перетятковичъ, «Поволжье», стр. 234, сноска.

²⁾ Дубасовъ, «Очерки изъ истории Тамб. края», вып. 3, гл. I, стр. 39

³⁾ Изд. вып. I, гл. IV, стр. 183.

фамилій XVIII вѣка Енгальчевы извѣстны теперь и въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ.; тамбовская татарская фамилія Ишеевъ (ib 3, I. 39) теперь извѣстна въ названіи татарской деревни Васильского уѣзда, Нижегородской губ.; разумѣется, весьма многія названія повторяются въ разныхъ губерніяхъ, а многія мѣстныя фамиліи сдѣлались общеизвѣстными въ Россіи. Конечно, вмѣстѣ со служилыми людьми изъ Татаръ не мало было и крестьянъ, если только не предположить, что иныѣшии Татары—крестьяне въ этихъ губерніяхъ суть отатарившіеся туземцы Мордва или Мещера. Татарскихъ сель и теперь не мало въ Курмышскомъ, Сергачскомъ и друг. уѣздахъ этихъ губерній, а въ XVI в. сѣверные, ближайшіе къ Нижегородской губ., уѣзды Тамбовской губ. Темниковскій и Кадомскій (послѣдній теперь за штатомъ) были почти исключительно мордовскими и татарскими¹). Удивительно, что на находящейся въ нашемъ распоряженіи картѣ Лукояновскаго уѣзда татарскихъ сель не отмѣчено совсѣмъ.

Ближайшая къ южной части Нижегородской губ., а слѣдовательно и къ Лукояновскому уѣзду сторожевая линія проходила въ XVI в. черезъ Алатырь (Симбирской губ.) и Темниковъ (Тамбовской губ.)²). Къ сожалѣнію, мы знаемъ только главнѣйшіе пункты сторожевыхъ линій, т. е. города, а потому и не можемъ точно опредѣлить, какъ именно шла такая-то сторожевая линія, но если мы взглянемъ на карту и проведемъ прямую линію отъ г. Алатыра къ Темникову, то она пройдетъ какъ разъ черезъ южную часть Лукояновскаго уѣзда, а потому можно предположить, что уже въ XVI вѣкѣ въ Лукояновскомъ уѣздѣ были русскія поселенія.

Ближайшій городъ Пензенской губ., лежащий на югъ отъ Лукояновскаго уѣзда, Саранскъ отмѣчается Шерстятковичемъ на картѣ, приложенной къ его сочиненію, какъ основанный въ XVII в., а изъ него въ 1681 г. переводятся служилые люди для засѣчной и сторожевой службы въ восточную часть Пензенской губ.³). Слѣдовательно, колонизація мѣстности къ югу отъ Лукояновскаго уѣзда началась только съ XVII-го столѣтія (по крайней мѣрѣ офиціально).

Что касается мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ Лукояновскаго уѣзда, то тамъ, по крайней мѣрѣ до рѣки Пьяны на югъ и юго-востокъ, т. е.

¹) Дубасовъ, ib. 1, стр. 156.

²) Д. И. Багалѣй, «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», т. I, стр. 36. Города Алатырь, Темниковъ, Кадома и Шацкъ входили въ половинѣ XVI-го в. въ составъ передней линіи укрѣпленій, къ юго-востоку отъ которой тогда сейчасъ же лежала степь. Д. И. Багалѣй ссылается на сочин. Бѣляева «О сторожевой станичной и полевой службѣ».

³) «Поволжье»... 235.

въ нынѣшихъ уѣздахъ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, части Сергачскаго¹⁾ и Курмышскаго русскія поселенія были уже въ XIV-мъ столѣтіи, хотя они могли быть и раньше, вскорѣ послѣ извѣстной борьбы основателя Нижнаго-Новгорода Юрия II съ мордовскими княземъ Пургасомъ въ началѣ XIII в.²⁾. Говоря объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Арашию въ 1377 или 1378 г.³⁾, лѣтописцы называютъ гостя Тараса Петрова, у которого Моголы разорили 6 «цвѣтущихъ, многолюдныхъ сель, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудымъ»⁴⁾ (вероятно, Кудымъ, какъ она называется теперь, которая и теперь течетъ въ нынѣшнемъ Нижегородскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу); надо замѣтить, что «за Кудымъ» — очень неопределѣнно, такъ какъ позднѣе напр. Закудемскій станъ занималъ «обширную страну между р. Кудымъ и р. Сурою», и Сергач въ XVII в. былъ волостнымъ селомъ этого стана⁵⁾. Сталкиваясь и воюя съ Мордою и Татарами, Русскіе сами, несомнѣнно, селились среди нихъ подобно тому, какъ селятся теперь среди сплошного чувашскаго населенія по правому берегу р. Суры въ Симбирской и Казанской губ. Съ другой стороны, масса Мордовы, не имѣя возможности вѣдѣствіе познанія русскаго языка сопротивляться злоупотребленіямъ русскихъ служилыхъ людей въ XVI—XVII в., разбѣжалась въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII-го столѣтія отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны⁶⁾. Конечно, оставшіяся пустыми земли тѣмъ удобнѣе могли быть заняты Русскими. Что довольно рано русскія поселенія распространились на востокъ до р. Суры, доказываетъ существованіе на ней не только Курмыша на лѣвомъ берегу, но и села Алгашей, которое теперь гораздо далѣе Курмыша на югъ по правому берегу р. Суры, уже въ самомъ началѣ XV-го столѣтія⁷⁾. Торговое село Спасское въ Васильскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ въ западу отъ Курмыша, основано еще въ 1399 г.⁸⁾. Такимъ образомъ, можно думать, что приблизительно къ концу XV-го столѣтія большая часть нынѣшней Нижегородской губ. до юго-восточныхъ ея предѣловъ, а къ половинѣ XVI-го и самыя южныя окраины ея, т. е. Лукояновскій уѣздъ, не были лишены русскихъ поселковъ.

¹⁾ Княгининъ и Сергач въ XVII в. были еще селами Нижегородскаго уѣзда («Поволжье...» 285, 286—7).

²⁾ Иловайскій, «Истор. Рязанск. книж.», стр. 72—73.

³⁾ Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», т. V (изд. Смирдина 1852), стр. 50—52; Новгор. лѣтопись по списку Арх. ком. подъ 1378 г., изд. 1888 г., стр. 366.

⁴⁾ Карамзинъ, *ibid.* 52.

⁵⁾ Перетитковичъ, «Поволжье...» 277, 286—7.

⁶⁾ *Ibid.* 38.

⁷⁾ Грамота 1406 г. Василія Дмитріевича (изд. Румянцева).

⁸⁾ «Историч. очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губ.» Н. Демидова, стр. 11.

Кромъ служилыхъ людей, важную колонизаторскую роль играли монастыри. Въ Тамбовско-Шадкомъ краѣ нацр. намъ известна дѣятельность кѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ монастырей, какъ Кириллова - Бѣлозерскаго, переведившаго на новые свои вотчины крестьянъ изъ Бѣлозерскаго и Шошеконскаго уѣздовъ¹), следовательно изъ мѣстностей сѣверо-вѣликорусскихъ («окающихъ»). Тоже самое слѣдуетъ сказать какъ о вольныхъ сходцахъ, такъ и о бѣглыхъ крестьянахъ, искавшихъ здѣсь убежища или на совсѣмъ дикихъ поляхъ или на земляхъ, принадлежавшихъ монастырамъ или новымъ служилымъ людямъ въ новомъ краю. Всѣ эти новые переселенцы должны были престрѣтъ этнографический составъ нового края, какъ свидѣтельствуетъ напр. извѣстіе о вотчинахъ Новоспасскаго монастыря въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губ., на которыхъ приходили не только изъ уѣздовъ сравнительно ближайшихъ Саранскаго и Ломовскаго Пензенской губ., Арзамасскаго Нижегородской, но и болѣе отдаленныхъ, несомнѣнно, сѣверо-вѣликорусскихъ («окающихъ») — Владимирскаго, Костромскаго, Юрьевскаго²). Эта вольная колонизація могла начаться гораздо раньше офиціальной, но о ней мы не имѣемъ болѣе раннихъ извѣстій.

Для колонизаціи Лукояновскаго края не безъ значенія также «будное майданное дѣло», т. е. выдѣлываніе поташа изъ золы, столь распространенное иѣкогда въ разныхъ мѣстностяхъ Тамбовской, Пензенской и Нижегородской губ. Этотъ промыселъ, извѣстный особенно въ XVIII-омъ столѣтіи, процвѣталъ уже и въ XVII-мъ. Имъ занимались преимущественно безземельные крестьяне, майданники³), бывшіе въ Тамбовскомъ краѣ подъ командою Починковской поташной конторы. Интересно знать, о какихъ это Починкахъ идетъ рѣчь у Дубасова. Можетъ быть, это тѣ Починки, которые теперь извѣстны какъ заштатный городъ въ южной части Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ., хотя и нельзя быть въ этомъ увѣренными, такъ какъ слова Починки, Починокъ и т. п., какъ мѣстное название, означающее иѣчто початое, затронутое человѣческой рукой, особенно говоря о вырубленномъ мѣстѣ среди лѣсовъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ лѣсной или пограничной съ лѣсной полосы Россіи⁴). Дубасовъ (стр. 95,

1) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Тамб. кр.», стр. 37, вып. 4-ый.

2) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Т. кр.» 39, 44, 45 (вып. 4).

3) Перетятковичъ, «Поволжье...» 285, 279 и др.; Дубасовъ, вып. 1, стр. 170.

4) На картѣ въ одномъ старомъ атласѣ (начала XIX столѣтія?) — Заглавн. листъ утерянъ) отмѣчены Починокъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ. и Починки недалеко отъ верховья р. Инсары въ Пензенск. губ., но оба эти села означены менѣе крупно, чѣмъ заштатный городъ Лукоян. уѣзда. О словѣ починокъ см. у Цотебни, «К истор. звука» IV, 22—23.

вып. I) упоминает о проектѣ христіанскаго просвѣщенія Мордовы, принадлежавшемъ во второй половинѣ XVII-го в. поддьячemu Починковской конторы (поташной) Василю Симонову. Будные станы упоминаются въ концѣ XVII-го в. въ этихъ мѣстностяхъ: въ 1678 г. напр. написаны въ переписныхъ книгахъ крестьяне села Сергача Нижегородскаго уѣзда, отецъ и сынъ, и сказано, что отецъ платилъ на будные станы по 2 четверти золы¹⁾. Слѣды этого промысла, на который шли преимущественно бобыли, въ нынѣшнемъ Васильскомъ уѣзде Нижегородской губ.—Березовый и Огневъ Майданы, которые упоминаются еще въ XVII в. въ Нижегородскомъ уѣзде, и самое название которыхъ указываетъ на занятіе ихъ жителей²⁾; въ Чензенской губ., недалеко къ востоку отъ Краснослободска, отмѣченъ на старинной картѣ «Поташной» (заводъ). Съ этимъ промысломъ въ народномъ преданіи связано основаніе нѣкоторыхъ сель. Такъ напр. изъ «описанія села Елфимова Майдана Лукояновскаго уѣзда» священника Прогрессова³⁾ узнаемъ, что, по словамъ старожиловъ, это село получило такое название «отъ первого поселенца Ефима, по народному нарѣчію Ялхима, который, поселившись въ дремучемъ лѣсу, на устьѣ рѣчки, занимался вареніемъ поташу изъ вязовой золы»... Въ связи съ этимъ промысломъ, кажется, находится и появленіе въ Лукояновскомъ уѣзде среди русскаго населенія особой этнографической группы, къ которой принадлежитъ населеніе Елфимова Майдана вмѣстѣ съ населеніемъ нѣсколькихъ смежныхъ съ нимъ сель и деревень. Среди мѣстного населенія оно слытъ подъ названіемъ «шановъ» или «бутаковъ» и на нашей картѣ отмѣчено оранжевымъ цвѣтомъ; первое прозвище характеризуетъ ихъ народность: это переселенцы изъ западныхъ губерній, второе — ихъ занятіе и указываетъ, мнѣ кажется, на то, что они были поселены первоначально преимущественно для выдѣлки поташа, если ставить это название въ связь съ «буднымъ» дѣломъ; но я долженъ сознаться, что для меня неясны какъ чередованіе *o* съ *m*, такъ и самая этимологія этихъ словъ. Относительно времени ихъ поселенія и мѣста ихъ выселенія трудно дать вполнѣ опредѣленный свѣдѣнія. Можно бы было решить это отчасти на основаніи разбора ихъ языка, но я принужденъ пока ограничиться тѣми данными, которыхъ сообщены въ Нижегородскомъ Сборникѣ. Эти данные указываютъ на элементы бѣлорусскіе и малорусскіе; но то и другое отѣлить не всегда легко, такъ какъ приходится считаться съ изложеніями малорусскихъ словъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ восточныхъ южновеликорусскихъ го-

¹⁾ Перетятковичъ, 285.

²⁾ Ibid. 279.

³⁾ «Нижегородскій Сборникъ», II, стр. 329—330.

воровъ, имѣющихъ много общихъ звуковыхъ чертъ съ западными своими собратьями говорами бѣлорусскими, такъ что иногда трудно рѣшить, есть ли известное произношеніе остатокъ рѣчи бѣлорусскихъ переселенцевъ (если такие вообще здѣсь были), или только южновеликорусское искаженіе, переиначеніе малорусской рѣчи. Есть, однако, въ языкѣ «пановъ» и такія особенности, которыя несомнѣнно указываютъ на малорусскій элементъ, а съ другой стороны такія, которыя несомнѣнно указываютъ на элементъ бѣлорусскій, при чемъ то и другое такъ перепуталось и искалилось подъ вліяніемъ мѣстнаго великорусскаго, что получились отдѣльныя выраженія довольно безобразнаго смѣшаннаго характера, результатъ дѣйствія различныхъ звуковыхъ законовъ. Остановлюсь нѣсколько какъ на существующихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ мѣстными жителями, о народности упомянутой группы, такъ и на разборѣ приводимыхъ въ статьяхъ Нижегородскаго Сборника словъ и особенностей произношенія «пановъ».

Н. И. Русиновъ въ статьѣ «Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губ.»¹⁾ приводитъ 6 деревень: Василевъ Майданъ, Новую Слободу, Дубровку, Правлево, Малиновку и Чиреси, называя жителей ихъ прямо Малоруссами, вызванными, вѣроятно, графомъ Разумовскимъ на пожалованнія ему земли изъ малорусскихъ губерній. Редакторъ Нижегород. Сборника Гацисскій въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева²⁾ говоритьъ, что «при собраніи Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній объ инонѣменномъ составѣ населенія Нижегородской губ. (см. отчетъ о засѣд. комитета 1 июня 1871 и 15 янв. 1873 г.) обнаружилось, что кромѣ названныхъ г. Русиновыми шести селеній съ такъ называемымъ малорусскимъ типомъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ находятся еще 7 такихъ-же селеній: Кондринко, Михалковъ Майданъ, Елфимово (Елфимовъ Майданъ), Козаковка, Погиболка, Красная Поляна и Василевочка». На нашей картѣ прибавлена еще 14-ая деревня Сергиевка въ сѣверо-востоку отъ Погиболки. Гуляевъ и Прогрессовъ причисляютъ жителей этихъ селеній также къ Малоруссамъ³⁾. Но ихъ свидѣтельству, окрестное русское населеніе зоветъ жителей этихъ селеній не только панами, но и поляками, польшей, литвой, ягунами²⁾. Но эти послѣднія прозвища, мнѣ кажется, говорятъ скорѣе въ пользу Бѣлоруссовъ, а не Малоруссовъ, такъ какъ Литвой обыкновенно называли въ старину Бѣлоруссовъ, которымъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ Южновеликоруссовъ идѣть въ прозвище ягуновъ (отъ родит. п. ягѣ, вмѣсто малорус, ёгѣ, сѣверно-

1) «Нижегор. Сборникъ», II, стр. 20.

2) Ibid. V, 336.

3) Ibid. II, 318, 329.

великорус. ё в ё и средневеликор. и в ё); Малоруссовъ прозвали бы скорѣе бѣгунами или всего скорѣе хохлами, какъ ихъ зовутъ Великоруссы вездѣ, гдѣ встрѣчаются съ ними; Даль даже называетъ въ числѣ трехъ говоровъ Нижегородской губ. особый яготскій, лукояновскій и прибавляетъ, что это, по сопѣдству и по говору, Пензенцы, хотя различеніе только трехъ говоровъ въ Нижегородской губ. онъ приводить не отъ себя и не считаетъ его удовлетворительнымъ¹). Священникъ Гуляевъ въ статьѣ «Особенности въ говорѣ жителей села Василева Майдана»²) приводить рядъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно великорусскія или по крайней мѣрѣ не имѣютъ ничего специально западнорусскаго, другія свойственны одинаково малорусскимъ, бѣлорусскимъ и нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ нимъ южновеликорусскихъ говоровъ, и только очень немногія присущи специально бѣлорусскимъ, а еще менѣе малорусскимъ говорамъ; кромѣ того написаніе *а* вм. *о* и *я* вм. *е* (неударяем.) отличаетъ говоръ акающій, слѣдоват. или южно-великорусскій или бѣлорусскій. Говоря о принадлежности словъ той или другой группѣ говоровъ, я разумѣю также и ихъ форму и тѣ фонетическія особенности, которыя можно вывести изъ переданного авторомъ написанія. Къ сожалѣнію, авторъ лишь въ немногихъ словахъ означилъ удареніе, которое весьма характерно въ иныхъ случаяхъ, и о которомъ можно сдѣлать заключеніе лишь косвенно на основаніи измѣненія гласныхъ, возможнаго только при условіи ихъ неударяемости. Къ великорусскимъ я отношу: да вѣча (т. е. дѣвѣча), кесъ «кажется» и комлата вм. «комната», такъ какъ мнѣ неизвѣстно существованіе ихъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, и я не нашелъ ихъ въ имѣющихся у меня подъ руками словаряхъ Пискунова и Носовича; напротивъ, первое изъ нихъ весьма обычно во многихъ великорусскихъ говорахъ; второе, о которомъ я дальше намѣренъ сказать обстоятельнѣе, извѣстно во многихъ великорусскихъ говорахъ Нижегородской и частію Симбирской г.; третье обычно въ великорусскихъ, особенно восточныхъ говорахъ³). Кажется, также исключительно великорусскими надо признать: ро-ча-гъ (примѣры *о* вм. *а* у Колосова въ «Обзорѣ» 93 исключительно сѣверно-великорусскіе); спрячи «приготовить», которое, вѣроятно, тоже, что въ словарѣ Даля «спрягчай налужск. изжарить»⁴), и родственno съ великор.

¹) «О нарѣчіяхъ русскаго яз.» LVI при издан. Толков. Словаря 1879 г.

²) «Ниж. Сборн.» V, 338.

³) Колесовъ, «Обзоръ звуков. и формальн. особ. и. р. яз.», 167 (что касается собственно измѣненія группы *мн* въ *мъ* не только въ этомъ словѣ, то оно весьма обычно даже и не въ русскихъ, а и во многихъ изъ южнословянскихъ говоровъ (сравн. серб. болг. много).

⁴) Впрочемъ въ бѣлорус. сравн. прѣжчъ, — г у... „прожить, поджаривать въ маслѣ или салѣ.“ (Носовичъ) „Прежчъ яешни, цѣсто.“ Неясна этимологія этихъ словъ въ виду

прѣжитъ «жарить»; *твяты*, которое Колосовъ¹⁾ отмѣтилъ во многихъ южно и восточно-великорусскихъ говорахъ (не только Воронеж., Курск., Орловск., Ливенск., Юхновск., Холмск. Псков. губ., Ситкаск., где бы можно было заподозрѣть влияніе мало- или бѣло-русскихъ говоровъ, но и Горбатовск. Нижегор. губ., Ковровск. Владимир. губ., Чебоксар. Казан. г., Симбир.), при чёмъ Мотовиловъ²⁾ также отмѣтилъ *тывѣть* въ Симбир. и Буинск. у. Симбир. губ.; только мнѣ кажется, что *т* здѣсь не изъ *х*, какъ думалъ Колосовъ, а изъ *ч*, и причину появленія *т* (мягкаго) я вижу въ томъ, что въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ *ч* мягкое необычно, а здѣсь въ положеніи передъ мягкимъ сочетаніемъ *въ* (*въ*) и т. п. требовался мягкий звукъ, и вотъ вмѣсто мягкаго дифтонга *ч* явился мягкий *т* подобно тому, какъ встрѣчается и *с* вм. *ч*³⁾, такъ что въ одномъ случаѣ остается одна составная часть дифтонга *ч*, въ другомъ другая; что же касается бѣлорусск. *твіцѣли*, *твяточекъ*, то, по мнѣнію Карского⁴⁾, здѣсь *т* представляетъ лишь ореографическую неточность. Общерусскими можно называть слова: *иако*, *иатеко* «возьми», — *те*, *николи* «никогда», *иагоже* «некорошо» (разумѣется, кромѣ измѣненія *е* въ *я*, которое свойственно специально «акающимъ» говорамъ). Ничего нельзя сказать опредѣленного по поводу такихъ переиницій иностранныхъ словъ, какъ облокать, двухакать, прокуронъ. Бѣлорусско-южновеликорусскими можно признать: *Ахимъя*; *воляди*, *полака* «посмотри» (указыв. на произношеніе *е* какъ *и* латин.); встрѣлись; *мянѣ*; *квакуха* «насѣдка» (въ словарѣ Даля: смолен.); закутать «затворить», *откутай* (вѣроятно, *аткутай*, какъ отмѣчено А. В. Ветуховымъ⁵⁾ въ Старобѣльскомъ у. Харьковск. губ., также *аткутать* «отвори»; *Яхимъ*; *яеня* «яичница» (срв. *яец* въ Воронеж. Колосов. 118). Бѣлорусско-великорусскимъ слѣдуетъ признать также *ужо* «немногого спустя», *енъ*⁶⁾ «онъ» — *яны*, *кулшинъ*⁷⁾. Общимъ для южновеликорус., бѣлорус. и малорусского являются: *у* вм. *с* въ выраженіи: *у лѣсъ*, также иѣкоторыя

серб. *прѣжити*, болг. *прѣжж* (Дювернуа), литов. *spriegiti* (Kurschat); срв. А. А. Потебни, К. истор. звук. III, 118—114.

¹⁾ О. с. 180.

²⁾ „Симбирская моль“ въ «Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и словесн. Ипп. Акад. Н.», т. XLIV, № 4 прилож. стр. 31.

³⁾ Колосовъ, О. с. 180.

⁴⁾ «Обзоръ звук. и формъ бѣлорус. рѣчи.» 65.

⁵⁾ «Говоры слободь Бахмутовки и Новой Айдари Старобѣльск. у. Харьк. губ.» (оттискъ въ Р. Ф. В. 1893), стр. 2, 15.

⁶⁾ Колосовъ, Обзоръ 130, Карский, Обзоръ 57; также и въ сѣв. влкрусе.: Соболевскій, йзв. Стар. 1892, вып. II, стр. 4.

⁷⁾ Колосовъ, ib., 169 (и въ сѣв. великор.)

слова и формы: тъ имъ «тѣмъ», Хвѣдоръ¹), чутко «слышно» (малор., бѣлор., а у Даля за падн.), по малу «тихонъко». Можетъ быть, къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести и отмѣченный Далемъ, какъ южн. или южн. зап., завчоръ «третьяго дня», поинка «шерстяная юбка» и сѣчка «тяпка». Восточно-малорусскимъ или южновеликорусскимъ по мягкости *ф* надо признать поретуясь «подвинься» (основн. значен. «спасайся», «берегись»), хотя въ такой формѣ оно и въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича, но, вѣроятно, или по недоразумѣнію или взято изъ мѣстности нечисто-бѣлорусской. Бѣлорусско-малорусскимъ можно назвать: твердость *л* въ болѣе²); гомонить «шумѣть» (предполагая соответствующій бѣлорусскому измѣненія *о* неудар. въ *а*); горшокъ (скорѣе бѣлорус., если измѣнить *о* неудар. на *а*, такъ какъ въ малорус., кажется, болѣе обычно горщикъ съ друг. суффиксомъ); кавзаться не «выѣзжать на показъ», какъ толкуется авторъ статьи, а «кататься» (по льду или на лошади), основное же значеніе «скользить» (чешск. *klouzati*)³); что касается *а* вм. *о*, то оно можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и переиначеніемъ малорусскаго на южно-великорусскій ладъ; морква «морковь»; нарошъ «не трогай» (вѣроятно, искажено вмѣсто не рѣш, можетъ быть, подъ влияніемъ великорус. нетрош, т. е. не трожь «не трогай»); Пилипъ; перепечька; сковать; Прячистая «праздникъ Успенія Божіей матери» (вѣрнѣе, бѣлорус., какъ показыв. и *л* вм. *е*, само по себѣ впрочемъ неубѣдительное вслѣдствіе упомянутой возможности переиначенія: въ малорус., по Пискунову,—всѣ Богородичные праздники, а въ бѣлорус. (Носовичъ) преимущ. Успеніе). Матушъ, вѣроятно, переиначеніе на великорусскій ладъ бѣлорусско-малорусскаго матуся. Можетъ быть, случайно только въ малорусскомъ словарѣ найдено мною кузня «кузница». Подпиразаться «подносяться» можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и великорусскимъ акающімъ (кромѣ неточности *о* вм. *а*) произношеніемъ малорусск. *підперезацца*. Кажется, специально бѣлорусскимъ надо признать слѣдующее: твердость *ф* въ брытый (твердое *ф* свойственно бѣлорусскому и частію западно-малорусскому; мягкое—восточно-малорус.). дычка (хотя удареніе не поставлено, однако по *л* въ первомъ слогѣ нетрудно догадаться, что оно на концѣ, какъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ въ этомъ словѣ, но измѣненіе безударнаго *о* въ *а*⁴) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, свойственно именно

¹⁾ Колесов. 171; Будде приводитъ изъ Касимов. Ряз. г. (рецензія Соболевскаго въ «Жив. Стар.» 1893, II, 256).

²⁾ Карскій 59, Потебія «Два изслѣдов.» 130.

³⁾ *о* здесь изъ *л*.

⁴⁾ Карскій, «Обзор. зв. и ф. 52». Сравн. также Шахматова, «Изслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 284—285.

бѣлорусскому: великорусск. переиначеніе было бы дачка, а не дычка); мозагъ «мозгъ» (вѣроятно, слѣдуетъ читать мѣзак, у Носовича мѣзокъ не вполнѣ вѣрно фонетически; малорус. мізок); попрыже, прыткомъ (бѣлор. прыдкій, малор. прудкій); переплавное—«преполовеніе»; особенно форма пляетъ «поетъ», такъ какъ вѣ малорус., по крайней мѣрѣ восточномъ, форма * піе¹, кажется, необычна, а обыкновенно только співа¹), но вѣ бѣлорусск. именно первая форма и съ измѣненіемъ неудар. п вѣ пїю, пѣешъ (словарь Носовича).

Редакторъ вѣ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева приводитъ еще замѣченія членомъ статистической экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ несомнѣнно бѣлорусскія черты: 1) «дзяканье», спорадически встрѣчающееся впрочемъ и вѣ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ: дзядя, дциануть (sic!), іонъ лгецъ 2) «господство у»: ваукъ²); твердость ф: трабуха вм. требуха, кручокъ, но рядомъ съ этими малорусск. «у сороги на хвистѣ».

Преображеніе бѣлорусскихъ чертъ, кажется, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе В. И. Даля, подтвержденное архивными разысками П. И. Мельникова, что это «также мензелинская шляхта», т. е. Бѣлоруссы, поселенные здѣсь, какъ и вѣ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ восточной Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вѣ XVII столѣтіи³), къ которымъ потомъ, можетъ быть, присоединились малорусские выселенцы вѣ XVIII в., когда эти земли были пожалованы графу Разумовскому, отъ которого они перешли къ князю Кочубею и Лубяновскому. Впрочемъ управляющей имѣніемъ кн. Кочубея г. Праль, по словамъ редактора Ниж. Сборника Гацисскаго, объяснялъ, что жители этихъ селеній были переселены «изъ литовскихъ губерній и принадлежать къ литовскому племени», но что документальныхъ свѣдѣній вѣ конторѣ имѣній не имѣется⁴); эти слова опять указываютъ на Бѣлоруссію, которую смышивали съ Литвой. Къ сожалѣнію, я еще не имѣлъ пока возможности непосредственно познакомиться съ этими интересными гэворами и провѣрить приведенные данныя, а также уѣдѣтися, на сколько сохранились

¹) Впрочемъ А. А. Потебня говорилъ, что співаю, т. е. *вѣ с-пѣваю («Два исслѣдованія» 135, «Разборъ сочин. Жиганскаго» 63, «Слово о полку Игоревѣ» 20, «Объясненія малорусскихъ и сродн. пѣс.» II, стр. 58, сноска) употребляется о людяхъ, а пію о животныхъ. Послѣднѣе во всякомъ случаѣ встрѣчается вѣ правобережной Украинѣ (у Номиса вѣ «Українські приказки, прислівія...» стр. 118: як уміемъ, такъ и піемъ со ссылкой на Бердичевъ и Радомысль) и вѣ галицкомъ (у Головацк. вѣ Сборникѣ: чому кури не пѣте? ч. I, стр. 44).

²) Странно а вм. о подъ ударен.; ис родит. ли падежъ ваукъ? (вместо *волка съ такимъ удар. вѣ южновеликор.)

³) Ниж. Сборн. V, 337; Рус. Вѣсти., мартъ 1873, 290—291. О поселеніяхъ Полоцкой шляхты вѣ Закамской сторонѣ вѣ 1668 г. у Перетятковича, стр. 258.

⁴) Нижегор. Сборн. V, 337.

еще въ этихъ говорахъ западно-русскія особенности; но неудовлетворительность записанного ясна уже изъ того, что напр. ничего не сказано о произношеніи *z* (какъ лат. *h* или какъ лат. *g*). Прибавлю, что иѣкоторыя западно-русскія слова находимъ тоже въ деревняхъ, не отмѣченныхъ цвѣтомъ «шановъ». Такъ въ Ульяновѣ, отмѣченной на картѣ съ говоромъ «среднимъ между *a* и *o*» (въ юговосточной части Лукояновскаго уѣзда, на рѣкѣ Инсарѣ), что вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ ея говора священника Добровракова ¹⁾), указаны въ этомъ описаніи слова *б а ж а ю* (желаю) и *с х о в а т ь* (спрятать).

Такимъ образомъ, на сколько намъ позволяютъ судить историческія данныя, русское населеніе Лукояновскаго края составилось изъ переселенцевъ изъ различныхъ губерній, хотя господствующій типъ его долженъ быть обусловленъ населеніемъ сосѣднихъ, ближайшихъ мѣстностей. Но, кромѣ старыхъ поселеній, время и происхожденіе которыхъ въ точности неизвѣстно, мы изъ приложенныхъ къ нашей картѣ примѣчаній узнаемъ точно, откуда именно выселены жители иѣкоторыхъ сель. Источникъ свѣдѣній, сообщаемыхъ составителемъ карты, мнѣ неизвѣстенъ, но приведу эти свѣдѣнія, какъ они записаны вмѣстѣ съ сообщеніемъ иѣкоторыхъ особенностей рѣчи. Эти свѣдѣнія вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ исторіи сосѣднихъ мѣстностей—Тамбовскаго края съ одной стороны и средняго и нижняго Поволжья съ другой, и что мы предположили только по аналогіи для занимающаго нась края.

„Дер. Мерлика—часть жителей (28 семействъ) переселенцы изъ Тульской, Рязанской и Калужской губерніи. Калужане говорять яго.

Дер. Волчиха—почти всѣ переселенцы изъ Тамбовской губ.—говор. на *o* (ѣнъ-то); остальные, здѣшніе жители, говор. на *a*.

Дер. Надѣжино переселенцы изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда. Говорятъ: вмѣсто корецъ—цапальникъ, мастьuga (мал. горшокъ).

Дер. Петровская—переселенцы изъ Пензенской и Тамбовской губ.; говорятъ на *a*, съ доказаніемъ; переселенцы же изъ Сергачскаго уѣзда говорятъ на *o* и не доказываютъ.

Дер. Елховка—переселенцы изъ Княгин. уѣзда говорятъ чисто на *o*.

Дер. Ворякушка—выселокъ изъ села Кріушки (Лук. уѣзда) и Пензенской губерніи (деревня Мелызань), говор. на *a*, приоказываютъ.

Село Рождествоно. Есть переселенцы изъ Суздаля (80 лѣтъ?) ²⁾, говоръ на *o* и *a*. Употребляютъ въ будущемъ времени сягдѣтъ вм. сягнеть; ждетъ вм. ждетъ; другое.

¹⁾ Этнограф. Сборн., издав. Имп. Русск. Географ. Общ., вып. 1 (Спб. 1853), стр. 35—37.

²⁾ Послѣднєе слово въ рукописи неясно.

Дер. Беревовка выселокъ изъ Пузы (Лук. уѣзда) и частію изъ Курской губерніи.

Село Николай-Даръ—переселенцы изъ Рязанской губерніи.

Д. Мал. Силино—Семеновскаго уѣзда, говор. чисто на *о*.

Д. Орловка—часть Мордовы и переселенцы изъ Орловской губ., говор. на *а* (яго).

Д. Нелей

Д. Елевъ Врагъ } выселокъ изъ Пензенской губерніи.

С. Рубцово—коренные жители говор. чисто на *о*, а переселенцы изъ села Сантовки (Лук. уѣзда) говор. на *а* и цокаютъ; вместо *ты* говор. *чы*: *дѣлачъ*, *работацъ* и пр.

С. Теплое—говоръ на *а*; сильно акаютъ, говорять *гажи* вм. *гожи*, *чаво* и проч.; въ среднемъ родѣ употребляютъ прилагательное женскаго рода «бакая добро»; употребляется слово *батманчикъ* (10 фунтовъ).

С. Шеланга—гов. на *а*; вместо *оскудѣли*—*искудѣли*.

С. Акаево—сильно акаютъ, говор. *магёшъ*, *мельницывъ*.

С. Пеля Хованская—цокаютъ и чвакаютъ, но не сильно. Говорить кесь вместо *кажись*.

С. Пеля Казенная (на *а*)—цокаютъ и употребляютъ кесь, *пери-кѣй* (паренекъ), *сѣновъ* и пр.

Д. Степановка (на *о*)—цокаютъ, говорять: *удоблять землю*.

С. Ильинское (на *а*)—цокаютъ, говорять: *шолга* (рычагъ).

Б. Пуза (на *о*)—цокаютъ; *толика* вместо *часть*, *сустанется* (станеть), *рукомесло* (ремесло).

Къ сожалѣнію, всетаки эти свѣдѣнія о переселенцахъ далеко не полны, и, какъ видимъ, составитель о многихъ селахъ не могъ сказать, откуда выселины ихъ жители, и ограничивался указаниемъ особенности ихъ произношения или словаря. Нѣкоторыя свѣдѣнія о переселенцахъ находимъ также въ статьѣ о Лукояновскомъ уѣзда Н. И. Русинова. Именно, тамъ говорится (стр. 27, Ниж. Сборн., т. II): «Въ Лукоян. у столько было и есть въ настоящее время (т. е. въ концѣ 60-хъ годовъ) незаселенныхъ площадей, что съ-издавна уѣзъ привлекалъ къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ мѣстъ... юго-западный край какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ состоялъ только изъ двухъ деревень Шутилова и Обуховки, тогда какъ нынѣ онъ составляетъ двѣ волости и 14 деревень¹⁾», изъ нихъ: Орловка вывезена изъ Орловской губ., Бутцкое изъ Благовещенск., уѣзда, Пруды и Гремячка изъ Василевской волости Лукоян. у.,

¹⁾ Срв. Соболевскаго, Жив. Старина, 1892, вып. I, стр. 21 и сноска 7.

Елховка — ч. изъ Пензенской губ., ч. изъ Княгин. у., Петровка изъ Обуховки, Григорьевка — изъ Пензенской губ., Чеварда изъ Княгининск. у., Русиновка изъ Тамбовск. губ., изъ Макарьевск. и Княгининск. у Нижегородск. губ., Елевъ Врагъ изъ Пензен. губ., Василевъ Врагъ (его нѣтъ на нашей картѣ) изъ Шутилова и Нелей изъ Пензен. губъ... Эти свѣдѣнія частію повторяютъ и подтверждаютъ нѣкоторыя изъ находящихся у наст., частію даютъ нѣчто новое.

Мы должны обратить вниманіе на то, что есть переселенцы *окающіе* изъ завѣдомо *акающіхъ* губерній, напр. о селѣ Николай Дарь, окрашенномъ въ черный цвѣтъ, слѣдоват. *окающемъ*, сказано: «переселенцы изъ Рязанской губ.» Но если мы замѣтимъ при этомъ, что въ тотъ-же черный (*окающій*) цвѣтъ окрашена деревня Недѣжино, переселенная изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда, и что съ другой стороны этотъ Егорьевскій уѣздъ занимаетъ самую сѣверную лѣвобережную заокскую часть губерніи, смежную съ *окающими* восточными частями (Богородскій уѣздъ) Московской и западными частями Владимирской губ., завѣдомо *окающей*, исключая нѣкоторыхъ самыхъ южныхъ ея мѣстностей, примыкающихъ къ Тамбовской и Касимовскому уѣзду Рязанской губ., то мы можемъ предположить, что и переселенцы села Николай Дара, какъ и переселенцы Надѣжина, были изъ сѣверной, смежной съ *окающими* мѣстностями и, вѣроятно, также *окающей* части¹⁾ Рязанской губ., хотя, къ сожалѣнію, мы обѣ уѣзды переселенцевъ первого не находимъ точныхъ указаний. Изъ списка узнаемъ также, что деревня Волчиха, окрашенная на картѣ въ красный (*акающій*) цвѣтъ, имѣетъ *окающихихъ* переселенцевъ изъ Тамбовской губ., и что только здѣшніе жители говорятъ на *а*; что и въ Тамбовской губ., въ большинствѣ *акающей*, въ нѣкоторыхъ, особенно сѣверныхъ, уѣздахъ могутъ встрѣтиться *окающіе* говоры,—это несомнѣнно, если обратимъ вниманіе на исторію колонизаціи этого края (срв. «Очерки»... Дубасова); къ сожалѣнію только, наше невѣжество въ діалектологіи заставляетъ насъ предполагать, а не утверждать навѣрно.²⁾

¹⁾ Мне кажется, что замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго о несомнѣнности сильнаго оканья даже съ вѣрихъ говоровъ Рязанской губ. слишкомъ рѣшительно (Ж. Ст. 1892, вып. I, стр. 18). Правда, по Будде («Къ діалектології великор. нарѣч.», ред. Соболевскаго въ Ж. Ст. 1893, II, 256) и въ Касимовск. у. *акауть*, но нельзѧ навѣрно утверждать, чтобы въ сѣв. части напр. Егорьевскаго у. не встрѣтилось *окающихихъ* сель. Самъ Соболевскій считаетъ исконными сѣверно-великорусскія черты, встрѣчающіяся въ смѣшаніи съ южно-великор. въ Касимовскомъ говорѣ.

²⁾ О говорахъ Тамбовской губ. слѣдуетъ сказать тоже, что проф. Соболевскій замѣтилъ обѣ *акающихихъ* говорахъ Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. (Ж. Ст. 1892, I, 21); среди *акающихихъ* говоровъ здѣсь могутъ встрѣтиться говоры съ мѣной *и* и *ч*, оканьеи и друг. сѣверными чертами; они самы приходить изъ Тамб. уѣзда, о выселенцахъ въ Спасскій уѣздъ съ сѣвера (изъ Пошехонскаго и Бѣлозерск. у. (ibid. сноска 7).

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Русиновымъ, узнаѣмъ, что село Русиновка, окрашенная въ *акающій* цвѣтъ, имѣть переселенцевъ не только изъ Тамбовской г., но также и изъ завѣдомо *акающихъ* Макарьевскаго и Княгининскаго (въ послѣднемъ *аканье* только мѣстами въ южной части) уѣздовъ Нижегородской губ.

Изъ приложенныхъ къ картѣ свѣдѣній мы узнаѣмъ также, что таѣ называемые *ягуны* могутъ не совпадать съ *панами* и *поляками* и т. п., т. е. могутъ быть переселенцами не изъ Бѣлоруссіи, а изъ центральныхъ, южновеликорусскихъ губерній (Калужской, Орловской, Курской); а бѣлорусское измѣненіе *та* въ *ца* находить въ селѣ Рубцовѣ у переселенцевъ изъ села Сантовки. Откуда выселились жители послѣдней, мы не знаемъ; можетъ быть, это тоже остатокъ нѣкогда бывшихъ здѣсь бѣлорусскихъ поселеній.

Я уже упоминалъ выше, что *аканье* кроется, вѣроятно, въ терминѣ «говорь средній между *а* и *о*», употребленномъ составителемъ карты. По терминологіи проф. Соболевскаго это говоры «умѣренно акающіе». Дѣйствительно, въ Ульяновѣ, по описанію Доброзракова, сильно распространено *аканье*, т. е. измѣненіе неудар. *е* (изъ первонач. *е* и *я*) въ *и*, при чмъ это измѣненіе чередуется съ измѣненіемъ *е* послѣ шипящихъ въ *а* (чавѣ, жовѣть при землѣ, гридѣ и т. п.)¹). Такое-же *аканье* известно и во многихъ говорахъ Сергачскаго и Курмышскаго² уѣздовъ, напр. въ описанномъ мною въ «Archiv fürl slav. Philologie» X, 350—351 говорѣ села Теплого Стана, гдѣ также послѣ шипящихъ и *ј* въ слогѣ передъ удареніемъ вмѣсто *и* является *а* (примѣры изъ моей замѣтки извлечены и приведены проф. Соболевскимъ на страницахъ «Живой Старинѣ»). Такіе средніе говоры должны быть особенно свойственны полосѣ переходной отъ сѣверновеликорусскаго къ южновеликорусскому нарѣчію. Въ этой переходной полосѣ и лежать южные уѣзды Нижегородской и западные Симбирской губ. Иногда болѣе или менѣе точными границами служатъ рѣки³). Такъ въ Курмышскомъ уѣздѣ такой границей служитъ рѣка Пьяна, къ сѣверу отъ которой *акаютъ*, къ югу же почти

¹) Этногр. Сборн. I, 35, Соболевскій въ «Жив. Старинѣ» 1892, 1, стр. 22.

²) «Жив. Стар.» ibid.

³) Какъ иногда трудно провести границы сѣверно и южно-великорусскихъ говоровъ доказываетъ замѣткіе Колосова, что во Владимирской губ. *аканье* сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу, т. е. наоборотъ ожидаемому («Замѣтки о яз. и народи. поэзіи въ области сѣв. великор. нарѣч.», 288). А. А. Шахматовъ, однако, указываетъ на то, что *акающіе* говоры (*и* въ нихъ изъ закрытаго *е* послѣ небныхъ согласныхъ) одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверно-и въ южно-великор., т. е. соединяться съ *аканьемъ* и съ *аканьемъ* («Изслѣдов. въ области русской фанетики», стр. 199—202...). Болѣе заслуживають названія говоровъ «средніхъ между *а* и *о*» говоры «неакающіе», т. е. сохранившіе въ слогѣ передъ удареннымъ *о* склоненіе къ *а* (ibid., стр. 263).

исключительно *акаютъ* (охающие говоры, какъ Олферьевскій у истоковъ Пьянъ, составляютъ здѣсь исключеніе, встрѣчающееся, однако, и южнѣе, въ Ардатовскому уѣздѣ Симбир. губ.). Тоже приблизительно относится и къ западному сосѣду Курмышскаго уѣзда, къ лежащему также въ бассейнѣ рѣки Пьянъ уѣзду Сергачскому Нижегородской губ., хотя, судя по упомянутой въ началѣ нашей статьи неполной картѣ, въ самой южной части уѣзда, прилегающей къ Лукояновскому, довольно много «охающихъ» сель. Въ слѣдующемъ, лежащемъ въ бассейнѣ р. Пьянъ къ западу и сѣверо-западу отъ Сергачскаго Княгининскому уѣздѣ (центральномъ въ Нижегородской губ.), по описанію, приложенному къ картѣ, въ сѣверной части р. Пьянъ *акаютъ*, а въ изгибѣ Пьянъ «оканье слабѣе, выговоръ ближе приближается къ нашему» и одно село (Инкино) *акаетъ*. Хотя Лукояновскій уѣздѣ находится южнѣе этихъ трехъ уѣздовъ и идетъ паралельно съ Ардатовскимъ Симбир. губ., всетаки и тамъ, какъ видимъ изъ карты и описанія, *аканье* перемѣшано съ *оканьемъ*, но *акающихъ* сель больше къ югу отъ р. Алатыря, чѣмъ къ сѣверу отъ него, и въ самомъ Лукояновѣ, лежащемъ въ сѣверо-западномъ углу уѣзда, *акаютъ*.

Кромѣ общей характеристики говоровъ въ объяснительной запискѣ, приложенной къ картѣ, находимъ и приведенные, правда, безъ всякой системы, отдельные слова и выраженія (формы), употребительныя въ данной мѣстности. Обращу вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ.

О селѣ Рождественѣ сказано, что тамъ употребляется въ будущемъ времени *ся гдѣтъ* вм. *сягнеть*; эту форму З. л. ед. ч. я произвожу отъ перво-образной основы *ся г-* (—ст.-сл. *сѧг-*) безъ суффикса *и*, которую находимъ въ глаг. *досягчі*—*досягѹ*. Особенность образования здѣсь въ томъ, что *г* передъ *е* осталось несмягченнымъ, а *е* подъ удареніемъ измѣнилось въ *о*, вѣроятно, черезъ посредство *ё*. Въ отношеніи неизмѣняемости гортаннаго въ *шипящій* и переноса ударенія на суффиксальный слогъ подъ влияніемъ ф. 1 л. (сравн. *досягѹ*—*досяжетъ*), а можетъ быть, вѣрнѣе сказать, въ отношеніи удержанія ударенія на суффиксальномъ слогѣ, если считать, что въ *можешъ* при *могѹ* удареніе отодвинуто назадъ¹⁾; эту форму слѣдуетъ сопоставить съ формой *магѣшъ* (ъ), т. е. **могѣшъ*, вм. *можешъ*, употребляемой въ селѣ Акаевѣ.—Тамъ-же говорится «*жжетъ*» (вѣроятно, *жжотъ*)

¹⁾ По мнѣнію Ф. Ф. Фортунатова, *можешъ* и серб. *м брешъ*, *м бре съ* болѣе древнимъ удареніемъ, чѣмъ рус. *могѹ*, серб. *штокая*, *м бгу*, такъ какъ наоборотъ суф. 1 л. ед. ч. ст.-слов. *ж* рус. серб. (въ немногихъ глаголахъ) у съ первонач. длительной долготой перетянула на себя удареніе еще въ общесловенскомъ языке, вслѣдствіе чего *б ерѹ*, *могѹ* (ст.-сл. *б ерж*, *могж*) при греч. *φέρω* и т. п. Слѣдов. вѣрнѣе сказать, что удареніе въ *магѣшъ* подъ влияніемъ *могѹ*.

вм. «ждеть» (въроятно, точнѣе вмѣсто *ждѣт* или *ждѣт*, употреблена для сложнаго звучнаго *дж*, соотвѣтствующаго незвучному *и*, сербскій знакъ *и*)¹⁾.

Форма «другеи» (несомнѣнно, другеи съ удареніемъ на *e*) указываетъ на очень интересное явленіе въ склоненіи прилагательныхъ, а именно на то, что вмѣста звука *ы* при удареніи на немъ является послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ гортанныхъ, звукъ *э*, т. е. *e*, не смягчающе предыдущаго согласнаго, послѣ же гортанныхъ вмѣсто *и* (изъ древне-русскаго *и*) другихъ говоровъ является *e*, смягчающее предыдущій согласный, т. е. качество гласнаго *э*, замѣнившаго *ы*, зависить отъ качества предыдущаго согласнаго. Эти *э* и *e* проходитъ затѣмъ по всѣмъ падежамъ множ. ч., захватывая творит. и мѣстн. пад. муж. и средн. р. единственнаго: *худѣи*, *простѣи*, *толстѣи*, *молодѣи*, *гнилѣи*, *сырѣи*, *болѣи* (*и* въ этихъ говорахъ твердо) и т. п., *худѣх* и т. п., —*ем*, —*ими*. и т. д., мѣстн. един. *ф* *худѣм*, *в гнилѣм* и т. п., но такѣи, *другѣи*, —*ех*, —*ими* (глухѣмъ дорогами), *ф* такѣмъ *мѣсѣтѣ* и т. п.²⁾.

Формы эти очень распространены въ разныхъ говорахъ средней полосы какъ окающихъ такъ и акающихъ. Колосовъ³⁾ напрасно называетъ эти говоры имѣющими оттѣнокъ бѣлорусскаго нарѣчія. Если-бы это было такъ, то пришлось бы признать бѣлорусскій оттѣнокъ едва ли не во всѣхъ говорахъ средне-волжскаго бассейна. Самъ Даль⁴⁾ приписываетъ формы *и нѣи* (въроятно, *и нѣи*), *сухѣи*, *правда*, *мѣстами*, всей лежащей на правомъ берегу Волги полосѣ Нижегородской губ. (Горбат., Нижегород., Княгин, Вас. у.), миѣ же удалось слышать ихъ, кромѣ говоровъ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. (на *о* въ сѣв. части, на *а* въ южн. ч.) и Нижегородской губ. (Василь-Сурскаго, Макарьевскаго и случайно отъ крестьянки села Павлова

¹⁾ Я употребляю знакъ *ё* для извѣстнаго звука, близкаго къ *о*, но не тождественнаго съ *и* не только въ томъ отношеніи, что онъ слѣдуетъ за иѣбнымъ согласнымъ, но и въ самомъ характерѣ звука. Къ сожалѣнію, у меня нѣть подъ рукой весыма важной статьи *Ф. Е. Корша* «Beobachtungen über die Aussprache des russischen» (Archiv für slav. Philologie III, 666—684), гдѣ опредѣленъ характеръ звука *ё* (вмѣсто *е* въ извѣстныхъ случаяхъ) въ московскомъ нарѣчіи.

²⁾ Я позволяю себѣ оставлять при записываніи особенностей говоровъ букву *ъ* пока еще не выяснено окончательно, дѣйствительно ли *ъ* вполнѣ совпадаетъ съ *e* въ данномъ говорѣ, предполагая подъ *ъ* звукъ, близкій или тождественный съ *e*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе *ъ* для меня представляется важнымъ при указаніи нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей говоровъ.

³⁾ «Обзор. звуков. и формальн. особенностей народн. русск. яз.», 229.

⁴⁾ «Ф. нарѣчіяхъ», 56—58.

Горбатов. у.), также и отъ крестьянъ Владимирской г. Покровскаго у. ¹⁾ (въ Москвѣ въ военномъ госпиталѣ), Тверской Корчевскаго ¹⁾ у. (въ Петербургѣ, въ клинике Вилье) и Оренбургской ¹⁾ г. (случайно въ вагонѣ желѣзной д.). Кромѣ того, странно было предполагать въ этомъ явленіи вліяніе того нарѣчія, въ которомъ подобныхъ формъ до сихъ поръ не было известно, когда ихъ возможно объяснить фонетическими и морфологическими причинами, вытекающими изъ свойствъ мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ. Бѣлорусскимъ оттѣнкомъ можно было бы назвать именит. п. един. ч. муж. р. или дат., твор. и мѣстн. един. жен. р. на ёй, такъ какъ подобные формы были известны уже давно въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ ²⁾, но послѣдняго какъ разъ не знаютъ наши говоры. Только въ послѣднемъ недавно вышедшемъ труда Карского ³⁾ находимъ формы множ. ч., почерпнутыя изъ Сборника Романова съ указаніемъ на Сынскій и Оршанскій уѣзды, на ёя (—ыя) и т. п.: половѣя, старѣя, чужея, лубянея, такѣя. Въ болѣе раннѣмъ труда Карского «Обзоръ звук. и формъ»... я ничего подобнаго не находилъ. Но и теперь, когда въ области бѣлорусскаго нарѣчія стали известны подобные формы, я не вижу никакой необходимости это совпаденіе нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ со средне-великорусскими объяснять непремѣнно вліяніемъ первыхъ на послѣдніе, такъ какъ и въ тѣхъ и другихъ эти формы могли развиться вполнѣ самостоятельно. Я уже предложилъ объясненіе этихъ формъ въ «Archiv fr slavische Philologie» X, 350, гдѣ я призналъ въ нихъ явленіе не фонетическое, а морфологическое. Я именно вижу здѣсь вліяніе мѣстоименныхъ формъ, какъ тѣ—тѣхъ, одинъ—одинъ, мое, твоѣ, моѣхъ, твоѣхъ,—ѣмъ,—ѣми и т. д., употребительныхъ въ тѣхъ же говорахъ; этимологическое же въ нихъ доказывается какъ произношеніемъ (не ё) такъ и исторіей русскихъ и другихъ славянскихъ нарѣчій. Что касается формъ косвенныхъ падежей, то же здѣсь было уже въ древне-русскомъ и старославянскомъ; напомню нѣсколько примѣровъ изъ древне-русскаго, напр. Новгород. I лѣтописи по Синодальн. списку (фототипич. издан.): онѣмъ (дат. множ.) 179, 193, самѣхъ 203, иныхъ 35, 36, 41, 42, 81, 141 и мн. др., одинѣхъ 178, хотя нерѣдко и по образцу склоненія слитныхъ прилагательныхъ: онѣхъ 77, 180, иныхъ 171, 181, 190 и др.; не говорю объ обще-известныхъ въ др.-русскомъ, старо-славянскомъ и другихъ славян-

¹⁾ Эти три говора на ё.

²⁾ Карский, Обзоръ зв. и формъ бѣлорус. р., 137; Потебня, Два изслѣдованія, 59. Колосовъ, Обзоръ. 225, 229.

³⁾ «Къ истор. зв. и формъ бѣлорус. рѣчи» (Рус. Фил. Вѣсти. 1893, № 3, стр. 64, 57).

скихъ нарѣчіяхъ тѣхъ, въ сѣхъ¹⁾ и т. д. Эти формы косвенныхъ падежей дѣйствовали съ одной стороны на формы косвенныхъ пад. другихъ, мѣстоменій, гдѣ по фонетическимъ условіямъ должно было явиться и вм. ж., а съ другой стороны на формы именит. множ., гдѣ также исконн. и въ твердыхъ основахъ по извѣстной причинѣ (изъ дифтонга *oē* съ длительной долготой, по мнѣнію проф. Ф. Фортунатова) являлось и вмѣсто ж.; такимъ образомъ въ діалектахъ явились съ одной стороны формы сѣхъ(ъ), моѣхъ(ъ) и т. п. вмѣсто старыхъ сихъ, моихъ и т. п. (отъ имен. ед. съ, мой и т. п.), напр. уже въ XV-мъ столѣтіи: въ сѣхъ строкахъ Послан. духовенства въ Шемякѣ 1447²⁾, въ XVI-мъ в.: до сѣхъ мѣстъ (рѣчъ патр. Иова 1598 г.)³⁾, сѣми часы (письмо В. кн. Василия III къ супругѣ Оленѣ 1526—1530)⁴⁾, въ XVII в. по сѣхъ мѣстъ (куранты 1665 г.)⁵⁾, въ соврем.: по сѣхъ пор (слышано мню въ дер. Плетнихъ Василь-Сурского у. Нижегородской губ.), моѣхъ, моѣми твоѣхъ и т. п. (въ разныхъ говорахъ Нижегородской и частію Симбирской губ.), съ другой стороны имен. множ. онѣ, тѣ, однѣ, всѣ и т. п. вмѣсто они, ти, *одини, вси и т. п., далѣе при моѣхъ также моѣ и т. п., сѣ при сѣхъ. Кромѣ того, имен. пад. множ. ч. на ж породилъ и въ косвен. пад. формы съ и вм. ж., которые являются довольно рано: въ древ. новгородскомъ нарѣч. всімъ, всіхъ, всіми, всімъ, тимъ (твор. един.), тимъ, тими⁶⁾, соврем. бѣлорус. всіхъ, всіми⁷⁾ и т. п., соврем. литерат. однѣхъ и т. п. Я не могу соглашаться съ проф. Соболевскимъ, что формы тѣ, однѣ, самѣ (уже въ памятникахъ⁸⁾ XIV в.) вызваны формами всѣ, сѣ, которыхъ, какъ и моѣ, суть собственно формы старого винит. п. множ. ч.⁹⁾ (ж изъ сочетан. гласн. съ носовымъ, соотвѣтственно съ

¹⁾ По предположенію проф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, формы множ. ч. и иѣкоторыя един. ч. (твор. въ сѣмъ) этого мѣстоменія предполагаютъ имен. *въ хъ—литов. *v i s a s*; при такомъ предположеніи является понятнымъ ж ви. и, ожидаемаго отъ мягкой основы въ сѣ: въ сѣхъ при *въ хъ тоже, что въ а сѣхъ при въ а хъ; кроме того, ф. съ хъ доказана пріимѣрами изъ др.-русскаго: Новгор. Глѣт., стр. 175 въ е по хъ, грам. Варлаама Хутын. 1192 г. въ хоу (вин. ед. жен. р.); что касается въ сѣ, то оно образовано такъ-же какъ и отъ цъ, къ на ф. съ и т. п.

²⁾ Христом. Пенинскаго 1843 г., стр. 409 (изъ актовъ, издан. Археограф. ком.).

³⁾ Ibid. 384.

⁴⁾ Буслаевъ, Историч. христомат. 754.

⁵⁾ Ibid. 1143.

⁶⁾ Шахматовъ, О языкѣ Новгород. грамотъ, 195.

⁷⁾ Соболевскій, Лекціи, 135; Карскій, Обзоръ зв. и ф. бѣлор. р., 135.

⁸⁾ «Изслѣдованія въ области русской грамматики», 35. Нѣчего напоминать о томъ, что различеніе въ правописаніи литературнаго языка они и онѣ, однѣ и однѣ по родамъ не имѣть ни малѣйшей научной подкладки.

⁹⁾ Соболевскій, Лекціи 1, стр. 140, Изслѣдованія въ обн. рус. грам. 15; Колосовъ, Обзоръ зв. и ф. особ. 238.

старослов. *ж*); напротивъ, я думаю, что удержаніе формы винит. п. на *ж* въ послѣдніхъ обязано вліянію *ж* въ первыхъ, въ которыхъ оно обязано косвеннымъ падежамъ; кромѣ того, *ж* въ формѣ всѣ, хотя и могло бы считаться формой вин. мн., какъ сѣ и моѣ, но естественнѣе выводимо изъ косвенныхъ пад. наравнѣ съ тѣ и т. п. Въ отдѣльныхъ великорусскихъ говорахъ вліяніе этого *ж* распространяется и далѣе, вслѣдствіе чего являются формы, какъ *съ* кѣхъ пор (вм.—коих—) въ Курмыши. у. Симбир. губ., гдѣ звукъ *е* нельзя объяснить какъ результатъ стяженія *ои*, а скорѣе какъ перенесеніе изъ формъ тѣхъ, сѣхъ и т. п.; мнѣ кажется, что, еслибы въ корнѣ этого мѣстоименія былъ согласи. негортаний, то вм. *е* (*ж*) мягкаго явилось бы *э* (*е* твердое). Въ тѣхъ-же великорусскихъ говорахъ употребительны и вышеуказанные формы прилагательныхъ, въ которыхъ вслѣдствіе позднаго ихъ происхожденія мѣстоименій звукъ *е* (этимологич. *ж*) перешелъ, не измѣнивъ твердаго характера предшествующаго согласнаго, обусловленнаго слѣдующимъ за нимъ *ж* или *о* (въ мѣстн. п. един. ч.); такимъ образомъ, по моему мнѣнію, худѣхъ и т. д., а затѣмъ и худѣи возникли по образцу тѣхъ—тѣ, а вслѣдствіе частаго смышенія формы мѣстн. над. съ ф. творит. (сравн. въ тѣхъ-же говорахъ: с'нѣмъ вмѣсто с'нимъ и на оборотъ въ нимъ, фтѣмъ вм. въ нѣмъ, въ томъ) и въ мѣстн. един. является худѣмъ по образцу тѣмъ.

А. А. Потебня, съ которыми я бесѣдовалъ по поводу этихъ формъ въ послѣдній годъ его жизни весною 1891 г., не могъ согласиться съ моимъ объясненіемъ потому, что при дѣйствіи аналогіи онъ ожидалъ бы полнаго совпаденія, т. е. не только звукового характера *е*, но и смягченія предшествующаго ему согласнаго, а именно напр. * худѣхъ, а не худѣхъ; какъ известно, Потебня не любилъ злоупотреблять объясненіями помощью аналогіи, а потому и здѣсь онъ предпочелъ увидать стяженіе, можетъ быть, изъ формъ * худѣхъ, * молодѣхъ (—ныѣхъ?), подобныхъ формамъ тѣхъ, добрыхъ или сітск. горькіеф, чужіеф¹) и т. п., молодыемъ робятамъ²) Череп. Новг. г.

Дѣйствительно, говоры праваго берега средней Волги (особенно Нижегородской и Симбирской губ.) богаты примѣрами стяженія; въ говорахъ Курмышскаго уѣзда, напримѣръ, весьма обычны формы: знат вмѣсто знаѣтъ, мот, мом, вмѣсто мѣтъ, мѣдѣмъ, цалют вмѣсто цѣлуетъ и т. п., гдѣ второй неударяемый гласный всецѣло поглощается первымъ ударяемымъ, и

¹) Изслѣдованія въ области рус. грам. 74.

²) Колесов, Обзор. звук. и форм. особ., 229, 99—100.

даже и єхъл вмѣсто по єхал(ъ), гдѣ второй ударяемый гласный ассилируетъ себѣ первый неударяемый, сохранивъ его твердый характеръ, пыжай вмѣсто по єзжай, гдѣ сочетаніе неударяемаго *o*, которое, находясь за два слога передъ слогомъ ударяемымъ, должно было измѣниться въ глухой звукъ (*z*), съ неударяемымъ *e* (*z*), въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударяемому измѣнившимся, вѣроятно, въ краткое *e*, близкое къ *u*, дало иѣчто вродѣ того, что мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ словянскихъ нарѣчіяхъ изъ сочетанія *z* (конечн. гласнаго основы) + *u* (мѣстоименіе) въ окончан. иминительного падежа единственнаго числа мужск. рода именъ прилагательныхъ (напримѣрь польское *d o b y*), т. е. звукъ *u*; тоже явленіе, что въ и єхъл, и въ ч е л ё к вмѣсто ч е л о (*e*) Ѳ к(ъ). Но для того, чтобы убѣдиться въ происхожденіи х у д ёх изъ х у д ёх и т. п., слѣдовало бы во первыхъ доказать, что послѣднія формы дѣйствительно существовали въ этихъ говорахъ, во вторыхъ доказать возможность стяженія ударяемаго *u* + неударяем. *e* въ э (твѣрдое *e*); что касается первого вопроса, то думаю, что на него скорѣе слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ доказано существованіе подобныхъ формъ, ясно позднее ихъ происхожденіе изъ иминительного падежа на *u e*; что же касается второго, то изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ стяженія уже ясно, что и є¹) могло дать только *u*, а никакъ не э, которое могло получиться только изъ и є (и Ѳ), т. е. изъ сочетанія неударяемаго *u* съ ударяемымъ *e* (*z*), хотя вообще примѣровъ стяженія и є въ этихъ говорахъ мнѣ неизвѣстно. Вслѣдствіе этихъ соображеній я пока не вижу никакой причины, почему бы я долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго мною еще семь лѣтъ тому назадъ объясненія. Что касается мѣстоименій формъ к Ѳ х вмѣсто к Ѳ и х (ъ), то и относительно ея не можетъ быть никакого сомнѣнія, что никакого стяженія тутъ иѣть, ибо *o i* никогда бы не дало *e* (*z*), вслѣдствіе чего я это *e* и позволилъ себѣ обозначить буквой *z*, чтобы показать его полное тожество съ *z* въ т Ѳ х.

Затѣмъ мое вниманіе останавливается на себѣ частица к е с' (кесъ) въ значеніи «кажется». Въ Толковомъ словарѣ Даля это слово объяснено такъ: «кесъ или кестъ Влад., Моск., Ряз., Тамб., кажется, кажись, видится, никакъ, будто-бы. Кесъ и да-не бѣ хотеть хмуриться». Очевидно, прибавка «или кестъ» вызвана ошибочной этимологіей самого Даля, которому казалось, что это вмѣсто какъ есть; по крайней мѣрѣ иначе я не могу объяснить ея себѣ, такъ какъ фонетически *m'* (тъ) не

¹) Т. е. сочетаніе ударяемаго *u* + неударяем. *e* (*z*). При стяженіи въ нашихъ говорахъ вообще всегда одерживается верхъ ударяемый гласный надъ неударяемымъ, въ какомъ бы порядкѣ одинъ за другимъ они ни стояли.

могло бы удержаться. Какъ было упомянуто выше, слово это было отмѣчено Гуляевымъ въ числѣ словъ, употребительныхъ въ Василевѣ Майданѣ у таѣ называемыхъ «шановъ». Но, какъ я уже говорилъ, здѣсь нѣтъ ничего западно-руссаго, а ссылка Даля на Владимирскую, Московскую, Рязанскую и Тамбовскую губ. еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Прежде, чѣмъ предложить этимологію этой частицы, я приведу нѣсколько примѣровъ ея употребленія и значенія. Въ разговорѣ, напечатанномъ Колосовымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстнике I, стр. 163 и перепечатанномъ Смирновымъ въ «Сборнике древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» 177, изъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губ., нѣкто на вопросъ о качествѣ муки отвѣчаетъ: «кѣсъ гожа» (т. е. «кажись» или «кажется, хороша»). Мною слышано въ с. Тепломъ Станѣ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ.: «какѣ¹) скрѣмны да тѣхи—кѣсъ красны дѣвушкы»; «кѣсъ мъл євѣ гольсъ» (= «кажется (молъ) его голость»). Изъ этихъ примѣровъ видно, что значеніе кѣсъ (кѣсъ)—«кажется», «кажись», «словно» и т. п. Надѣюсь, что нарѣчное употребленіе слова кажись всѣмъ извѣстно, такъ какъ встрѣчается во многихъ говорахъ, а по этимологіи оно не что иное, какъ повелительное наклоненіе отъ глагола «казаться», употребленное вмѣсто и въ значеніи изъявительного. Основываясь на тождественности или по крайней мѣрѣ близости значенія кѣсъ и кажись, я постараюсь привести кое-какія соображенія относительно того, что и этимологически они тождественны. Для этого необходимо сдѣлать вѣроятнымъ во-первыхъ выпаденіе извѣстныхъ согласныхъ внутри словъ между гласными и въ частности ж, во-вторыхъ стаженіе а неударяемаго + и ударяемое въ є. Что касается первого вопроса, то на него можно отвѣтить утвердительно. Очень часто въ весьма многихъ говорахъ разныхъ сло- вянскихъ нарѣчій и въ частности въ рассматриваемыхъ нами великорусскихъ говорахъ такому процессу подвергаются звучные гортанные и зубные (г, ѣ и д); въ нашихъ говорахъ собственно зубные (д): глядѣ²) (причёмъ передъ и не слышно ѡ) вмѣсто глядѣ и даже гляка, которое могло явиться лишь подъ условіемъ перенесенія ударенія на первый слогъ, сравни южновеликорус ское³) и малорусское рѣдѣтъ вмѣсто рѣдѣть, напримѣръ у Квитки: «но-

¹) Стаженнаа форма вмѣсто какѣи (не пишу ѿ потому, что ѿ-мягкое адѣсь не само по себѣ, а лишь вслѣдствіе положенія послѣ гортаннаго).

²) Я удерживаю буквы я и ю при записываніи говоровъ для упрощенія правописанія, разумѣя подъ ними или а и у послѣ небныхъ согласныхъ (если онѣ написаны послѣ согласныхъ) или сочетанія согласной ѡ съ а и у (если онѣ написаны послѣ гласной или въ началѣ словъ).

³) Халанскій, «Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка, II...» (съв. ч. Путильскаго уѣзда Курской губ.): Р. Ф. В. 1886, XVI, 15.

знаты, что громада на р à е» (Малор. пов. II, 220); параллельны этому явленія находимъ и въ южнословянскихъ говорахъ: хорутанск. ле вмѣсто *gle* отъ того же корня *глѧд-, *г е ш* отъ корня *глѧд-* (ст.-слов. *глѧдъ*¹), болгарское *ѝ з в а (д) і* Прилеп., *г л е (д) а м е*, *ð (д) і т* и другія²). Я не говорю о нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ, которые во многихъ словянскихъ нарѣчіяхъ подвергаются выпаденію между гласными или въ началѣ словъ и наоборотъ иногда появляются вновь; таковы особенно спираціи *с*, *х*, *h*, *j*. Для выпаденія собственно *ж* я не могу привести несомнѣнного примѣра не только въ нашихъ говорахъ, но и въ другихъ говорахъ различныхъ словянскихъ нарѣчій. Тѣмъ не менѣе кажется несомнѣннымъ, что явленіе это наблюдалось въ формахъ двухъ глаголовъ, хотя я не отрицаю, что причина его можетъ быть нефонетической.

Во многихъ южно-великорусскихъ, малорусскихъ и южнословянскихъ (болгарскихъ) говорахъ встрѣчаются формы безъ *ж* тамъ, где оно приходилось между двумя гласными. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Даль въ своемъ словарѣ отмѣчаетъ слѣдующее: «*к à е* кур(ск). вор(онеж). сокращенное *к à ж е*, онъ говорить или сказалъ, онъ бантъ, моль, де, дескать. Онъ *к à е*, не пойду, *к à е....*». М. Е. Хэданскій въ числѣ словъ описанного имъ Путивльского говора Курской губ.³) приводить глаголь «*к à и тъ* говорить», не приведя, къ сожалѣнію, примѣровъ этого употребленія, вслѣдствіе чего я позволю себѣ усомниться, чтобы авторомъ дѣйствительно была слышана форма неопределеннаго наклоненія *к à и тъ*, и думаю, что онъ её построилъ теоретически на основаніи слышанного имъ З лица единственнаго числа *к à е* или *к à э* или *к à и*. Для восточно-малорусского можно привести много примѣровъ изъ повѣстей Квитки и сказокъ Манжуры. И замѣчательно, что у Квитки *к à э* (такъ, съ твердымъ неиотованнымъ *э*, а не *е*) часто чередуется съ *к à ж е*. Напримеръ: отъ и *к à ж е* имъ: «Чомъ же вы не христосуетесь?» А Василь и *к à э*: «Несмію, шан-дѣтче!» — «Чомъ несмѣты?» *к à э* Наумъ... (Старый Наумъ выпытъ чарку горилки передъ обидомъ, а Василь нестѣвъ; бо, *к à э*, ще непочынавъ їй пыты.....; отъ Наумъ и *к à ж е*..... ёму *к à э шъ* — негодытца; а винъ чухаетца, та *к à э*: «ничавѣ-ста»..... Ну, намалѣвавши, та и *к à э* намъ: «теперь, хлѣпи, дывѣтесь, що за кумѣдья бѣде». А мы

¹) Разумѣется, съ этимъ не слѣдуетъ смѣшивать специально хорутанко-словѣнскаго и хорватско-чакавско-кайкавскаго выпаденія *d* въ общесловянской группѣ *dj*.

²) П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарского языка, 108.

³) Рус. Фил. Вѣст. 1886 г. ч. XVI, стр. 14. Впрочемъ выпаденіе *з* и затѣмъ *а* или, можетъ быть, цѣнаго слога *за* можно видѣть въ частицѣ дѣскать изъ *дѣ-сказати; вторая половина адѣсь также неопределеннное наклоненіе.

к à э м о: «а ну, ну; щò—тамъ бùде?» ¹⁾). Такое же колебание между формами съ ж и безъ ж находимъ въ сказкахъ, записанныхъ въ Харьковской и Екатеринославской губ. Манжурою: «Давайте, цыганъ к а э, хто кого перезира»..... «Э ни, к а э цыганъ, давайте, хто кого передрима»..... (Алексеевка Александровского уѣзда) ²⁾), но въ той-же деревни к а ж ³⁾); рядомъ: «Пиду, к а э, лижу на шляху, може хто забье».... «Идить же, каже, дядьку, та ляжте у жыти».... «Йижте, к а э, дядьку».... ⁴⁾ Далѣе вслѣдствіе стяженія является правильно жа: Бувъ себи дидъ та баба и унадысь до ныхъ довгомудыкъ курчатъ таскаты. Перетаскавъ усихъ, а то прыйшовъ и курипочку забравъ. Отъ дидъ и жа: «пиду я, бабо, вбю довгомудыка».... ⁵⁾. (Ольшана Богодуховского уѣзда Харьковской губ.). Такую же стяженную форму представляетъ и слѣдующій примѣръ, записанный въ Лукояновскомъ у Нижегородской губ. ⁶⁾: «а катца в нашим силѣ самаму яму быть не случилось»; хотя ударенія не разставлены, но ясно, что слѣдуетъ читать кàццã которое изъ *кàжется черезъ посредство *кàэццã. причемъ въ слогѣ посѣгъ ударенного должно было сильно ослабиться. Недавно еще А. В. Ветуховыимъ изъ одного южновеликорусского говора Харьковской губ. ⁷⁾ приведена замѣчательная форма 1 лица единственного числа к у ѹ: «я к у ѹ: ну атиправляйсь», «я к у ѹ: ни пайду въ халодную»; неотованное у (не ѿ) интересно сопоставить съ неотованнымъ э формъ 2-го, 3-го лица единственного числа, 1 лица множественного числа и т. п.; оно доказываетъ, что съ выпаденiemъ ж между гласными не развивалось юты; кромѣ того замѣчательно первое у вместо а подъ влиянiemъ второго у, что интересно сопоставить съ первымъ а въ малорусскомъ б а г а т ы й, явившимся изъ о подъ влиянiemъ слѣдующаго а.

Тоже самое извѣстно о формахъ настоящаго времени глаг. мочь. Изъ южно-великорусского говора Старобѣльского уѣзда Харьковской губ. Ветуховъ приводить: «м ô 'е штò-нь ид' зарабили» ⁷⁾ (... можетъ быть, для того, чтобы гдѣ нибудь заработать); но, къ сожалѣнію, нельзя навѣрно

¹⁾ Малороссійскія повѣсти Г. Ф. Квитки, изд. подъ редакціей проф. А. А. Потебни, т. I, 79, 80, 9, 8, также 11, 47, 71, 86, 96, 97, 107, 125 и многія другія.

²⁾ Сказки, пословицы и т. п., записанные въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ Манжурою, Харьковъ 1890 г., стр. 112.

³⁾ Ibid. 72, 120, 121.

⁴⁾ Ibid. 6—7.

⁵⁾ Ibid. стр. 1.

⁶⁾ М. Коллосовъ. Русск. Филил, Вѣсти. I, 1879, стр. 164; Смирновъ. Сборникъ..., 190.

⁷⁾ Говоры слободь Бахмутовки и Новой-Абдари Старобѣльск. уѣзда Харьков. губ., стр. 4. При формѣ к у ѹ авторъ приводить также к у ж ѹ (стр. 2) изъ того-же говора Бахмутовскаго.

рѣшить, читать ли тутъ *e* неіотованное или іотованное, такъ какъ авторъ для звука *e* употребляетъ три знака: *e*, *€* и *э*, изъ которыхъ только о двухъ послѣднихъ можно сказать, что они означаютъ іотованное и неіотованное *e*, а что именно выражаетъ буква *e*—неясно; повидимому, авторъ употребляетъ *€* не только для іотованного *e* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ и для рефлексовъ *z*, но также и для *e*, смыкающаго предшествующій ему согласный; но и при этомъ изрѣдка, можетъ быть, по недосмотру у него является *e* въ совершенно сходныхъ случаяхъ; напр. авторъ пишетъ: бѣдѣ, впадаѣ, дѣла, привѣсть, атвѣдѣть, дѣржыца и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ: неѣмши, неїдѣть, атправите, памѣните, дѣньги и т. п.¹⁾; иногда даже въ одной и той-же формѣ: тикѣть (стр. 2) и тикѣть (стр. 5); вообще *€* употреблено чаще, и о значеніи буквы *e* нельзя сказать ничего опредѣленного. Интересно то, что при формѣ мѣд' употребляется еще мѣджа и магѣть въ одномъ и томъ же говорѣ слободы Бахмутовки, но авторъ говоритъ, что мѣд' и магѣть встрѣчаются чаще²⁾. Подобно ка изъ ка въ путемъ стяженія является и мо изъ мѣд' (вѣроятно, мѣдэ): у Пискунова отмѣчено «мѣд—можеть быть, словно». Приведу примѣры изъ малорусскаго, въ которомъ мнѣ даже и неизвѣстно нестяженное мѣдэ, а только мо: «Шидужъ я у хливецъ, мо тамъ удобнише»³⁾, «Оттакъ я пролежавъ, та просыдивъ мо бильшъ мисаца»...³⁾ Не прошло мо и недили писля того⁴⁾.

Изъ южнословянскихъ говоровъ. подобные случаи мнѣ извѣстны въ болгарскихъ и опять въ тѣхъ-же глаголахъ: Тудорка ка и (вѣроятно, въ ка и надо видѣть *и* изъ неударяем. *e* или *э*) Ивану: «Ивани ле, либи ле...»⁵⁾. «И прочетохъ малко на него и мѣ написахъ вѣмарити, защо таи трибѹва за скорѣ да моишъ да намеришъ, конто празникъ трасиши» (приписка 1829 г. къ рукописи Н. С. Тихонравова XVII столѣтія)⁶⁾, здѣсь также *и* вместо неударяемаго *e*.

Таковы факты, но объясненія могутъ быть различны. Въ ф. 2-го и 3-го л. глагола мочь можно предполагать постепенное ослабленіе согласнаго *г* (*h*), которое могло быть перенесено по аналогіи изъ формы 1-го л. (могу), какъ показываетъ южновеликорусская форма магѣш, магѣт' (срв. Ветухова, говор. слоб. Бахмутовки и т. д., стр. 5); только смущаетъ при

¹⁾ Ibid стр. 2, 3 и др.

²⁾ Ibid. стр. 5.

³⁾ «За злыми людьми й хата не згорыть», казка Алексія Грабини, Кіевъ 1882, стр. 2, 6. Для согласія съ примѣрами изъ Квітки я замѣнилъ и здѣсь *i* и *и* черезъ *и* и *и*.

⁴⁾ «Старосвітські казки» А. Грабини, Кіевъ, 1885, стр. 6.

⁵⁾ Словарь болгарскаго яз. А. Л. Дювернуа, подъ слов.

⁶⁾ П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болгар. яз., 6.

этомъ объясненіи то, что при *г* во 2-мъ и 3-мъ л. и. удареніе тоже, что въ 1-омъ л, тогда какъ въ мѣре удареніе старое; мнѣніе объ ослабленіи *г*, которое особенно вѣроятно въ говорахъ малорусскихъ и южновеликорусскихъ, гдѣ *г* = *h*¹), высказалъ проф. Фортунатовъ²), съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ явлений, но онъ-же высказалъ предположеніе и о томъ, что причина этихъ явлений нефонетическая. Но кромѣ ударенія затрудненіе встрѣчается еще въ томъ, что тоже явленіе наблюдается въ глаголѣ *к* а з ѳ т и, гдѣ трудно предположить въ формахъ настоящаго времени *г* или *h* вместо *ж* или коренного *з*.

Какойнибудь аналогіи подыскать трудно, и потому приходится пока воздержаться отъ объясненія. Но какъ бы то ни было, для насъ важно то, что *ж* исчезаетъ въ формахъ 1-го, 2-го и 3-го л. ед. и 1 л. мн. наст. врем. этого глагола въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ того же доказать для формы повелительн. накл. *кажды* или *каждысь*, но существованіе и здѣсь подобной формы безъ *ж* не лишено вѣроятности, и я думаю, что къ сѣ есть не что иное, какъ стяженное **каждысь*; фонетически весьма вѣроятно появленіе *е* (очень узкаго, близкаго къ *и*) изъ сочетанія неударяем. *а* съ ударяем. *и*; жаль только, что я не могу подыскать несомнѣнного примѣра такого стяженія, кромѣ довольно близкаго *пѣхъл и пыжжай* вместо *пѣхъхаль* или *пѣхъжай*. Правда, мы ожидали бы скорѣе **кысь* или **кись*, и причина появленія *е* вместо *и* двѣ меня неясно. но я останусь при своемъ объясненіи, пока не будетъ указана его невозможность.

Еще нѣсколько словъ о приведенной въ примѣчаніяхъ къ картѣ формѣ *перинекъ*. Я думаю, что написано ошибочно вм. *пиренѣкъ*, такъ какъ это слово я всегда слышалъ съ удареніемъ на концѣ и съ *и* въ первомъ (3-емъ отъ конца) слогѣ, несомнѣнно изъ *е* по известному закону измѣненія неударяемыхъ гласныхъ. Это этимологически **перинекъ*³), уменьшит. отъ **перѣнь*³) съ кореннымъ гласнымъ *е*; форма съ *е* чередуется съ формой съ корен. *а*, обычной въ другихъ говорахъ и литературномъ русскомъ (*парень*, *паренѣкъ* = этимологич. **пареиъкъ*³). Форма

¹) Въ болгарскомъ, однако, тоже *мѣши* (**моиш*), хотя *и* = *g*, а не *h*.

²) Вѣроятность ослабленія и выпаденія именно *и*, а не *ж* уменьшается приведенной А. В. Ветуховымъ формой *куу*, между тѣмъ какъ формы **моу* или **муу* известно; это *куу* вм. *кажу* какъ будто указываетъ именно на выпаденіе *ж*, а не *и*.

³) Или *периъкъ*, *периънъ*, *париъкъ*, *париънъ*, если второе *е* изъ *и*?

К А Р Т А
ЛУКОЯНОВСКАГО У҃ЗДА

К АРТА

УЧЕБНИК

I 5

12

6

1

1

4

3

2

10

1

этого слова, указывающая по этимологич. *e*, слышана мною въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Разница между п е р и п а р могла бы восходить и къ праязыку, хотя возможно предположить возникновеніе первого *e* подъ влияніемъ второго, какъ *a* въ баггатый.

Этимъ я заканчиваю свои замѣчанія, которыхъ и безъ того уже слишкомъ разрослись.

Борисъ Ляпуновъ.

Письма А. Ф. Гильфердинга—Кукулевичу Сакцинскому.

(Сообщено проф. П. А. Кулаковскимъ).

1.

Берлинъ 10—22 октября 1855.

Не имѣя чести знать Васъ лично, но знакомый съ Вами по прекраснымъ ученымъ трудамъ Вашимъ, почтеннѣйший господинъ Кукулевичъ-Сакцинскій, осмѣливаюсь къ Вамъ обратиться и представить Вамъ небольшую книжку объ Юго-Славянской исторіи. Съ письмомъ этимъ Вы получите 4 экз. изданныхъ мною «Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ». Это первый выпускъ, начало довольно обширнаго сочиненія, назначенаго для легкаго чтенія, но основанаго на собственной разработкѣ источниковъ. Я буду просить Васъ, удержавъ одинъ экземпляръ для себя, а другой для библіотеки ученаго общества Вашего, остальные раздать занимающимся исторіею южныхъ Славянъ, и принялъ бы съ великою благодарностью отзывъ Сербскихъ ученыхъ о моей работѣ, трудной по недостатку или недоступности материаловъ. Смѣю ожидать отъ Вашей доброты, что если начатыя мною историческія разысканія заслужатъ Вашего одобренія, Вы не откажете мнѣ въ благосклонномъ содѣйствіи къ ихъ продолженію. Въ слѣдующихъ выпускахъ я долженъ буду говорить объ эпохѣ, отъ которой осталось уже много домашнихъ памятниковъ, писанныхъ на славянскомъ языке, памятниковъ къ сожалѣнію большей частью неизданныхъ. Я досталъ нѣкоторые изъ этихъ материаловъ, въ спискахъ съ рукописей, находящихся въ Россіи (какъ-то Доментіаново Житіе св. Саввы, Житіе Стефана Дечанскаго, Житіе Стефана Лазаревича, Данииловъ Цароставникъ). Но сколько другихъ источниковъ, Сербскихъ и Болгарскихъ, которыхъ я не знаю, и многіе изъ нихъ, я увѣренъ, теперь уже спасены и открыты для науки Вашею просвѣщенною дѣятельностью. Могу ли надѣяться, что въ случаѣ, если этому не будетъ особеннаго препятствія, Вы благоволите указать мнѣ на нихъ и дадите мнѣ возможность извлечь изъ нихъ что ни-

будь для своего труда! Черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль предполагаю прѣѣхать въ Вѣну, и тогда буду въ состояніи заняться этимъ предметомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершеніемъ преданностию имѣю честь быть,
Милостивый Государь, Вашимъ покорѣйшимъ слугою

Александръ Гильфердингъ.

Адресовать можно А. Ф. Гильфердингу (Hilferding) въ Вѣну, въ Русское Посольство.

На томъ же письмѣ приписка:

P. S. 2—14 Декабря 1855. Вѣна. Письмо и посылка пролежали въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ почти два мѣсяца; между тѣмъ я получилъ записку Вашу, гдѣ Вы съ такою обязательностью вызываетесь содѣйствовать мнѣ въ моей работѣ. Искренно благодарю Васъ. Не знаю, буду ли имѣть возможность прїѣхать въ Загребъ и лично воспользоваться Вашею бесѣдою и Вашими, указаніями, но во всякомъ случаѣ не откажу себѣ въ удовольствіи переписываться съ Вами о предметахъ, касающихся изученія древней Сербской и Хорватской исторіи. На первый разъ позвольте просить у Васъ совѣта насчетъ поисковъ въ Венеціи. Ёду туда послѣ завтра, останусь тамъ, правда, не долго, но все таки надѣюсь, что, можетъ быть, удастся найти въ архивѣ какіе набудь документы, относящіеся къ сношеніямъ Венецианцевъ съ старыми Сербскими кралями. Я слышалъ, что Вы посвятили много времени поискамъ въ Венецианскомъ архивѣ: Вы оказали бы мнѣ великую услугу, еслибы благоволили извѣстить меня о томъ, что Вы уже извлекли оттуда, и гдѣ я долженъ искать. Я сообщилъ бы Вамъ потомъ свою добычу, и Вы, можетъ быть, не отказались бы дать мнѣ попользоваться Вашими выисками. По возвращеніи изъ Венеціи, я намѣренъ также работать вѣсколько въ здѣшнемъ архивѣ: знакомъ ли онъ Вамъ, и можете ли Вы мнѣ благосклонно указать на то, что въ немъ есть важнаго для моего предмета?

Если моя просьба на счетъ Венецианского архива для Васъ необременительна, то благоволите прислать отвѣтъ съ возможной скоростью, адресуя: A. Hilferding, Venezia, Hôtel Royal.

Прилагаю къ моимъ «Письмамъ обѣ исторіи Сербовъ и Болгаръ» по 2 экз. филологическихъ моихъ работъ.

Ut in litteris

А. Гильфердингъ.

2.

Варшава 27 янв. 1856.
8 февр.

Представляется неожиданно случай писать къ Вамъ и отправить къ Вамъ посылку, достопочтеннѣйший Иванъ Антоновичъ. Къ сожалѣнію, не могу еще возвратить Вашей рукописи: въ Вѣнѣ и Варшавѣ было постоянно столько разъѣздовъ, что не имѣлъ времени кончить выписки изъ нея. Здѣсь въ Варшавѣ только одна Русская книжная лавка, и книгъ въ ней весьма мало, да и тѣ, которыхъ Вы желали, нельзя было въ ней найти,—я пришлю ихъ при другомъ случаѣ, изъ Петербурга, куда выѣзжаю завтра. На первый разъ посылаю лучшую нашу комедію, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, басни Крылова, и Польскую книгу, «Сельскіе очерки» Григоровича. Какъ у Крылова господствуетъ наша Русская народная стихія, такъ у Григоровича—народная стихія Польская. Его повѣсти (такъ говорили мнѣ здѣшніе литераторы),—лучшая и самая вѣрная картина народной Польской жизни. Я знаю, что Вы желаете имѣть книги въ такомъ родѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія домой, чтобы опять приняться за свои историческія работы. Какъ я благодаренъ за Вашъ радушный приемъ, за Славянскую щедрость, съ какою Вы подѣлились со мною Вашими историческими богатствами! Надѣюсь, что Богъ дастъ когда нибудь побывать опять въ Загребѣ; но во всякомъ случаѣ его никогда не забуду.

Прощайте, будьте здоровы, трудитесь, приложите издавайте материалы. Пришлите мнѣ, черезъ о. Мих. Федор. Раевскаго, новую книгу «Архива», какъ скоро она выйдетъ. У меня всего три книги «Архива»: нѣть ли четвертой? Вообще же и впредь не оставляйте своею милостью и помощью

Вамъ душевно преданнаго и покорнѣйшаго вашего слуги

А. Гильфердинга.

Мой поклонъ всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ.—Въ Вѣнскій Архивъ меня не пустили подъ вѣжливымъ предлогомъ. Для любителей Русской словесности одинъ Варшавскій житель прилагаетъ Ломоносова, Княжнина и Хемницера. Я просилъ одного господина, который ёдетъ въ Пулавы, справиться о Гундуличевой рукописи. Но я слышалъ, что вся библіотека Чарторижскихъ во время войны 1831 года перевезена была въ Галицію.

3.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ! Я послалъ Вамъ нѣсколько книгъ, какъ изъ тѣхъ, которыя Вы мнѣ поручили доставить Вамъ, такъ и другія, которыя, по моему мнѣнію, должны были быть занимателны для Васъ и для Вашихъ Хорватовъ.—Сегодня посылаю Вамъ «Annali di Ragusa», съ душевною благодарностью за это драгоцѣнное сообщеніе и съ извиненіемъ, что продержалъ рукопись такъ долго; къ Вашей рукописи прилагаю «Слово о Богомилахъ» въ полную собственность Вамъ или тому, кому вы захотите отдать эту тетрадь. О другихъ Вашихъ порученіяхъ скажу слѣдующее:

1) «Матеріалы для исторіи письменъ» и «Временникъ» вышли при первомъ удобномъ случаѣ.

2) Пулавская рукопись не находится въ Царствѣ Польскомъ; передъ самою революціею 1830 года Чарторижскій перевезъ всю свою библіотеку въ замокъ Сеняву въ Галиціи; если поэма Гундулича сохранилась, то она тамъ. Такъ какъ Сенява находится въ Австрійскомъ государствѣ, то Вамъ легче будетъ, чѣмъ мнѣ, поискать этой рукописи. Впрочемъ, одинъ Варшавскій ученый обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ для этого.

3) Художественные извѣстія, какихъ Вы желаете, постараюсь достать для Васъ въ Москвѣ, куда думаю поѣхать черезъ три недѣли и провести тамъ нѣсколько времени.

4) «Путешествіе Григоровича» еще не могъ найти, оно бібліографическая рѣдкость. Сочиненія Срезневскаго, выписки изъ Даніила пришли. Свѣдѣнія (впрочемъ немногочисленныя) о Бѣлохорватахъ найдете въ началѣ Несторовой лѣтописи, которую я Вамъ прислалъ; кромѣ того объ нихъ часто упоминается въ началѣ Польскихъ лѣтописцевъ Кадлубка, Длугоша (оба изданы въ книгѣ Ioannis Dlugossi seu Longini Historia Polonica, Francofurti 1711) и Богухвала (въ Silesiacarum regum Scriptores, изд. Sommersberg, Lipsiae 1729); но эти лѣтописи такъ мало достовѣрны, столько въ нихъ басень и лжи, что непремѣнно нужно прочесть извѣстія о Хорватахъ въ связи съ цѣлымъ разсказомъ, иначе попадешь непремѣнно въ ошибки, поэтому я не посылаю Вамъ выписокъ, а указываю только на необходимость для Васъ просмотрѣть эти книги, которыя найдете навѣрное въ Вѣнѣ, а можетъ быть и на Вашемъ Загребскомъ «пяневскомъ градѣ». Если бы у Богухвала нашлось мѣсто для Васъ очень важное, то совсѣмъ обратиться къ Мацѣвскому въ Варшаву и просить повѣрки текста: онъ говорилъ мнѣ, что изданіе Соммерсберга полно ошибокъ, и что у него есть древній, исправный текстъ Богухвала. Были Хорваты и въ Чехіи: объ нихъ Вы вѣроятно знаете показанія Космы Праж-

скаго и то, что говорить Шафарикъ? Просмотрите Эрбена *Begesta Bohemiae*. Нѣсколько извѣстій изъ другихъ источниковъ надѣюсь Вамъ прислать.

Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ вѣстей и жажду драгоцѣнностей, которыя по Вашей добротѣ заготовляются для меня въ Загребѣ. Когда Вамъ не будутъ нужны Житія Саввы и Стефана Лазаревича, то пошлите ихъ къ о. Раевскому. Буду также очень радъ получить то, что у Васъ для меня списывается, чтобы скорѣе пользоваться всѣми этими историческими богатствами. Когда буду въ Москвѣ, постараюсь порыться въ рукописяхъ Синодальной библіотеки: можетъ быть, найду что нибудь хорошее.

До Васъ и вообще до всѣхъ Вашихъ Хорватскихъ ученыхъ есть покорнѣйшая просьба: участвовать въ новомъ 3-хъ-мѣсячномъ журнальѣ, который будетъ издаваться въ Москвѣ подъ названіемъ «Русская Бесѣда» (одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ немъ извѣстный Вамъ по имени Хомяковъ), и который будетъ обращать особенное вниманіе на славянскую науку и слоенесность. Я, кажется, говорилъ Вамъ уже объ немъ и г-нъ М. Б.¹⁾ обѣщалъ мнѣ для него свой сборникъ пословицъ. Пожалуйста, попросите его прислать пословицы какъ можно скорѣе, и для нихъ было бы мѣсто во 2-ой книжкѣ Бесѣды, если бы я могъ получить ихъ скоро, потому что онѣ будутъ, я увѣренъ, истиннымъ украшеніемъ для нового изданія; а кромѣ того доставляйте или попросите доставлять «Бесѣдѣ» всякия сѣдѣнія и статьи о Хорватской словесности, о Вашихъ историческихъ открытияхъ, о бытѣ поселанъ Хорватскихъ, Далматинскихъ и т. д. Редакція «Русской Бесѣды» напишетъ Вамъ съ своей стороны.

Мнѣ очень хотѣлось бы написать статейку по Хорвато-Сербскому этнографическому и литературному вопросу, постараться познакомить нашихъ читателей съ этимъ споромъ и сказать безпристрастное слово. Къ сожалѣнію, я не записалъ у Васъ разныхъ data, которыя при этомъ нужны. Вы можете легко помочь мнѣ, сообщивъ коротенькія данныя по этому вопросу, особенно о слѣдующемъ: 1) какая теперешняя этнографическая граница Хорватовъ и Сербовъ, гдѣ и когда въ Босніи и Герцеговинѣ народъ называлъ себя Хорватами; 2) было ли имя Хорватовъ въ Черногоріи; 3) какія заглавія (tituli) книгъ XVI или XVII столѣтія, гдѣ сказано *Harvatski jezik* (при этомъ просилъ бы для образца языка двѣ три строки); и какое заглавіе Загребской библіи, гдѣ сказано *Slovenski jezik* (тоже съ образчикомъ); 4) когда начался споръ, кто предложилъ имя *Jlliri* или *Jugoslaveni*, и какія послѣднія явленія этого спора.

Я означаю эти вопросы не за тѣмъ, чтобы Вы именно, занятые столь

¹⁾ Извѣстный писатель и дѣятель Хорватскій Мирко Боговичъ.

многими и столь важными для науки трудами, отвѣчали на нихъ: отвѣтить можетъ всякий другой изъ вашихъ друзей, у которыхъ есть досугъ. И но прошу подробныхъ свѣдѣній, а самыхъ лаконическихъ указаний (но указаний какъ можно больше), и прошу только, чтобы это было прислано поскорѣе, иначе моя статья опоздаетъ.

Прощайтѣ, дай Вамъ Богъ здоровья и успѣха въ работахъ Вашихъ. Усердно кланяюсь всѣмъ, кто меня вспомнитъ.

Вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

23 марта 1856

ст. ст.

Р. S. Для ускоренія, пришлите письмо по почтѣ, или если отправите къ Раевскому, то скажите, чтобы онъ послалъ по почтѣ, а не дождался курьера.

Р. S. Занимаюсь теперь обработкою Болгарско-Сербской Исторіи въ XI-мъ вѣкѣ, и надѣюсь скоро издать свою работу. Човтораю свою усерднѣйшую просьбу: если есть у Васъ какія нибудь свѣдѣнія, касающіяся до этой эпохи и обнародованіемъ которыхъ Вы сами не дорожите, сообщить мнѣ ихъ съ Вашею всегдашнею благосклонностью.

4.

Карлсбадъ $\frac{9}{21}$ іюля 1856.

Достоинѣйшій Иванъ Антоновичъ!

Судьба опять принесла меня въ Ваши края, если не на югъ, то на сѣверъ Австрійскаго государства. Отецъ мой долженъ былъ возобновить лѣченіе на Карлсбадскихъ и Франценбадскихъ водахъ, и я опять пріѣхалъ съ нимъ. Самъ пью здѣсь Маріенбадскій «Kreuzbrunn», но собираюсь на будущей недѣлѣ сдѣлать новую ученую поѣздку къ потомкамъ Балтійскихъ славянъ. Какъ въ прошломъ году яѣздила въ Ганноверское Црилабѣ, такъ теперь думаю посѣтить Кашубовъ подъ Гданскомъ. Что извлеку изъ этой поѣздки, не знаю, но надѣюсь найти кое что любопытнаго. Потомъ возвратясь въ Франценбадъ, и оттуда поѣду съ отцемъ въ Остенде или къ какимъ нибудь другимъ морскимъ купальнямъ, которыхъ мнѣ предписываютъ. Какъ бы хотѣлось на возвратномъ пути еще разъ побывать у южныхъ славянъ, повидаться съ Вами, но едва ли удастся.

Изъ Берлина я послалъ Вамъ черезъ Вѣну нѣсколько книгъ, которыхъ Вы желали имѣть: Матеріалы для исторіи письменъ, Болгарскія народныя пѣсни, Срезневскаго нѣсколько статей и проч. Получили ли Вы эти книги? Получили ли Вы также двѣ моихъ брошюроки, посланныя прямо unter Kreuzband? Очень желалъ бы знать Ваше мнѣніе о статьѣ моей про Лужичанъ. «Русская Бесѣда» будетъ Вамъ доставляться редакціею (кажется даже въ 2 экз.) и 1 № уже посланъ.

Вообще я просилъ бы Васъ доставить мнѣ списокъ всѣхъ Русскихъ книгъ, которыхъ Вы получили со времени моего выѣзда изъ Загреба. Мнеъ хочется знать, дошло-ли до Васъ все, что я послалъ, что еще нужно послать.

Теперь посылаю Вамъ, какъ подарокъ автора Загребскімъ литераторамъ «Семейную» хронику Аксакова (Сергѣя Тимофеевича, отца двухъ Аксаковыхъ, которые также извѣстны у насъ, Константина какъ ученый, Иванъ какъ поэтъ): эта книга замѣчательна по красотѣ языка и изяществу изложения и имѣла у насъ успѣхъ небывалый со времени Пушкина. Незабудьте при томъ, что сочинитель ея 85-лѣтій старикъ, и только нѣсколько лѣтъ выступилъ у насъ на литературное поприще. Прилагаю еще 2 тома Русскихъ баснописцевъ (Крылова Вы уже имѣете), а черезъ нѣсколько времени Вы получите сочиненія Луганскаго (псевдонимъ; собств. имя—Даль), гдѣ найдете много занимательнаго и характеристическаго—Русскаго.

Я получилъ передъ отѣзdomъ Ваше письмо съ приложеніемъ этнографическихъ данныхъ о Хорватахъ и свѣдѣній о старой хорватской литературѣ. Очень и очень благодарю Васъ за это; путешествіе не дало мнѣ времени воспользоваться Вашимъ подаркомъ, но какъ только будетъ досугъ, примусь за дѣло.

Я былъ бы необыкновенно радъ получить отъ Васъ или кого нибудь изъ Вашихъ что нибудь для «Русской Бесѣды». Г. Богоовичъ обѣщалъ сборникъ пословицъ: что онъ его не пошлетъ? Какъ-бы хорошо было помѣстить какую нибудь этнографическую статью о Вашемъ народѣ, напр. описание быта, обычаевъ, народнаго управления того или другаго края, Хорватскаго или Далматскаго? Или что нибудь о литературѣ? Мы были-бы Вамъ чрезвычайно благодарны. Ожидая отъ Васъ богатой поживы историческими материалами. Нѣсколько дней до выѣзда изъ Петербурга меня выбрали членомъ Общества Исторіи и Древностей въ Москвѣ, и требовали, чтобы я тотчасъ далъ что нибудь во «Временникъ». Не имѣя ничего другаго въ готовѣ, я выбралъ 9 или 10 изъ Латинскихъ грамотъ, которыхъ Вы мнѣ дали, и послалъ ихъ въ Общество для напечатанія. Вы простите мнѣ, что я такъ смѣло распорядился чужимъ добромъ?

Нѣкоторые изъ нашихъ Московскихъ ученыхъ «славянофиловъ», которыхъ

я говорилъ про множество юридическихъ памятниковъ Далматскихъ общинъ, какія я у Васъ видѣлъ, были-бы крайне рады издать два-три такихъ памятника въ подлинникѣ съ Русскимъ переводомъ: у насъ эта часть совершенно неизвѣстна, даже никто не знаетъ почти объ этихъ общинахъ, имѣвшихъ нѣкогда такое значеніе и такой развитой внутренній бытъ. Если Вы не имѣете другихъ предположеній на счетъ этихъ памятниковъ, то очень одолжили бы насъ доставкою такихъ матеріаловъ для изданія, въ томъ числѣ Устава Которскаго, который такъ меня занялъ, что я просилъ у Васъ списка его?

Если это Вамъ не противно, то мы еще спишемся на счетъ такого предположенія.

Забылъ спросить Васъ: получили-ли рукопись о Богомилахъ. Меня очень радуетъ мысль, что Вы ее хотите напечатать, также какъ то, что Вы издали житіе Дечанскаго. Корректурные листы тотчасъ послалъ въ Троицкую Лавру къ Профессору Горскому для сличенія, но къ несчастью подлинникъ былъ взятъ кѣмъ-то съ разрѣшенія Митрополита, и возвратится въ библіотеку только въ концѣ лѣта; потому Горскій просилъ обождать съ исправленіемъ до будущей книжки Архива, но обѣщалъ доставить ихъ непремѣнно. Спискомъ Слова о Богомилахъ я тоже одолженъ Горскому, и онъ ничего не имѣть противъ изданія его Вами; списокъ довольно вѣрный; но замѣтьте, что Слово это кончается тамъ, гдѣ есть упоминаніе объ Ioannѣ экзархѣ Болгарскомъ, и что осталъное въ посланной Вамъ тетради ужene принадлежитъ къ нему.

Я оставилъ въ Берлинѣ большой пакетъ книгъ, для Васъ назначеныхъ Московскимъ обществомъ Исторіи и Древностей: это 23 выпуска его «Временника». Какъ доставить Вамъ эту тюкъ? Можно ли черезъ коммісіонера (spediteur)?—Директоръ Публичной библіотеки въ Петербургѣ, баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ спрашивалъ у меня о томъ, кто бы хотѣлъ и могъ въ Вашихъ краяхъ состоять въ ученыхъ сношеніяхъ съ этимъ главнымъ книгохранилищемъ Россіи. Я указалъ ему, разумѣется, на Васъ. Вы должны скоро получить, если не получили, дипломъ на званіе почетнаго члена Императорской Библіотеки.

Дипломъ Академіческій Вы такъ долго не получаете потому, что онъ подписывается въ какіе то весьма рѣдкіе сроки, въ полномъ засѣданіи Академіи. Но Вы его получите.

Я просилъ Срезневскаго касательно доставленія Вамъ правилъ Академіи. Иванъ Ивановичъ Давыдовъ—Предсѣдатель II-го Отдѣленія Академіи (Отдѣленія Русскаго языка и словесности); секретарь—Коркуновъ, Срезневскій—редакторъ Извѣстій и Ученыхъ записокъ.

По задачѣ Уварова у насъ ничего до сихъ поръ не вышло; свѣдѣній

о художникахъ не удалось для Васъ найти, но въ этомъ взялся помочь издатель Болгарскихъ пѣсенъ, Безсоновъ.

Всѣ другія Ваши порученія я, по возможности, исполнилъ или обѣ нихъ увѣдомилъ Васъ въ предыдущемъ письмѣ. Пошлио Вамъ вмѣстѣ съ Семейною Хроникою выписки изъ Арабскаго географа Эдризи (во Французскомъ изданіи), которыя я велѣлъ для Васъ сдѣлать. Тутъ много о Далматіи. Очень радъ буду, если это окажется для Васъ новостью. Эдризи жилъ, сколько помню, въ XII столѣтіи.

Прощайте, будьте здоровы. Поклонитесь отъ меня усердно всѣмъ го-сподамъ, которые сохранили обо мнѣ такое доброе воспоминаніе, Враницани, Боговичу, Мажураничамъ, Праусу, Бабукичу и проч. и вѣрьте искрен-нему почтенію, съ которымъ остаюсь всегда

Вашимъ преданѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Адресуйте мнѣ до 10 Іюля (нов. ст.) въ Карлбадъ (Cursaal, № 8), потомъ цѣлый мѣсяцъ во Франценбадъ, дальнѣйшій адресъ дамъ въ по-слѣдствіи.

5.

13 (25) іюля 1856. Франценбадъ.

Достопочтеннѣйший Иванъ Антоновичъ,

Я получилъ въ странѣ Кашубовъ дорогое письмо Ваше отъ 5 іюля. Очень обрадовался извѣстію о Вашемъ новомъ путешествіи въ Далматію, ко-торое принесетъ непремѣнно богатый плодъ наукѣ. Чрезвычайно хотѣлось бы сопровождать Васъ, но теперь не могу вновь отлучиться отъ своего отца. Четыре недѣли провелъ я въ Стольскомъ, Лауенбургскомъ, Бытовскомъ и Пущкомъ (Putzig) краѣ, и чрезвычайно доволенъ этой поѣздкою. Вчера только возвратился изъ Данцига.

Посылаю Вамъ сегодня же два остальные тома сочиненій нашего юмо-риста и описателя народныхъ нравовъ, Луганскаго (собственно фамилія его Даль) и нѣсколько экземпляровъ своихъ сочиненій, которые прошу Васъ, если они не обременяютъ Вашего чемодана, взять съ собою въ Далматію и тамъ раздать занимающимся исторію. Не понимаю, почему «Русская Бесѣда» не дошла до Васъ.—Я хотѣлъ уже послать Вамъ свой экземпляръ, но удер-жался въ увѣренности, что съ тѣхъ поръ Вы ее получили. Нельзя ли бы

Вамъ сказать объ этомъ журналѣ въ Далмациі, и доставить мнѣ, при невозможности личнаго, письменное знакомство съ кѣмъ нибудь изъ тамошнхъ дѣятелей? Я могъ-бы сообщать Русскимъ читателямъ въ Бесѣдѣ извѣстія, оттуда получаемыя.—Чрезвычайно обрадовался я Вашему обѣщанію прислать статью въ Бесѣду; также благодаря Васъ душевно за посланныя мнѣ книги и материалы. Я не получилъ ихъ еще, они вѣроятно находятся у Раевскаго. Въ Далмациі не забывайте моего твердаго намѣренія продолжать при первой возможности изданіе своихъ «Писемъ» объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Не забудьте также желанія нѣкоторыхъ изъ Московскихъ славяністовъ—получить для изданія какіе нибудь памятники юридической старины Далматской и Хорватской,—памятники слишкомъ мало оцѣненные и у насъ совершенно неизвѣстные.

Прощайте, будьте здоровы, дай Богъ Вамъ многихъ, многихъ успѣховъ и открытій. Не теряю надежды съ Вами повидаться въ нынѣшнемъ году. А пока, обрадуйте меня еще письмомъ. Вотъ еще что Вы могли бы легко сдѣлать, къ великому для насъ всѣхъ удовольствію: написать, для помѣщенія въ Р. Бесѣдѣ, какія нибудь письма, извѣстія изъ Далмациі, Апуліи и проч.; не нужно строго ученыхъ извѣстій, довольно легкихъ описаний, если Вы ученые свои находки захотите обнародовать сначала, какъ и слѣдуетъ, въ Хорватскихъ изданіяхъ. Можете всегда адресовать ко мнѣ. До 8 Авг. нов. ст. я буду въ Франценбадѣ; потомъ пишите: A. A. H. Frankfurt—a M. abzugeben bei der russischen Gesandschaft.

Остаюсь, какъ всегда, съ душевнымъ почтеніемъ
Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

NB. Въ случаѣ, если бы кто нибудь изъ Далмациі захотѣлъ мнѣ доставить что нибудь или писать ко мнѣ въ послѣдствіи, то скажите, чтобы всегда адресовали ко мнѣ черезъ отца М. Ф. Раевскаго въ Вѣнѣ.

6.

Вѣна. 6 Декабря 1856.

Почтеннѣйший Иванъ Антоновичъ,

Не зная, гдѣ Вы находитесь, посыпаю письмо на имя супруги Вашей. Хочу обратить Ваше вниманіе на Славянскій Codex precum cum calendario, находящійся въ библіотекѣ Герцога Пармскаго. Объ немъ прочелъ я извѣстіе въ Польской книжѣ Wiadomość bibliograficzna o gękorzędach zawierających w

sobie Rzeczy Polskie przez Alex. Przezdzieckiego. Warszawa 1850, стр. 118. Пржездецкий видѣлъ рукопись въ Прагѣ и выписалъ изъ нея некрологъ Боснійскихъ королей; но къ сожалѣнію онъ не умѣлъ читать по славянски, такъ что изъ его выписки ничего нельзя вывести, кромѣ именъ Твѣртка, Дабиши и Остои. Было бы очень полезно, если бы Вы могли познакомить ученый свѣтъ съ этимъ памятникомъ.

Я ѿду теперь черезъ Новый Садъ въ Бѣлградъ. На возвратномъ пути въ Январѣ, думаю посѣтить Загребъ. Сердечно желалъ бы Васъ тамъ застать и опять поработать надъ исторіею подъ Вашимъ руководствомъ. Благоволите написать мнѣ въ Бѣлградъ, въ Русское Консульство.

Желаю Вамъ душевно всевозможныхъ успѣховъ.

Вамъ преданийшій и покорнѣйшій Вашъ слуга

А. Гильфердингъ.

7.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ. Посылаю Вамъ вырѣзку изъ газеты Варшавской, доставленную мнѣ для Васъ.—Очень сожалѣю, что такъ давно ничего отъ Васъ не получалъ. Писать Вамъ зимою въ Венецію. Шолучили ли Вы письмо?—Сообщите мнѣ о ходѣ Вашихъ ученыхъ работъ, и если вышло у Васъ что нибудь новаго, пришлите. Выслали 4-я книга Архива? Мы теперь съ Вами соѣди и слѣдовало бы имѣть чаще другъ о другѣ свѣдѣнія. Будьте здоровы. Вамъ преданийшій слуга

А. Гильфердингъ.

Сараево 16
28 іюля 1857 г.

Къ письму изъ Сараева 16
28 іюня 1857 г. Гильфердингъ приложилъ вырѣзку изъ Gazeta Warszawska (№ 191 за 1856 г. 12
24 іюля), въ ко-
торой помѣщена замѣтка польского ученаго Андрея Кухарскаго, вызванная запискою къ нему Гильфердинга. Гильфердингъ пишетъ, будто-бы въ Новой Александрии (т. е. Цулавахъ) находился въ библіотекѣ князей Чарторижскихъ экземпляръ перевода «Освобожденаго Іерусалима» Тасса, сдѣланаго Гун-
дуличемъ (+1638). «Гундуличъ посвятилъ это свое произведеніе, писать Гильфердингъ Кухарскому, польскому королю Владиславу IV. Поэма эта не была напечатана, а другія копіи ея пропали во время землетрясенія 1667 г., разрушившаго Дубровникъ». Кухарскій замѣчаетъ по этому поводу, что могъ

быть экземпляр «Османиды» Гундулича, посвященный королю польскому Владиславу IV, ибо Гундуличъ воспѣваетъ его и славу поляновъ, но со-мнѣвается, чтобы такой экземпляръ могъ быть въ Пулавахъ. Онъ предпо-лагаетъ, что тамъ находился экземпляръ «Османиды», привезенный изъ Рима епископомъ Ридополитанскимъ ранѣе 1825 г.—Гундуличъ дѣйствительно переводилъ поэму Тасса (Appendini. Notizie istorico-critiche. Ragusa 1803. Томъ II, стр. 234), но сообщается при этомъ, что этотъ переводъ пропалъ во время раз-рушенія Дубровника 1667 г.

8.

Сараево. 16 (28) Января 1858.

Почтеннѣйший Иванъ Антоновичъ,

Передо мною цѣлую вѣчность лежитъ Ваше уважаемое письмо, и я еще не собрался отвѣтить Вамъ. Очень благодарю за книги, доставленныя черезъ г. Мориера.

Я провелъ 6 недѣль прошлаго лѣта въ путешествіи,ѣздилъ въ Новій Шазаръ, Печь, Дечане, Призренъ, Приштину, и на возвратномъ пути черезъ Герцеговину осмотрѣлъ запустѣлые монастыри на Тарѣ. Рукописой нашелъ очень много, особенно въ послѣдніихъ, но, разумѣется, большая часть бого-словскаго содержанія. Есть однако и пѣкоторыя интересныя вещи для исто-рии. Если бы зналъ, когда приблизится время изданія слѣдующей книги Архива, я приспалъ бы Вамъ что нибудь, и переписалъ бы тицательно, такъ что не было бы тѣхъ ошибокъ и опечатокъ, за которыя справедливо упрѣкаютъ изданіе житія св. Стефана Дечанскаго. Напечатано ли Вами слово Козмы Пресвитера противъ Богомиловъ?

Теперь мнѣ позводено возвратиться домой, и я съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда моего преемника, чтобы отправиться въ путь. Пребываніе въ Босніи оставить во мнѣ пріятное впечатлѣніе по своей оригинальности и значитель-ной ученой добычѣ; но, по совѣсти скажу, надолго я никому не желаю вкусить Сараевской жизни.

Очень порадуетъ меня письмомъ.

Если не хотите карать грѣшнаго его собственою виною, напишите не-медленно, и адресуйте въ Вѣну, на имя о. Протоіерея Раевскаго или въ Русское посольство. Я засталъ бы Ваше письмо при проѣздѣ черезъ Вашу столицу. Если можете, пришлите мнѣ, пожалуйста, IV кн. Архива и то, что Бриличъ издалъ о Косовской битвѣ. Если будете читать Русскую Бе-сѣду, найдете тамъ мой отчетъ о путешествіи своемъ по Турціи.

Какъ мнѣ жалко было, что Вы до Сараева не доѣхали. Почему? Были ли Вы въ Сутѣскѣ? Я былъ въ обоихъ Латинскихъ монастыряхъ, Фойницѣ и Крешевѣ, но тамъ ничего не нашелъ; въ Сутѣскѣ не могъ быть, а тамъ, говорять, есть накая то лѣтопись.

Я окончилъ въ Сараевѣ вторую эпоху исторіи Сербовъ и Болгаръ (976—1019) и буду печатать тотчась по возвращеніи въ Россію. Теперь обрабатываю 3-ю эпоху (1019—1159). Если бы Вы могли сообщить мнѣ какія нибудь данныя для этихъ двухъ періодовъ, чрезвычайно бы обязали.

Напечатали ли Вы грамоты, обозначенные въ Вашемъ Izvestje o Putovanju. на стр. 22? Эти грамоты особенно важны для меня.

Надѣюсь, что Ваше здоровіе Вамъ служить хорошо при неутомимыхъ трудахъ Вашихъ. Прошу Васъ передать поклоны всѣмъ, кто меня вспомнить, и вѣрить искренней преданности

Вашего покорѣйшаго слуги

А. Гильфердинга.

P. S. Что, словарь Шулека идетъ впередъ? Если будутъ выходить у Васъ матеріалы и для лингвистики Хорватской и Славянской, сообщайте мнѣ, пожалуйста.

Примѣчаніе Редактора

Эти письма молодого (23-хъ—25-ти лѣтнаго) Гильфердинга къ извѣстному и заслуженному, покойному Хорватскому общественному и политическому дѣятелю, археологу и историку, Ив. Кукулевичу-Сакцинскому доставленъ намъ въ вѣрной копіи проф. Варшавскаго у-та, П. А. Кулаковскимъ, снятой имъ прошлой зимой въ Загребѣ. Покойный А. Ф. Гильфердингъ, бывшій Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи нашего Общества, занимаетъ почетное мѣсто въ русской этнографіи своими замѣчательными трудами о Босніи и Герцеговинѣ, о Кашубахъ, а превосходнымъ сборникомъ записанныхъ имъ Былинъ Олонецкаго края и прекрасною, увы, преждевременною смертью — онъ палъ жертвою ученой любознательности — Гильфердингъ записалъ свое имя золотыми буквами въ лѣтописяхъ нашей науки. Кромѣ того, за неполныя 20 лѣтъ своей дѣятельности, съ выхода изъ Московскаго университета до своей смерти, Гильфердингъ цѣлымъ рядомъ большихъ трудовъ и разныхъ статей оказалъ почтенные услуги исторіи славянскихъ народовъ и вообще Славяновидѣнію, а своею государственною службою сначала въ М-вѣ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Госуд. Совѣтѣ, наконецъ въ качествѣ Основателя и Предсѣдателя Славянскаго благотворительного комитета въ Петербургѣ онъ принесъ не мало существенной пользы нашему отечеству по сношеніямъ и сближенію нашимъ съ славянскими землями, а также по дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи и по важнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, когда состоялъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Н. А. Милутина.—

Олекминские скопцы.

Историко-бытовой очеркъ.

I.

Два года тому назадъ, живя въ глухи Олекминского округа, мы предприняли изслѣдованіе быта Олекминскихъ скопцовъ и выбрали изъ архивныхъ источниковъ свѣдѣнія по исторіи поселенія ихъ въ Якутской области, но до сихъ поръ намъ не удалось воспользоваться добытыми нами и, на нашъ взглядъ, интересными материалами, относящимися къ культурному якобы значенію скопцовъ для Якутской области и имѣстѣ съ тѣмъ освѣщающими, въ нѣкоторой степени, ходъ развитія скопчества—этого антиобщественного ученія въ Россіи за послѣдніе годы.

Въ виду одностороннихъ и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пристрастныхъ намъ попавшихся отзывовъ и отчѣтовъ административныхъ лицъ о великомъ значеніи и полезности для края скопцовъ, мы рѣшили теперь, по пословицѣ: лучше поздно чѣмъ никогда, изложить для печати результаты нашего изученія.

За послѣдніе годы не мало было печатаемо журнальныхъ статей и специальныхъ трактатовъ о скопчествѣ и генетически связанной съ нимъ хлыстовицѣ, съ изложеніемъ главнымъ образомъ догматической, обрядовой и нравственной сторонъ ученій этихъ крайнихъ религіозныхъ сектъ, но мало или вовсе не затрагивался бытъ ихъ. Поэтому мы думаемъ, что, помимо локальнаго значенія, описание образа жизни скопцовъ въ ссылкѣ можетъ имѣть и общий интересъ и, такъ какъ въ настоящее время скопцы высылаются исключительно въ Якутскую область, оно можетъ дать также нѣкоторое указаніе для заключеній о распространеніи и его районахъ или остановкѣ развитія скопческаго ученія на мѣстѣ его происхожденія, въ Европейской Россіи, откуда ежегодно не прекращается высылка скопцовъ по судебнѣмъ приговорамъ.

Хотя по тождеству религіозно-нравственныхъ мотивовъ наши скопцы имѣютъ предшественниковъ какъ въ христіанствѣ, такъ даже и въ древнѣмъ язычествѣ, но, не говоря уже о восточномъ и римскомъ еврѣиществѣ, предсѣдовавшемъ другія, не религіозныя цѣли, русское скопчество, кромѣ общаго сходства свойственаго заблужденіямъ человѣческаго духа вообще, не имѣть преемственной связи съ единичными случаями религіознаго изувѣрства пер-

выхъ и послѣдующихъ вѣковъ христіанства на западѣ и впослѣдствіи у насъ. Языческіе же предки наши, по свидѣтельству Карамзина, не скопились. Русское скопчество выросло на почвѣ ученія хлыстовской секты о грѣховности сожительства половъ—ученія, приведшаго только послѣдователей секты къ совершенно другимъ результатамъ на практикѣ. Слабость и потребности человѣческой природы довели хлыстовъ до отрицанія только формального брака и до отвращенія къ плодамъ сожительства—дѣтямъ, но терпимо стали относиться къ случайному блуду и тайному разврату. Многіе изъ хлыстовъ стали учить, что «только бракъ законный есть блудъ и скверна, яко противный Богу, а то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой по взаимной склонности, имѣютъ плотскую любовь»¹). Скопчество такимъ образомъ явилось реакцией противъ хлыстовской разнузданности, отдѣлилось отъ хлыстовщины и образовало отдѣльную религіозную общину. Первое образованіе ея имѣло мѣсто въ 70-хъ годахъ прошлого столѣтія. По крайней мѣрѣ первыя офиціальные свѣдѣнія о скопцахъ, какъ сектѣ, относятся къ 1772 году. Съ тѣхъ порь исторія распространенія скопческой секты изъ мѣста ея возникновенія, Орловской губерніи, на большую часть губерній Европейской и Азіатской Россіи служила неоднократно предметомъ ученаго изслѣдованія, а исторія ея гоненій и страданій представляеть не малый интересъ, какъ судьба то покровительствовала, то предавала ее преслѣдованіямъ, пока въ царствованіи императора Николая Павловича не были приняты административнымъ и законодательнымъ путями болѣе энергичныя и постоянныя мѣры къ «искорененію» скопчества. Вотъ почему недобрая память сохранилась у скопцовъ объ этомъ императорѣ. Не лучшей симпатіей пользуются у скопцовъ Екатерина II и Павелъ Петровичъ, въ царствованіи которыхъ периодически предпринимались гоненія противъ нихъ. За то императоръ Александръ I, выказавшій къ скопцамъ особую терпимость, почитается у нихъ даже приверженцемъ скопческаго ученія.

Такъ какъ возникновеніе скопчества какъ секты относится ко времени, когда смертная казнь въ Россіи за общеголовные преступленія уже не примѣнялась, то въ лѣстницѣ наказаній, которымъ подвергались скопцы, мы не встрѣчаемъ смертной казни, несмотря на курьезное политическое самозванство основателя секты Селиванова. Только въ 1839 году Кронштадтскій военный судъ приговорилъ подпоручика Царенко къ смертной казни черезъ сожженіе за распространеніе скопчества въ войскѣ²). Въ концѣ прошлого столѣтія и въ началѣ нынѣшняго къ скопцамъ примѣняли обычныя тогда уголовныя

¹⁾ Реутскаго. Люди божьи и скопцы.

²⁾ Кутеповъ. Секты хлыстовъ и скопцовъ.

наказанія: кнутъ, каторгу, ссылку и сдачу въ солдаты. Въ 1838 году, по особому распоряженію императора, изъ всѣхъ скопцовъ, находившихся въ Черноморскомъ батальонѣ, была сформирована отдельная военно-рабочая рота. Особыхъ зачинщиковъ скопческой секты обращали тогда въ крѣпостные работы и ссылали въ Сибирь, а въ началѣ царствованія Александра II исключительнымъ мѣстомъ ссылки скопцовъ служить уже Туруханскій край Енисейской губерніи. Въ настоящее же время всѣ скопцы, лишенные по суду правъ или отбывшіе срокъ каторги, высылаются на поселеніе въ Якутскую область на основаніи Высочайшаго повелѣнія (отъ 24-го октября 1861 года), послѣдовавшаго послѣ массового переселенія туда Туруханскихъ скопцовъ.

Жизнь этихъ измученныхъ, слабосильныхъ и изувѣченныхъ людей на Туруханской тундрѣ, не приступной для плуга, не благопріятной для скотоводства, окруженнѣй бродячими инородцами и посыпаемой періодическими голодовками, была крайне тяжелая и жалкая. До 1861 года въ Якутскую область высыпали всѣхъ раскольниковъ крайнихъ толковъ, за исключеніемъ скопцовъ. Получивъ свѣдѣнія о возможности въ Якутской области занятія земледѣліемъ Туруханскіе скопцы подали прошеніе о переселеніи ихъ туда на имя генераль-губернатора Восточной Сибири Муравьевъ, представившаго это прошеніе съ одобрительнымъ отзывомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣдній въ заключеніи своемъ отъ 24-го марта 1860 года согласился съ представленіемъ генераль-губернатора, но, сказано въ заключеніи: «скопцы должны быть водворены вдали отъ осѣдлости мѣстныхъ жителей, во избѣженіе вреднаго вліянія на лицъ не раздѣляющихъ ихъ заблужденій». Въ томъ же году въ указѣ Правительствующаго Сената на имя генераль-губернатора Восточной Сибири разъясняется, что на скопцовъ не распространяются манифести отъ 27-го марта 1855 года и 26 августа 1856 года, что переходъ въ сословіе крестьянъ или мѣщанъ и отлучки изъ мѣстъ причисленія для заработковъ или по промышленнымъ цѣлямъ скопцамъ запрещены.

При такихъ условіяхъ Туруханскіе скопцы въ числѣ 319 человѣкъ отправились въ 1860 году въ Якутскую область, при чемъ больше половины этого количестваѣхало на свой счетъ. Лѣтомъ 1861 года скопцы стали прибывать отдельными партиями въ Олекминскъ и Якутскъ.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ селить скопцовъ вдали отъ жителей, помимо своей суровости, оказалось не выполнимымъ на практикѣ. Оно упустило изъ виду потребности скопцовъ, какъ людей, и слабости сибирскихъ администраторовъ. Не говоря уже о томъ, что среди скопцовъ было много ремесленниковъ, но и при исключительномъ занятіи земледѣліемъ, скопцамъ нельзя было обойтись безъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ или обмѣна ихъ на другіе продукты и товары. Какъ потребности

скопцовъ не ограничены, они не могли образовать изъ себя общество, производящее для себя все необходимое и не нуждающееся въ рынкѣ и общеніи съ людьми. Это распороженіе, а главнымъ образомъ его неопределенность, служили только источникомъ обильныхъ доходовъ для тогдашнихъ мелкихъ администраторовъ, имѣвшихъ дѣло съ людьми забитыми, наружно покорными и привыкшими еще въ Россіи къ приношеніямъ и подкупамъ властей. Такимъ образомъ оказалось, что 2 скопческихъ общества—Спасское и Мархинское, выросшія въ настоящее время въ громадный богатѣйшія селенія, раскинулись—первое у самого города Олекминска и второе въ 10 верстахъ отъ г. Якутска. Скопцы естественно тяготѣли къ рынкамъ, а ихъ глубокіе поклоны, не малые дары и, въ извѣстной мѣрѣ, человѣколюбивое къ нимъ отношеніе сибирскихъ властей вызвали рядъ представлений со стороны окружныхъ чиновъ, затѣмъ утвержденіи вышними властями временныхъ мѣръ, измѣненіе которыхъ не могло состояться безъ окончательного разоренія обстроившихся новоселовъ. Скоро, такимъ образомъ, стало сказываться экономическое вліяніе скопческихъ селеній на центры Якутского края. Вліяніе это не ограничилось одной только сферой сельско-хозяйственной дѣятельности скопцовъ, оно выразилось также въ ихъ торговой предпріимчивости. Начнемъ съ земледѣлія и разумѣется пока говорить объ Олекминскомъ только округѣ.

Первый опытъ земледѣлія въ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 г. близъ г. Якутска. Въ 1768 году съ цѣлью развитія хлѣбопашства отъ Якутска по Иркутскому тракту были поселены иѣсколько семействъ поселенцевъ. Южнѣ же по Денѣ отъ Олекминска до Киренска и Верхоленска начали заниматься хлѣбопашствомъ еще со временъ царя Алексея Михайловича¹). Съ тѣхъ порь развитіе земледѣлія въ краѣ шло довольно туда. Оно то расширялось, то опять сокращалось. Обильные урожаи отъ маленькихъ посѣвовъ вызывали подражанія не только со стороны русскихъ поселенцевъ, но и инородцевъ. Но чередующіеся съ урожайными годами неурожайные, при не-развитости населенія и полной зависимости его отъ суповой природы, заставляли по временамъ земледѣлію дѣлать обратные шаги, обращая нерѣдко даже русскихъ переселенцевъ въ скотоводовъ. Въ концѣ же концовъ земледѣліе совершило все таки свое поступательное движеніе въ краѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ нынѣшняго восточно-сибирскія власти, по предписаніямъ правительства, постоянно заботились о развитіи этой отрасли промышленности въ области, пуская въ ходъ также отечески

¹) Давыдовъ. Записки И. Русского Географического Общества 1858 г. кн. V.

патріархальныя вінущенія, доставляя населенію хлѣбныя сѣмянныя зерна и огородныя сѣмена. Въ 1849 году еще было закуплено администрацией въ Иркутскомъ округѣ 10,549 пудовъ сѣмяннаго хлѣба для Киренскаго и Олекминскаго округовъ, а въ 50-хъ годахъ разработка полей какъ у русскихъ, такъ и у якутовъ стала быстро расширяться. За 1855, напр., годъ намѣнѣніи неизвѣстны результаты урожая въ одномъ Олекминскомъ округѣ, но во всей области (т. е. въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ—Вилюйскій тогда еще принадлежалъ къ неземледѣльческимъ округамъ области) согласно свѣдѣніямъ 3-го Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири урожай простирадлся до 30,568 четвертей, т. е. 275,112 пудовъ разныхъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ яровыхъ. Но Якутская область еще не могла тогда довольствоваться своимъ собственнымъ хлѣбомъ безъ привознаго изъ Иркутской губерніи. Разумѣется и въ настоящее время можно сказать тоже самое, если принять во вниманіе, что $\frac{9}{10}$ населенія области почти или совсѣмъ еще не употребляютъ хлѣба, но ввозъ его изъ Иркутской и Томской губерній значительно сократился, несмотря на то, что районъ употребленія хлѣбовъ расширился.

Сдѣлавъ необходимое отступленіе для краткаго обзора развитія земледѣлія въ Якутской области, мы теперь вернемся къ отношеніямъ скопцовъ къ этому вопросу. Изъ упомянутыхъ 319 турханскихъ и нѣсколькихъ партий вновь прибывшихъ къ тому времени изъ Россіи скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ было оставлено 260 человѣкъ—столько ихъ по крайней мѣрѣ числилось къ 1862 году. Изъ нихъ 80 челов. были поселены по рѣчкѣ Аладайкѣ вблизи города (нынѣ Спасское селеніе), а 180 челов. на устьѣ рѣки Олекмы въ 15 верстахъ отъ города (нынѣ Троицкое селеніе). Такое близкое ихъ поселеніе отъ города между прочимъ мотивировалось и слѣдующимъ обстоятельствомъ ¹⁾: «Принимая во вниманіе разстройство хозяйствъ инородцевъ вслѣдствіе неурожая хлѣба и травъ, который предстоитъ и въ нынѣшнемъ году, нельзя нынѣ приступить къ заселенію скопцовъ въ отдаленныя мѣста, разсчитывая при этомъ по обыкновенію на содѣйствіе инородцевъ въ содѣржаніи поселенцевъ... Въ видахъ облегченія инородцевъ и т. д.» было разрѣшено поселить скопцовъ близъ Якутска и Олекминска. Мы указываемъ на это обстоятельство только какъ на фактъ, интересный для исторіи скопческихъ селеній въ области, потому что, каковы бы ни были побудительныя причины представлений о нарушеніи министерскаго распоряженія, мы не можемъ не сочувствовать человѣчности этихъ представлений, хотя съ другой стороны посе-

¹⁾ Журналъ Общ. присутствія Областнаго Правленія. 1861 г.

ление скопцовъ близъ городовъ должно было въ концѣ концовъ совершиться насчетъ инородцевъ и въ ущербъ ихъ интересамъ, лишая ихъ земель близъ городовъ т. е. земель болѣе высокой цѣнности и даже расчищенныхъ, земель, на которыхъ Якуты уже занимались земледѣліемъ. Такъ, на рѣкѣ Алалайѣ по первой нарѣзкѣ, скопцамъ была уступлена казенная земля, но на устьѣ рѣки Олекмы, при впаденіи ея въ Лену, мірская сходка Якутовъ Малыжигарскаго наслега, состоявшаяся въ Августѣ 1861 года въ Инеродной управѣ въ присутствіи исправника и по его уѣждѣнію, «уступила» скопцамъ 50 десятинъ расчищенной земли, 50 десят. открытаго покоса и на 5 верстъ протяженія лѣнаго берега рѣки, годнаго къ расчисткѣ «съ тѣмъ», какъ сказано въ актѣ объ уступкѣ, подписанномъ 148 сородовичами: «что въ послѣдствіи начальство по какимъ либо причинамъ распорядится перемѣстить ихъ изъ Олекминскаго въ другой округъ или же по случаю неплодности самихъ скопцовъ совершиеннаго искорененія, тогда выше отведенныя мѣста должны обратиться въ наше владѣніе». Понятно, что эта уступка со стороны Якутовъ была большой жертвой и скорѣй всего — но добровольной. Извѣстно, какъ трудно корчевать якутскую мерзлую и дѣственную почву, особенно перво-бытымъ способомъ, безъ корчевальныхъ орудій. Трудъ и время, вложенные въ расчистку одной десятины изъ подъ лѣса, оцѣниваются здѣсь минимумъ въ 100 рублей. Значить 50 десятинъ одной только расчищенной земли стоять не менѣе 5.000 р. Изъ акта уступки также видно, что на уступленной землѣ были якутскія жилища, потому что въ немъ говорится, что сконцы должны «сдѣлать якутамъ денежное пособіе за сносъ строеній», при чемъ размѣръ пособія тамъ не опредѣляется. Можетъ также быть, что перекочевка этихъ Якутовъ съ насиженныхъ ими разныхъ мѣстъ, на другія, не расчищенные, остановила у нихъ процессъ развитія земледѣлія; а что уступка этихъ земель могла быть не добровольная, видно изъ того, что Якуты въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года дали исправнику подпись въ томъ, «что земля уступлена добровольно и что жаловаться на отнятіе этихъ мѣстъ не намѣрены». Такимъ образомъ мы видимъ, что первоначальное поселеніе скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ не приносило пользы мѣстнымъ жителямъ. Еще было одно дѣло объ отводѣ уже въ 1870 г. скопцамъ земли, принадлежащей крестьянамъ станціи Точильной, но по иску крестьянъ земля эта была имъ возвращена.

Обращаясь теперь къ современному значенію скопческихъ хозяйствъ для округа, надо замѣтить, что похвалы, которыя сыплются на скопцовъ, какъ на «проводниковъ земледѣльческой культуры», въ официальныхъ отчетахъ о хлѣбопашествѣ и экономической жизни области, кроются, по нашему мнѣнію, въ слѣдующихъ причинахъ. Во 1-хъ, въ традиціяхъ, далеко не безкорыстныхъ, передаваемыхъ старыми чиновниками новымъ; во 2-хъ — ничего нѣть любезнѣе

бюрократическому сердцу, когда, не только безъ всякихъ хлопотъ, но и съ выгодой, можно сказать, что все обстоитъ благополучно, указавъ на добро-праве, опрятность и зажиточность однихъ подчиненныхъ, а о другихъ—прибавивъ, что они не стоятъ заботъ; въ З-хъ—никто, какъ скопцы, не умѣть такъ ловко выставлять на показъ мѣстному или проѣзжему администратору арбузъ, дыню или другое парниковое растеніе, не имѣющіе никакого значенія для массы населенія. Разумѣется благосостояніе большинства скопцовъ, какъ земледѣльцевъ, само по себѣ, независимо отъ другихъ соображеній, не можетъ не радовать всякаго порядочнаго человѣка, но нась заинтересовалъ другой вопросъ: насколько скопческое хозяйство повліяло на развитіе земледѣлія у крестьянъ и Якутовъ и насколько развитіе земледѣлія повліяло на большую доступность хлѣба по своей цѣнѣ, въ пишу въ Олекминскомъ округѣ. Для выясненія этого вопроса мы опять таки обратились къ цифрамъ изъ отчетовъ окружныхъ чиновъ якутскому губернатору, опровергающимъ общепринятое мнѣніе о полезности скопцовъ для края. Но прежде чѣмъ приводить эти даднныя, мы хотимъ нѣсколько дополнить исторію скопческихъ селеній въ Олекминскомъ округѣ.

Въ 1863 году областное правленіе запретило селить вновь прибывшихъ скопцовъ въ пригородныя селенія, имѣя въ виду точное исполненіе распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1865 году генераль-губернаторъ Восточной Сибири распорядился обѣ оставленіи всѣхъ прибывшихъ скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ, но распоряженіе это впослѣдствіи было отмѣнено вслѣдствіе представлений олекминскихъ властей о затруднительности надѣленія всѣхъ скопцовъ землею, а можетъ быть и потому, что багатые скопцы стремились къ болѣе обширному рынку—якутскому. Въ 1884 году генераль-губернаторъ призналъ возможнымъ «къ поддержанію пригородныхъ скопческихъ селеній, пополнить ихъ вновь ссылаемыми на мѣсто вымирающихъ и драхлѣющихъ, а также переводомъ скопцовъ изъ отдаленныхъ скопческихъ селеній». Между прочимъ раньше переводъ скопцовъ изъ одного селенія въ другое однимъ губернаторомъ разрѣшался, другимъ запрещался. Такимъ образомъ пригородныя селенія стали разростаться на счетъ другихъ, болѣе отдаленныхъ и вліяніе ихъ на экономическую жизнь городовъ, все больше и больше даетъ себя знать—особенно на такой городокъ, какъ Олекминскъ.

Теперь мы приведемъ таблицу посѣвовъ и урожаевъ для Олекминского округа составленную нами на основаніи окружныхъ отчетовъ за выведеніе годы съ извѣстными промежутками, начиная съ 1850 года.

Десятина, Четв. ²⁾	1850 г. ¹⁾		1861 г.		1862 г.		1882 г.		1883 г.						
	Всехъ хлѣбовъ. пос. род.	Десятина, Четвертей.	Всехъ хлѣбовъ. пос. годил.	Десятина, Четв.											
	Четв.	Четв.	Четв.	Четв.	Четв.	Четв.	Четв.	Четв.	Четв.	Четв.					
У городскихъ жителей, крестьянъ, пасторовъ и попечиленцевъ.	959	980	2.538	2.156	2.379	17.780	2.530	2.798	14.886	1.480	5.492	19.950	1.276	1.438	18.209
У скопцовъ.	—	—	—	—	—	—	62	62	329	246	341	2.033	451	403	3.892

Не считая городскихъ жителей, изъ которыхъ очень немногіе занимаются земледѣліемъ, и бродячихъ Тунгусовъ въ округѣ было въ 1850 г.: крестьянъ—1.026 чел., Якутовъ—8.120 чел.; въ 1882 г.: крестьянъ—1.713 чел., якутовъ—8.598 ч., а скопцовъ: въ 1862 г.—272 чел., въ 1882 г.—391 ч.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что за 11 лѣтъ, отъ 1850 до 1861 года, посѣвъ хлѣбовъ въ округѣ увеличился болѣе чѣмъ вдвое, а съ 1862 г., т. е. года первого земледѣльческаго опыта въ округѣ скопцовъ, до 1882 г. т. о. за 20 лѣтъ—запашки коренного населенія не умножились на 2, а еще черезъ 6 лѣтъ, въ 1888 году, обработка полей даже сократилась. Но послѣднѣе обстоятельство надо приписать неурожаямъ нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ. И такъ, говорить, какъ это принято, о благодѣтельномъ вліяніи скопческой земледѣльческой культуры на коренное населеніе, въ смыслѣ ея привитія и вызыванія подражанія, нельзя. Скопческіе земледѣльческіе успѣхи скорѣѣ вызываютъ зависть, потому что въ этихъ успѣхахъ, по невозможности какихъ бы то ни было родственныхъ союзовъ со скопцами, поселеніе не можетъ имѣть своей доли и въ этихъ успѣхахъ повинно не одно трудолюбіе выносливыхъ, но слабосильныхъ скопцовъ, а въ нихъ играютъ роль факторы которыхъ нѣтъ въ хозяйствѣ бѣдныхъ крестьянъ и Якутовъ. Благодаря

¹⁾ Неурожайный годъ.

²⁾ Четверть = 9 пудамъ.

своимъ средствамъ богатые скопцы сразу поставили свое хозяйство на солидную ногу, а благодѣтели изъ Россіи не оставляли страдающихъ «братьевъ» безъ помощи. Отсутствіе же дѣтскихъ ртовъ и траты времени и средствъ на семейные заботы и на удовольствія и слабости, присущія нормальнымъ людямъ, способствуетъ накопленію скопческихъ капиталовъ. Въ силу же одного этого нельзя ставить скопцовъ въ примѣръ «гражданственности» ¹⁾ бѣднымъ и обремененнымъ семействами, но грѣшнымъ крестьянамъ и Якутамъ. Скопческая культура, по нашему мнѣнію, не имѣтъ будущности даже въ смыслѣ передачи ея въ послѣдствіи кореннымъ жителямъ, если рядомъ со скопцами и первые не будутъ въ состояніи оказывать такие же успѣхи на своихъ земляхъ. Способъ обработки и другіе успѣхи въ земледѣліи тоже передаются потомкамъ наследственнымъ образомъ, а потомки скопцовъ это—новыя жертвы религіознаго фанатизма, прекращеніе которыхъ, надо вѣрить, наступить съ уничтоженіемъ народнаго невѣжества. Послѣдніе скопцы запустятъ свое хозяйство и послѣ ихъ смерти поля ихъ могутъ прийти въ полное запустѣніе, если правительство не приметъ своевременно мѣръ о переходѣ ихъ въ другія руки ²⁾.

За всѣмъ тѣмъ мы не возлагаемъ прямой отвѣтственности на скопцовъ за медленное развитіе земледѣлія въ Олекминскомъ округѣ. Главная причина его заключается въ успѣхахъ золотопромышленности по Олекминской системѣ за 60-е и 70-е годы. Пріиски отрывали крестьянъ отъ земли, сула имъ богатство и давая посторонніе заработки, какъ напр. перевозку клади. Но вмѣсто богатствъ, приленскіе крестьяне, запустивъ хозяйство, пріобрѣли разореніе и впали въ нищету. Чѣмъ можно ужъ прямо ставить въ вину скопцамъ, такъ это захватъ въ свои руки рынка, главнымъ образомъ хлѣбнаго, наиболѣе важнаго для массы населения. Намъ рассказывали, случаи, когда скопцы, по приходѣ паузокъ съ иркутскимъ хлѣбомъ, моментально стали отпускать свой хлѣбъ по цѣнамъ ниже паузочныхъ. Привознаго хлѣба никто не покупалъ и скопцы общими средствами легко и дешево скучали его весь. Послѣ этого скопцы опять являлись господами рынка. Такимъ же образомъ они пользуются нуждой крестьянина и непредусмотрительностью Якута, скучая у

¹⁾ Мы беремъ это выраженіе изъ одного отчета.

²⁾ Смертность скопцовъ въ ссылкѣ, рядомъ съ рѣдкимъ долголѣтіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очень велика. Для примѣра возьмемъ Спасское селеніо. Съ 1861 года до 1884 г. къ этому селенію было причислено 180 скопцовъ и 69 скопчихъ. Изъ этого числа и за это время умерло 43 скопца и 27 скопчихъ, т. с. въ 23 года вымерло 27%.—болѣе четверти населения. Еслибы прибытіе новыхъ жертвъ въ Россіи теперь прекратилось, то достаточно какихънибудь 50—60 лѣтъ, чтобы отъ скопческаго поселенія Якутской области не осталось и сѣда.

нихъ хлѣбъ — нерѣдко на корню — по дешевой цѣнѣ, потомъ имъ же продаются его по высокимъ цѣнамъ скопческой биржи или отправляются на пріиска или сдаются въ качествѣ подрядчиковъ казнѣ. Всѣмъ этимъ разсказамъ мы нашли и официальное подтвержденіе въ конфиденціальномъ отношеніи Якутскаго губернатора Олекминскому исправнику отъ 9-го ноября 1885 года. Наконецъ мы знаемъ, какъ скопцы воспользовались всеобщимъ бѣдствіемъ неурожайного 1886 года, продавая изъ своихъ полныхъ амбаровъ ржаной хлѣбъ по 4 и болѣе рублей за пудъ. Какъ въ Россіи процвѣтаніе «отечественной» промышленности связано со вздорожаніемъ фабричныхъ произведеній, такъ и въ описываемомъ нами округѣ успѣхи земледѣлія подняли цѣны на хлѣбъ. Для доказательства мы приводимъ небольшую выписку изъ официальныхъ отчетовъ о справочныхъ цѣнахъ въ округѣ на сѣѣстные и другіе припасы за нѣсколько лѣтъ по плану приѣдущей таблицы ¹⁾. Изъ этой таблички мы видимъ, насколько раньше привозный хлѣбъ обходился дешевле. Тогда, спрашивается, зачѣмъ хлопотать объ успѣхахъ въ области земледѣлія, служащаго одной изъ причинъ упадка скотоводства, такъ какъ самые лучшіе выгоны отходить подъ пашни, которыя огораживаются плетнями, заставляющіе скотъ дѣлать длинные и утомительные обходы, чтобы попасть на тоція пастища ²⁾.

¹⁾ Справочные цѣны въ Олекминскомъ округѣ.

	1849 г.		1850 г.		1861 г.		1882 г.		1888 г.			
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	отъ		Р.	К.
									Р.	К.		
1 пудъ ярицы . . .	—	65	—	—	—	—	1	90	2	60	3	—
„ ячменя . . .	—	86	—	—	—	—	1	90	2	35	2	40
„ пшеничи. м.	—	—	1	40	1	50	3	50	3	75	4	25
„ ржаной м. .	—	—	—	46	—	75	3	25	3	—	3	20
„ ячной муки.	—	—	1	60	—	—	2	90	2	30	2	60
„ ячной круи.	—	—	—	—	—	75	3	75	3	95	4	20

²⁾ Изъ слѣдующихъ данныхъ видно, какъ развитіе хлѣбопашства все сокращаетъ сѣнокосы:

Накоплено сѣна пудами въ Олекминскомъ округѣ.

въ 1862 г. въ 1872 г. въ 1882 г. въ 1888 г.

Горожанами	27.000	13.125	13.300	22.000
и Казаками				
Крестьянами	396.535	197.900	144.500	96.500
Якутами	861.595	986.000	382.125	376.600
Скопцами	5.325	7.000	19.470	12.680

Намъ замѣтили, что цѣнность денегъ въ качествѣ мѣновыхъ знаковъ теперь понизилась, но въ чмъ, спрашивается, заключается курсъ денегъ? Въ ихъ отношеніяхъ къ вещамъ. Что касается до привозныхъ товаровъ, то они съ каждымъ годомъ тутъ дешевѣютъ, мѣстные же продукты, какъ мясо, масло и т. д., правда, вздорожали вслѣдствіе спроса на нихъ на пріиска и вообще—уменьшения скота, но скопцы вѣдь мяса не употребляютъ, а молочныхъ продуктовъ у нихъ есть достаточно отъ своего скота, цѣны же на хлѣбъ устанавливаютъ они.

Если мы теперь обратимся къ огородничеству, служившему уже было не только важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянъ и даже Якутовъ округа, но и предметомъ сбыта на пріиска, то наскѣлько дѣйствительно поразить паденіе этого промысла у коренныхъ жителей, главнымъ образомъ у крестьянъ, съ одновременнымъ поднятіемъ его у скопцовъ и вздорожаніемъ овощей. Изъ многочисленныхъ годичныхъ отчетовъ объ огородничествѣ въ Олекминскомъ округѣ, начиная съ 1852 года мы выбрали 2 наиболѣе важныхъ огородныхъ продукта: капусту и огурцы съ опредѣленіемъ снятаго ихъ количества каждый, послѣдній годъ каждого десятилѣтія до 1888 г. у крестьянъ и скопцовъ ¹⁾.

Это непонятное и непростительное паденіе огородничества у приленскихъ крестьянъ, но которое, насколько мы замѣтили изъ бумагъ, не было еще обращено вниманіе администраціи, нельзя разумѣется приписать исключительно скопческому вліянію или конкуренці, а опять таки надеждамъ крестьянъ на легкіе заработки на пріискахъ. Но то обстоятельство, что скопческое огородничество развивалось, было только на руку пріисковой праздности и разгулу крестьянъ, получившихъ возможность приобрѣтать овощи за деньги, безъ труда и заботъ огородника ²⁾, а скопцы со своимъ «миреннымъ видомъ и обычнымъ умѣніемъ воспользовались своимъ господствомъ на овощномъ рынке».

¹⁾ Снято съ огородовъ въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1852 г.	въ 1862 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Капусты {	у крестьянъ 450 грядъ	600 пуд.	500 пуд.	250 пуд.	56 пуд.
, скопцовъ	—	200	900	2.575	2.275
Огурцовъ {	у крестьянъ —	22.000 шт.	1.900 шт.	5.000 шт.	800 шт.
, скопцовъ	—	7.500	12.000	30.000	25.500

²⁾ Только разведеніе картофеля, не требующаго такого ухода и поливки, какъ капуста, или парниковъ, какъ огурцы, въ Якутской области, болѣе или менѣе у всѣхъ расширились, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Снято четвертей картофеля въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1850 г.	въ 1860 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Горожанами (мѣщане, казаки и др.) . . .	12	57	72	195	192
Крестьянами	328	247	1.262	2.094	955
Якутами	99	196	428	2.531	1.167
Поселенцами	—	—	—	110	150
Скопцами	—	—	1.236	2.06	2.200

Намъ олекминскіе старожилы рассказывали о дешевизнѣ овощей тамъ въ 50-хъ годахъ—сотня огурцовъ напр. стоила 40—60 коп. Изъ отчета по округу за 1862 годъ мы находимъ между справочными цѣнами стоимость огурцовъ: за сотню 1 р.—1 р. 50 коп.—капусты: за 100 вилковъ (что составляетъ не менѣе 10 пудовъ) отъ 1 р. 50 коп.—3 р., а по справочнымъ цѣнамъ 1888 года сотня огурцовъ уже продавалась по 5 р. и больше, а 1 пудъ капусты отъ 1 р. и больше ¹⁾.

Изъ всего сказанного нами о земледѣліи и огородничествѣ скопцовъ могутъ пожалуй сдѣлать ложное заключеніе, что мы желали бы стѣснить дѣятельность скопцовъ, какъ землепашцевъ, но это разумѣется было-бы несправедливо, такъ какъ всякий трудъ надо поощрять; но не мѣшаеть также обратить вниманіе на рыночныя цѣны хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, а главнымъ образомъ не слѣдуетъ придавать важнаго значенія «земледѣльческой культурѣ» скопцовъ—значенія, какого они не имѣютъ. Наоборотъ, еще большій вопросъ полезна-ли она или вредна для будущаго, для того будущаго, которымъ сами скопцы не чреваты. Если скопцы тщательнѣе обрабатываютъ поля, глубже вспахивая землю, чѣмъ якуты, хотя все еще первобытными орудіями послѣднихъ, то это они дѣлаютъ для своей пользы и главное для пользы настоящаго момента. Самый способъ земледѣльческаго хозяйства скопцовъ можно назвать хищническимъ. Они не соблюдаютъ никакой системы при обработкѣ полей, особенно изъ арендуемыхъ ими земель. Они свѣтъ до тѣхъ поръ, пока земля даетъ всходы, потомъ бросаютъ ее и обращаются къ источенію другихъ участковъ. Такимъ образомъ боевое земледѣліе скопцовъ едва ли полезно для того мирнаго завоеванія полей, которое началось у Якутовъ до прихода безплаго народа.

Особенное значеніе скопческое хозяйство должно имѣть для Олекминскаго округа, въ которомъ Якуты становятся настоящими земледѣльцами, оставилъ за собой, къ сожалѣнію, русскихъ крестьянъ. Много Якутовъ тамъ уже занимаются исключительно земледѣліемъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ бывшій улусный голова Антоновъ, завели обширныя хозяйство съ образцовыми econоміями, мельницами и т. д. ²⁾). Изъ примѣчанія къ этой страницѣ мы видимъ

¹⁾ Стоимость огородныхъ произведеній въ 1888 г. въ одномъ только Спасскомъ селеніи скопцы опредѣлили въ 6.328 рублей. Цѣны на овощи, какъ и на хлѣбъ, зависятъ отъ воли и говора скопцовъ. Намъ рассказали случай, когда скопцы Троицкаго селенія привезли въ городъ для продажи огурцовъ, хотѣли ихъ продавать по 3 р. за сотню, но «братьцы» Спасскаго селенія запротестовали и заставили первыхъ поднять цѣну до 5 р.

²⁾ Изъ данныхъ, приведенныхъ въ «Приложениіи къ Всеподданнѣшему отчету Якутскаго губернатора» за урожайный 1889 г., мы вычислили, что изъ хлѣба, снятаго съ якутскихъ полей за этотъ годъ приходилось на каждого якута въ Якутскомъ округѣ (всего 131.088 чел.) менѣе 0,5 пуда,—и въ Вилюйскомъ округѣ (всего 66.475 чел.) несомнѣнѣе болѣе 0,4 пуда, а на каждого якута Олекминскаго округа (всего 9.667 чел.) не 25,4 пуда

что эволюція перехода якутовъ Олекминского округа отъ пастушескаго къ земледѣльческому быту, несмотря на нѣблагопріятныя условія климата и почвы, можны считать законченной. Мы слышали недавно о предположеніяхъ высшей Восточно-сибирской администраціи о новомъ надѣленіи скопцовъ якутскими землями, такъ чтобы каждый скопецъ имѣлъ не менѣе 15 десятинъ земли. Эта мѣра, существующая по мнѣнію администраціи, способствовать развитию хлѣбопашства, нанесла бы тяжелый ударъ якутскому земледѣлію и землевладѣнію. Уже гораздо справедливѣе подвергнуть передѣлу земли, уже находящіяся въ рукахъ скопцовъ для уравненія неравномѣрнаго среди нихъ землевладѣнія. Якутской области не только не нужны крупные скопческіе землевладѣльцы богачи и кулаки, но они абсолютно вредны по своему, безсердечію, притворству и ненасытной жадности.

Не мѣшало-бы уже теперь оставить увлечения фальшивымъ блескомъ проходящаго явленія, чтобы, по примѣру старого времени, главное вниманіе и заботу обращать на крестьянскія и инородческія общества, отъ которыхъ зависитъ не одно настоящее населеніе, но и его будущее.

(*Окончаніе въ слѣд. вып.*).

ОТДЕЛЪ II.

Народные сказания о самоубийцахъ.

Село Даньково Смол. уѣзда, Сельцо Рудня Ельинск. уѣзда.

Вотъ и чорту бараны!

(Нар. посл.).

Многія психическая настроения человѣка объясняются состояніемъ его здоровья физического организма, а, главнымъ образомъ, нравственнымъ и умственнымъ его складомъ, міросозерцаніемъ.

Народная психологія и міеологія требуютъ совмѣстнаго изученія.

Простой народъ до сихъ поръ еще находится подъ властью міеологическихъ возврѣній; эти возврѣнія всасываются человѣкомъ съ дѣтства, передаются отъ бабокъ и дѣдовъ впукамъ вмѣстѣ съ пѣснями, сказками, обрядами, сногаданіями. И часто возврѣнія, кажущіяся неважными и незначительными на обширномъ и пестромъ полѣ этнографіи, играютъ роль въ жизни человѣка, имѣютъ рѣшающее, поворотное значеніе.

При одинаковыхъ условіяхъ жизни и воспитанія, возврѣнія простаго народа общи, легко передаются и сообщаются отъ одного другому—иногда у многихъ лицъ психическая настроения выливаются въ извѣстныхъ формахъ. Даже психическая болѣзни, уклоненія отъ нормального состоянія духа, какъ результатъ извѣстныхъ причинъ, получая опредѣленное направленіе, характеризуютъ иѣкоторыя мѣстности. Народу присуще то возврѣніе, что человѣкъ не самъ лишаетъ себя жизни, а доводить его до самоубийства, иногда даже непосредственно убиваетъ, топить, чорть, дѣшій.

Меланхолическое настроение передъ самоубийствомъ, душевное разстройство, считаются дьявольскими наважденіемъ; раздвоеніе сознанія, разговоры и препирательство съ невидимымъ кѣмъ-то (что нерѣдко бываетъ также въ экстазѣ отъ хмеля) народъ понимаетъ, какъ борьбу съ нечистой силой; когда же больной самовольно превращаетъ свое существование народъ выражается пословицей «чорту баравъ»!

Представленіе лютаго горя или насильственной идеи въ видѣ неотвѣзчиваго и неотступно преслѣдующаго демона усиливаетъ душевную тревогу больного и тѣмъ склоняетъ приводить его къ преступленію или къ роковому концу. Иногда демонъ принимаетъ образъ знакомаго, кума¹), чтобы вѣрище обольстить, а погонь погубить человѣка; или же нечистая сила вручаетъ заклятые вещи, которыя губятъ взявшаго ихъ.

¹) Во время вынѣшнаго голода получила популярность слѣдующій рассказъ.

Мужикъ продаетъ въ дорогѣ, возлѣ кабака, кумку свою кѣму за десятку, надѣясь, что кумъ изъ состояній деревни сжалится и отдастъ ее со временемъ назадъ. Вышло иначе. Женка пропала безъ вѣсти; взявшій ее съ собою былъ не кумъ, а кто-то другой: кумъ никаку не бѣдилъ, а былъ все время дома.

Слышавшіе этотъ рассказъ заключали, что несомнѣнно купилъ женку у мужика дьяволъ.

И въ Илладѣ Гомера враждебный богъ пользуется такимъ пріемомъ, такою хитростью, чтобы обмануть героя.

Жертвы самоубійства становятся стихійными существами, принадлежащими къ царству дѣсника или водяника, или домового.

Умереть, по древнимъ возврѣніямъ, значило уйти домой, къ домовому, къ предкамъ.

— «Я хачу двору итьти... Што вы мише двору ни пущантя?»... говорить страждущій больной, прося близкихъ, чтобы ему дали умереть спокойно, не беспокоя илачерь, не приковывая жалобными причитаніями къ мыслямъ о родныхъ, которыхъ все равно ему надо покинуть.

Особенно часто вѣщаются несчастные самоубійцы на хлѣвахъ, на гумнахъ, где, по народнымъ возврѣніямъ, именно и обитаетъ домовой.

Самоубійцы тревожатъ живущихъ, особенно тѣхъ, которые знали ихъ, имѣли съ ними дѣло, быть можетъ, обидѣли ихъ, не оказали имъ должной любви и поддержки; — поэтому участъ самоубійца и волнуетъ близкихъ родичей.

Видѣть во снѣ самоубійцу «хорошо», видѣть его въ блаженномъ состояніи, значить до извѣстной степени примириться съ нимъ и успокоиться относительно его загробного состоянія.

Приводимъ нѣсколько записанныхъ въ Смоленской губ. народныхъ разсказовъ о самоубійцахъ разсказовъ, характеризующихъ возврѣнія народъ на миръ прекратившихъ самовольно свою жизнь.

1.

Якъ Данила авѣсіўся.

Состояніе Данилы передъ самоубійствомъ.

Садить Данила, дремлить, — маладуха спрашіть:

— «Данила, адурѣль ты? Чаго ты ета дремишь?»

— Чаму жъ мнѣ ни дримать, Ганычка?! Ляжу спать, ни разачку ни засну — крѣпка я на сплю.

— «Чаго жъ ты ета такъ на спишь?»

— Ганычка, якъ ляжу я спать, здаются мнѣ дѣўки... Ни знаю, Ганычка, якса ета дѣўки мнѣ спать ни даютъ!. Што яны тольки мнѣ пристаўляютъ акаинны! Яны мнѣ на аднъ часъ, на адну минуточку, ни дадуть спакю!..

— «Што ты ета адурѣу? Ти жантца ты уздумау? а?»

— Да нѣ! Ни дайжа ¹⁾ и въ умѣ ни було, а дѣўки усё мнѣ призываютца, усё призываютца — никакъ ать ихъ ни атабесъстя!..

— «Ну, якса жъ дѣўки?»

— А такса, да усё хароша — груди такса!.. Сиськами якъ трёпнить, трёпнить... Што тольки яны выдѣлываютъ пиріда мноку? Яны и скачутъ, и вѣютъ, и пѣсни пѣютъ... Што яны тольки пристаўляютъ, такъ я и глазми ни звиду. Усле начушечку хутъ я лажись, хутъ ни лажись, мнѣ спакю ать ихъ нѣть ни разу — хажу, якъ дуракъ!..

— «Ты сказаў-бы батьки!..

— Я бы хуль и сказалъ бы батьки!. Батьки я баюсь, баюсь: іонъ затукаить, — затукаить и заликаить ²⁾ (батька такей дуракъ: яму ни гаварі ни худога, ни харошига — ни выпускаить изъ руки байда ³⁾: што глянуу, то и грануу).

¹⁾ Дайжа — даже.

²⁾ Застрешить.

³⁾ Байды — клуата.

— «Ты жь бы матки сказаў!..

— Якъ я буду матки гаварить? Матка станить бранитца: «Што ты? дуракъ ты! Пристягнить блазнату, дурату! А яшо такой бальшой маладчуга! Виши аму на умъ дѣуки!..

Бабка самоубійцы «передъ слукаемъ» сонъ видитъ.

Нада жъ такому сну Даниилъ бабки саснитца:

Икъ бигать свинини са үсей дяреини на канавалыму зямлю и стали рыть,—во и рыть. Рыли, рыли—тады якъ збѣхся народъ, якъ стали етыхъ свиницей турить. Узали тыхъ свиницей птурили у заказъ. Етыбъ сонъ ина разсказантъ, а тутъ бигать и кричать: кто—пажарь, а кто—нашъ Данила задавіуся.

Пожаръ и самоубійство Данилы.

Паѣхали за снапами и стали снашы на вазы укладать. Данила кладеть снашы умѣстіи съ маѣнъкій дяўчонычкій (ей тольки што вѣсімъ гадокъ напоў). Ставъ Данила у трубку курить; дяўчоначка на яго заругаўася:

— Чаго ты бязулисъта? ¹⁾ дуракъ!..

А Данила гаворить:

— Маўчи, разумная дура: а то січасъ возъ запалю.

А ина стаць бівъ апаски, сваімъ дѣлымъ заемантца ²⁾. Конъ жа выхватіў сінчу съ капшукъ ³⁾, стёръ яе и запалу авёсъ на вазу.

Дяўчонка съ возу саскачыла и закричвла. Тутъ народъ бягить къ имъ, слыша крикъ и віда, што полы ⁴⁾ съ возу такъ и шібаўть.

Стали кричать, Данилу бранить (а еста напрасна: агонь шуму ия любить).

Уплялися у каня—каня диржать.

Каня таки атклалі ⁵⁾. Конъ якъ вырваўся, узбѣхъ на дворъ и зарзагъ ⁶⁾ стомочі.

Стали гарашій возъ раскідывать.

Шпринасили снашы ажъ на третію ниву.

Тады якъ стала усё шумѣтъ—загарѣлася!

Тушутъ зямлю, кидаютъ комъя на етыбъ авёсъ, и хто чимъ пупала: хто лу-пятками, хто руками.

А Данила узяў моўча и пашеў.

Тутъ усё лавай яго ругать.

— «Пятдеўликъ ты! ⁷⁾ И ходиць ты, якъ разбойникъ, якъ неприкаянны... ⁸⁾

Валѣй ⁹⁾ ба ты ужъ задавицся! Ходіць ¹⁰⁾ паверхъ лѣсу, да бѣды дѣлантъ... Ты адінъ намъ никому жнъ ии даешъ...

Данила жалобна баскомъ прамычаль:

— «Пубагу ды и задаўліся!...»

А матка на него:

¹⁾ Дурачишъся.

²⁾ Занимаетса.

³⁾ Съ кисета.

⁴⁾ Пламя.

⁵⁾ Отложили.

⁶⁾ Заржалъ.

⁷⁾ Разбойникъ, заслуживающій постин.

⁸⁾ Неприкаянны—человѣкъ беспокойный, не находящій себѣ нигдѣ места

⁹⁾ Лучше.

¹⁰⁾ Съумашествуетъ.

— А бяги, с.. сынь, давися: чорть тябе вձынить!...

Тұшуть агонь и тұшуть, а Данила прайдеть, да и назадъ поглядить.

Уси у занятія, никому да яго дѣла нѣтути—никто ип аглянүйса.

Етыга үренини и съ часъ вп будо.

Пажарь путушили, ужу дѣлъки ѣхали запрягать варъхомъ,—глянули,—
а юнь висѣть.

Крикнули: «а, Божа мой, Данила задавиуса!»

Тады дѣнули ¹⁾ уси къ заказу ²⁾.

Хто говорить— «бягитя за вадой ритувать ³⁾ Данилу» (атливать яго), хто
кажитъ: за иожикамъ бягитя варѣку отризать.

Вады нѣту—усю павылили, иожикъ принясли.

Сияли Данилу; давай катать, давай маҳать.

Махали, маҳали—толку съ маҳенія ия вышла. Идѣ яго аткатаиншъ!..

Душка—на штушка!...

Деревенские толки о смерти Данилы и причитаниія матери

Матка якъ увидила тѣла Данилы, такъ и сандѣла ⁴⁾, доуга причитывала, пави-
дѣлывать ⁵⁾ стала.

Попъ бранился:— «нада маладова чилавѣка разсуждатъ—сли ви винуваты».

— Прауда, батюшка, прауда, батюшка! Зачѣмъ, зачѣмъ я на яго бранилась?...

Видить батюшка, что къ горю ящо горя подбаулять: надо матку утѣшить.

— «Упрочимъ тольки причина придалась ⁷⁾ къ етыму. За Васъкыўкыи аднъ
такъ задавилица хатѣу, а систрѣнка за пить побѣгла у лѣсъ: юнь уходить ать яе—
ана за имъ; юнь далій уходиць—и систру пугубію и самъ задавиуса. Нѣть усёй раѣво
юнь былъ ужъ на свѣти ни жиѣцъ...»

— Нѣ, иѣ, батюшк, и ни гаваритя.. Я, я яво зѣла ⁸⁾, своего сыночка.

Яму ўсё ии спалось, у галавѣ 旣нуть хадиль. ⁹⁾ На парѣклѣти спау ¹⁰⁾.

— Нихарошо миѣ, мамочка, тутъ.—

— «Стались на павозки!»—

Паслауся на павозки.

— И на павозки ичѣ тыя чартобѣки спать ни дають.—Лажу я, мамочка. у
пуни, на синийцы.— ¹¹⁾

— «Ну, иди сабѣ ложися на синийцу»—

А у мене, батюшка, дочка—вотъ ета самая большая—Ганначка.

На Ганначку юнь и говорить:

— Иди ты, Ганначка, лажися са мною, а то миѣ страшна..

Ана на яго:

— А иди ты—быкъ! дурату пристаулять... ¹²⁾.

¹⁾ Бросились бѣжать.

²⁾ Заказами часто называются въ Смоленской губерніи лѣса: первоначально «заказъ»
запорѣдный лѣсъ.

³⁾ Спасать.

⁴⁾ Упала въ обморокъ,

⁵⁾ Панидѣлывать—поститься по понедѣльникамъ.

⁶⁾ Увѣшевать.

⁷⁾ Придалась—показалась

⁸⁾ Зѣбѣстъ—погубить.

⁹⁾ 旣нуть ходиль—голова была не въ порядке.

¹⁰⁾ Парѣклѣти—фронтонъ около амбара

¹¹⁾ Синийца—пуня съ сѣномъ.

¹²⁾ Дурату пристаулять—дурачится.

Я на яе зругалась:

— Дура ты, гаварю: яму ўсё будить висялъ.

Вохъ съ табою, Ганычка, ни наслушалась mine!...

Штобъ то была, батюшка, якъ ба мы ирглідалі яго—уси вѣтарапъ¹⁾ ягобъ ии такъ браў!...

Мужики гаварили:

— Ну, а штобъ была, кадабъ іонъ жіў ба быль? усюбъ дяреўлю спалі! Ета и харашо, што іонъ у лѣсі задавіўся! Чоргъ атъ чорта родлца. Батька яго сумашедшій...

Бабы гаварили:

— А пдяті вы! — Напрасла, зря, нечига гаварить на чилавѣка... Даміла парпінь быў змирный и изъ сибе видный. А грѣхъ да біца на каго ии бывають? А харошія ли жыла²⁾ была яму батькі? Знаеть мы! хвалигъ нечига: тутъ и са здравыі галавой адурѣишь, ліпба воінъ съ ума сайдёшь! Ты чули³⁾ вы, что батька вытваряў мѣсіцъ таму назадъ, узлѣзъ къ абразамъ и скінуль съ абразову намётку⁴⁾. Ну, вобразъ узяль и поставилъ у чуланъ, пирянёсь:

— Мамъ абразамъ ии мадитись!

Ладна. Саснілся жъ яму сонъ.

На жонку:

— Катя Андреіўна, сянин я у ва снѣ инхарошо видіў.

— «Што ты такоя инхарошія видіў?»

— Ширанёсь образъ Спасителя у клѣть. Онъ мнѣ приснілся:—«Нашто mine патревожілъ? ии барі атсели!»—Если на другую ночь присніца, то паставлю вобразъ на прежнія мѣста...

— «Пустыня⁵⁾ ты, пустыня! На што ты вобразъ трогаишь, пустасмѣща⁶⁾ чужоя? Люди вокыла нась и такъ насыялись»...

— Дыкъ я, баба, павяяс...

— «Няси ты, пустыня!» ..

Узяў вобразъ и паставилъ на кутъ.

Знать, грѣхъ вабраза тривожітъ!..

Жонку и дялей біў дужа.

Яець напрягаетъ⁷⁾, сидить на усюбоні⁸⁾, ихъ паатгоніть; на краваті сядить жопка и двоя дялей. Самъ ўбёрываіть яйца—яны толькі смотряль у глазы—имъ ничога. Цѣлую наядѣлю жонку бѣгть, адёжу усю пушарівѣть на ей, ажно галая сядить; а іонъ хвалітца:—Сматрітая, добрыя люди: ета мал Патицца сядить...

Ты чулл вы ета? Изъ жонки Пятницу здѣлаў!..

Зъ нахомъ на жонку кинулся. Люди паддёржіли, а то была бъ наяплоха⁹⁾.

Атъ жонки къ тяленку. Шархъ нахомъ—тэлёнка зарѣзаль. Патомъ гаворить:

— «Ты жіў іонъ будить?»— А нахъ жіў?! Ха, ха, ха!

Ета яво становай троху паддёржіў:

Пажалились, што новую рубаху на сини падраў, и дяреўлю зжечь гразіуся.

— Ты у mine братъ, на буйствуй, а сакратісь¹⁰⁾: я вашига брата сакрачать умъ: туда заганю, куды Макаръ тилять ии ганаў.

¹⁾ Вѣтарапъ=страхъ.

²⁾ Жыла=жызнь.

³⁾ Слышили.

⁴⁾ Намётка=головной старинный женскій уборъ; намётками покрываются образа.

⁵⁾ Пустыня=епітэть волка, бѣшеноаго человека.

⁶⁾ Пустасмѣща=предметъ сітѣха.

⁷⁾ Напрягаетъ=наварить, нахарить.

⁸⁾ На усюбоні=на усюбоны=на лавѣ.

⁹⁾ Няяплоха съ ироніей=очень плохо.

¹⁰⁾ Усмирилъ.

Батька—уси скажутъ—буянъ, а ѿбъ сыни сказать нильзя глупова¹⁾ иначо;—
иадоля яво: изъ сябе маладчуга, такеи станкавитый²⁾ только узглядъ сувористый³⁾,
ни ласки, ни привѣта ать яго, ни шутки, ни вѣсёлъва слова.

Такъ говорили бабы, такія дѣйки шли на дяреуи ѿбъ удавленники Данили.

И пять дѣйки снятся Данилинику брату.

Варнууся двору братъ Данилинъ и поклауся спать на тымъ самимъ мѣсти,
вѣдъ спау Данила.

Мулуся, мулуся⁴⁾ на аднымъ мѣсти—и яму дѣйки снятца. Самъ сябе кусь за
языкъ, ды пиряшоль на другой мѣста—тамъ кое-якъ уздримыуши приидъ святкдомъ. Казау:

— А! таперь я знаю, икаво Данили было... во страхп, такъ страхи.—

Бабъ у адни голосъ спрасили:

— Што снилася табѣ?

— «Што мнѣ снилася?! А ѿсё жъ тыя дѣйки снились».—

— Якэя жъ, якэя яны? Ти страшныя, ти пригожія?

— «Такэя—бѣлъя, іость сабѣ бѣлъя, іость и чёрныя, ну, больши бѣлъя.
Тольки адна черная, грібатая⁵⁾, якъ жідоука Махля—тая мине усю бутуражіла»...⁶⁾

Данила снитца.

Присніуся Данила тому мужику, што яго атчапливау.

— Статіть у мине Данила у глазахъ, кричить на мине у ва снахъ⁷⁾:

— «На што ты атчапливау?»

— А якжа, братъ, ни атчапливауши? Ни ѿсёжъ тибѣ вісѣть?!

— «Ты думашь: я задавууся—я только што аборпну⁸⁾ заташіу: анамінѣя ўрѣдна...

Пагавариль я съ Данилымъ, аткуль узяўшися, бнгать дзвѣ сабаки: адни урядники⁹⁾,
жоўтнікій, а другей—сѣрый, бальшой, страшны, ротъ разинууши, языкъ высулипимши⁹⁾,
а слюни вярёукій такъ внизу и стеллітца. Вижу и урядника: вярхомъ Ѹдіть, гаворить:

— А хочишъ ты, Сямёны, Данилу нувидать?

Я сагнууся—глядъ: ии сабака ета бѣшінны, а нашъ Данила... Ко мнѣ лѣзіть...
Я атбиваюсь.

— Ти признаешъ мине, брати? я—Данила! Ни грѣбуй¹⁰⁾ ты иною—пацалуй!

Цалмыкъ¹¹⁾ іонъ ипн—тутъ я ать страху прашнүуса...

Данила снитца матери и во снѣ примирия отца съ иею.

Матка паниядѣлкывала¹²⁾ на сыну, пока іонъ ни присніуся ей.

— Вижу ва снѣ, што плачу. Данила приходить:

— Мамъ, мамъ, чаго ты плачишъ?

¹⁾ Глупова ничего сказать нельзя=нельзя осудить.

²⁾ Станкавитый=стройный.

³⁾ Суровый.

⁴⁾ Мулуся=переминался, торся до боли.

⁵⁾ Губастая, съ толстыми губами.

⁶⁾ Бутуражила=безпокойла.

⁷⁾ Во снѣ.

⁸⁾ Верёвка отъ лаптей.

⁹⁾ Высулипимши—высунувъ.

¹⁰⁾ Не пронеберагай.

¹¹⁾ Попѣловаль разомъ, неожиданно.

¹²⁾ Постылась по понедѣльникамъ.

— «Сынокъ мой, якъ мнѣ ии плакаўши? Я таперь сама слебе ии униму ¹⁾ и сама я ии могу сабѣ ирастить. Када ты бижаль давитца, я ии атваратила тибѣ, а сказедж чорть тибе вазьми!»...

— Ухъ, матка ты, матка! Ты ии клапаті ²⁾: мнѣ лутчи, чёнь была.

— «Якъ, сыночкикъ, табѣ луччій?»

— А такъ! У нась ии чога не была, а таперь у мене мукѣ, крупы; ёшь—скольки хошпіть; скольки хошишь—ёшь.

— «Идёжъ вы тапёрича бўдитя, сыночкикъ мой?»

— А мы у сваёй пруди...

Тутъ иужикъ сталъ мене звать:

— «Жонка, а жовка!»

— Да што табѣ?

— «Съ кимъ гаваришь?»

— Да зъ Данилый!

— «О!» ³⁾

— Казаў мнѣ: харашо!

— «О!»

— Йонъ вить у пруди.

— «О!»

На третій дэп гаварю пра сны свае сватъти; ина мнѣ:

— Сватътика, ияжъ юнъ у пруди?

— «Да у нашимъ пруди—а тожъ идѣ. И сляни мнѣ сяіуся—ва сиѣ прышоў:

— Ты апять плачишь, мама! напрасна!.. Знаишь мама: я здѣсь ии чога ии баюсь, иихго ии абижантай и ии чипаітъ ⁴⁾; усяго давольна...

Сасніуся и сяістрѣ Данила такай бѣлый, чистый, якъ ліжаў ва гроби.

— Я ии задавілся, спетра, а затхнілся; таперь жа такъ харашо мнѣ, такъ свабодна!...

2.

Якъ Вася утонула.

[а) Васю чорти вёдуть; б) Васю чорти тонуть].

Мужикъ Васинъ быль на зарабаткахъ, а ина забрёминила атъ родныга плямённика, атъ братніга сына.

Стали яе люди страшпіть ⁵⁾:

— Ты иярушъ-ка! Будить табѣ атъ мужика...

— «Я сваіго мужика ии баюсь: юнъ рахіанъ» ⁶⁾.

Другая жэйчышица на ей:

— Съ тихыга усё ліха ⁷⁾ бывалъ: тихій душу вінінть... А што тибѣ за паводка яму работатъ?! Ты луччи задавілся или затапісь, а яго ии дажідайся ..

Вася узяла ета на ушъ и задумалась.

Сабиралися бабы жать. Тэй день ии наста была дужа, а хліба ии булò. Нявѣстка большая гаворить Васи:

¹⁾ «Отъ сильнаго раскаинія не могу успоконіться».

²⁾ Не горюй, не бешокойся.

³⁾ Знакъ изумленія, небохъшаго испуга.

⁴⁾ Не трогать.

⁵⁾ Пугать.

⁶⁾ Смирень.

⁷⁾ Беда.

— «Иди на ниву: я принесу тебе хлеба. Якъ хлебъ спекетца, я приду къ тебе».

Паслухала Вася навѣстку и пашла у поля. Якъ асталась ана адна, тутъ сатана же и падмыкнула: падумала ти затаситца, ти залитца.

Узумала дурноя. Якъ пришла, на ниву сергъ паклала—узила и пашла...

Навѣстка приходит—яе нѣту.

Ти ни ягды збирѣть ина? Гукать яе, гукать—слухамъ, духомъ—нѣту, на барскій дворъ тожа нѣту. Ина тады двору прибѣгла за мужикомъ сваимъ. Васинымъ дѣверить. Гукали, гукали¹⁾—нѣту Васи нійтѣ. Назаутига сабрали сходку, аблаву здѣлали,—пашла уся дареуна; искали, искали—и ни нашли. Яны тада шукать²⁾ яе на возиу. Связали плоть и плавали на возиу; астѣми щупали—ни знайшли. Назаутига, якъ Вася пропала, хадила идна женщина съ другой дареуни у въ апѣнки³⁾. Чуить ина, што хто-та рыгает⁴⁾, ать хаго-та слоуна атбивантица:

— Ну... Ну... Ну... Чаво вы ка мнѣ пристали?

Вѣтиръ, такей бальшѣй, атиосить гоманъ⁵⁾: то ей чутна плоха, а тамъ, противъ вѣтра, ужъничога ия чутна. Ина разбираѣть, разбираѣть... Якъ вѣтырышъ узяу яе, такъ рубаха кѣракымъ на спини становитца и нимагѣть ина ни разу стушить ать страху.

На третій день другая женщина у Барауское ишла мима бора, идѣ гоманъ быль чутинъ и патомъ ужъ зѣкала:

— «Туда бѣгла иничога ия чула (яя буду пустоя брихать). Иду аттуда, ужу на стискальни⁶⁾, ужу сонца зайншло. Увайшла я (у Гутницкій роѣ, противъ Равыкъ) узяу мане вѣтырышъ⁷⁾. Чую я гоманъ:

— Ну, куда ета я иду, иду? Чаво вы ка ииѣ пристали? Ну, куда вы мане вѣдѣта?

Какъ начула я эта, уляпѣтывала, скольки силь была».

Тую ночь яны яе и затасили. Шесть нядѣль мякла,—на саменъкава⁸⁾ Пакрава нашли.

Шоу шаринъ мима возира, да, камнемъ балуваушишъ⁹⁾ якъ пуднѣть¹⁰⁾ у возира, да прямо у гѣлаву Васи и пупау: платокъ выплыу.

Плоть звизали и вытинули Васю, ать возира ии брали, пакуль писарь пришоу. Казау:—«Харанита яе—вить усякый видить, што ина залилася, а ия што нибудь»...

Вася у вѣди садѣла, а съ рукъ нохти атлятѣли: ти ать вады атмѣкли, ти черти атарвали.

Мужикъ Васинъ пришолъ; гуль¹¹⁾, гуль—яшо ти стольки¹²⁾,—гуль, гуль. Казау:

— «На што вы яе брали? На што вы яе пужали?..» (дѣвиръ большій бразіу яе: я таебе забью!). Якоя вамъ дѣла да маєй бабы? Хуть бы ина двухъ радила, я бѣ яе пальцымъ ия тронуу! И пусть бы жила... Надажъ вамъ мнѣ такоя горя здѣлать!...

¹⁾ Звали.

²⁾ Шукать=искать.

³⁾ Апѣнки—грибы желтаго цвѣта.

⁴⁾ Рыгаетъ=плачеть, рыдаетъ.

⁵⁾ Гоманъ—говорь.

⁶⁾ Вѣ сумеркахъ.

⁷⁾ Вѣтырышъ—страхъ.

⁸⁾ Уменьшительное отъ «самъ».

⁹⁾ Шадѣ.

¹⁰⁾ Бросить, швырнеть, шлѣпнеть.

¹¹⁾ Плакаль, рѣвель.

¹²⁾ Яшо ти стольки—очень много, безъ мѣры.

3.

Кастыліха.

(Планую Кастыліху чартоўка, бытца́къ знакомая дѣ́ука, Уварауская Сонька, тошнить).

Кастыліха была на Мікольщині ¹⁾ у Бараўскому.

Ряку пірніла, стаіць тамъ изба. Уздумала, што напрямкі нада ідіць у Буду къ Ирмалю. Січась, толькі избу іпрашла, іўлійтца къ ей дѣ́ука (Сонькуй яе звали—Уварауская); іўлійтца:

— Я тожа хачу ідіць у Буду.

Кастыліха съ ею здароўкаітца, такая радая, што ни адной ідіць да мѣста.

Сонька пущулуватца съ Кастыліхы хатъла:

— Да, пацалуімся жъ съ табою, Андре́юна. Кастыліху усё атводіць съ ею пущуватца.

— На буду!

— Мною гребуішь? Чаго ты такъ на хочишъ?! Ну, пайдемъ,—пайдемъ напрямкі!

— Луччай па полю.

Нѣтъ жа пувила напрямкі, падъ Лучисянку; а падъ Лучисянку роў вялікъ, и гаря къ наму якъ изъ печі крута.

Сонька вядеть яе прыма съ гары надъ Лучисянку; Кастыліха упінаіетца—Сонька яе преть прыма съ кручі. Падъ кручай мѣста у нась называітца Кисялеў вірь. Бывала мы ляжімъ у лѣтку, у тянёчку ²⁾, падъ ракіткій и смотрімъ унізъ. Унізу кружёлка ³⁾ бальшай, слова калодись: утрымъ тамъ галаўлі, падъўста и разная рыба, такъ и іграють.

— Сонька! икаянная! куда ми не прешъ? ⁴⁾.

— «Іди, іди прыма—іл бось: соньца ужу зайшло: и прыінкомъ намъ дайтіть на-дудыга».—

— Пусти! Сонічка, милая, галубка, пусти! Бойжа мой, ета віть вірь Кисялеў... Куда ина прѣть... Ишъ сама усё берігымъ грябѣтца ⁵⁾, а ми не усё пихаіть... Січась вапрѣть... ⁶⁾ Січась вапрѣть... Бойжа мой, лячӯ, лячӯ...

Шихъль ⁷⁾ Сонька Кастыліху.

Лятыць Кастыліха прыма у воду—лѣдва, ⁸⁾ лѣдва вѣскриблась, нахтамі уцапіў-шись за беріхъ,—ну, вада такая халодная и берігъ ужъ аблмерзъ.

Апомінілась Кастыліха, усталы,—іпяць съ нею Сонька, усё іпяць муштруіть яе: то пихаетъ, то круніёть, то за руку таскае, а усё са сваіхъ рукъ ни выпушчаны. Ужу виднѣіть—бутца́къ вісіялъ троху стала у Кастыліхі.

Во скотнікъ Будзянскій ёдіць скоту даватъ.

Кастыліха стала гукаіть:

А рятӯй, а рятӯй!.. А Яхімічка, а радымый жа ты мой, рятӯй,—атъ Соньки рятӯй...

Агланулася! Соньки ни стала...

— «Вижу таперъ, вижу, што ета на Сонька была... Якая ета Сонька—ета икай-ній, змустітель»...

¹⁾ Передъ замінімъ Ніколовій мужицкія пірушкі называються «Мікольщинамі».

²⁾ Въ тѣні.

³⁾ Водоворотъ.

⁴⁾ Прешъ—толкаешь.

⁵⁾ Съ трудомъ пробирается.

⁶⁾ Впихнёть.

⁷⁾ Пихнула.

⁸⁾ Едва, едва.

Скотникъ падъхаль къ Кастьлихъ: ляжть ина на биряту... адежинка уся абиёрзла, аблидънила: дома лаптей ни магли ать нохъ атдёрнуть: такъ пристали. Шпиртынь тёрлась, гарчишики къ застылку приляпила Кастьлиха (гаспада дали), а шесть иядъль у абчёртаку¹⁾ пралежила.

4.

Пьяный Кузьминъ на чортывый тройки наччу катауся. Чахоль Кузьмину ать чорта застаяуся, патомъ таго Кузьминъ на гумни авбесіуся.

Ишоу пьяный съ Бараускага. На дарбаз стаить каминъ—елка. Синчье въ яну чилавѣкъ выходить. Рассматрывъ харашенъка: падъ имъ лошадь, лошадь падъ чахломъ.

— «Эй, знакомый, здрастуй! Садись на маю лошадь: я тибѣ падвяззу!..

Тольки сѣу на яе вярхомъ Кузьминъ, низнакомый лошадь тую якъ цуднѣть²⁾ (а у яго карнатка харошая, якъ у цыганъ). Кузьминъ авъ землю хряпъ.

Тады ипять другей выходить, падъ имъ тожа лошадь оказыватца:

— Садись, братъ Кузьминъ!..

— «Абманишъ»!..

— Ни бось! Ни 'бманю—ни бось, ни бось, а садись-ка!—

Падмынула яго сѣсть. Сѣу—и палятѣу у други торчмя галавой, бутырѣмъ.

У третій разъ выходить чилавѣкъ, а падъ имъ лошадь.

— Эй, Кузьминъ!—

— «Атвяжитись, үраги: вы только mine падманяжитъ»!..

Патомъ Кузьминъ гавариль:

— «То быль я пьянъ, а то и хмѣль мой сачхнуу³⁾), куда дѣвауся: Страхъ, вѣтыръ mine такъ и узяу, ажно трасусь и калачусь. А усб што-та паттаживанть mine са-дитца... Самъ сабѣ думаю: «тольки таперь дурна ни сяду, якъ тады, а вазьмусь за чахоль авѣими руками, что на кания уздѣть»...

Чортъ, якъ Кузьминъ тольки сѣу, абраадавауся што у третій разъ яго азялить, да якъ кудупинѣть кания карнаткы: Чахоль абарвадауся—Кузьминъ съ чахломъ палятѣу на землю и вочи сабѣ накрываютъ.

Устау ипять Кузьминъ на ныги—иѣть ни людей, нѣть никоѓа, тольки чахоль астауся яму ать чорта. Увяушши чахоль, за шотузы⁴⁾ привалокъ яго двору:

— «Гладитя, рибаты, якую новасть я привалокъ. Іздіу цѣлую ночь на тройки, на вражжай сили, а вотъ съ третыгига кания што миѣ чортъ павесіу...

Цѣлая лѣта ета штука висѣла на шули⁵⁾.

Придуть дѣти, придуть бабы и мущины; тигаютъ, тигаютъ и усѣ дивютца, якай штука.

Цѣлая лѣта чахоль висѣль на шули,—къ восини прапаль.

Ишоу чилавѣкъ тай на гумно, што привалокъ чортаву штуку—тамъ и авбесіуся.

¹⁾ Ровно какъ одинъ день.

²⁾ Цуднѣть—стебанѣть.

³⁾ Сачхнуу=испарился, ослабѣль.

⁴⁾ За тесбимки.

⁵⁾ На шули=на столѣ.

5.

Задаўлиныники¹⁾ на дяреўіхъ начаюта.

Ишоў салдатъ на вѣсти²⁾; стрѣлися зъ имъ ребяты:

— «А, брахинька ты мой, идёшь ты адінъ: тутъ вѣшальники призываютца».—

— А нахъ³⁾ нась будуть талаку сабирать.—

— «Иди жъ ты, служивый, съ апаскыю».—

— А ни баюсь: жіў—прапаў! царьская—ни панская,—ета вы идёти на пригонъ отказывайтись, а царьская ни аткажитца.

Съ етыми словами юнъ и пашоў.

Дайшоў да мѣтнаго⁴⁾ мѣста, якъ пуворотка, глянуль на таё бярезу, идѣ дѣўка съ парнимъ задавились (пѣрва дѣўка, потымъ и паринъ): авая яны, схапѣмъшись⁵⁾ руками, калышутца на кривѣй барёзи: тотъ аттэль, атая аттэль, калышутца и прибаюкываютъ адінъ аднаму: а—а! а—а!⁶⁾:

А я иду сабѣ да вакресную малитву читаю. Ружжо заряжина и штыкъ падъ рукою:

— «Тольки палѣзъ, икаянная сила: я тябе па своіму дёрну»!..

Сообщилъ В. Добровольский.

¹⁾ Повѣшившіеся.

²⁾ На вѣсти—на карауль.

³⁾ Неужели.

⁴⁾ Да мѣтнаго мѣста—до намѣченного мѣста.

⁵⁾ Схватившись руками.

⁶⁾ а—а—болѣзненный скрипъ надломленнаго дерева.

Р е к р у т ч и н а .

Солдатчина для крестьянъ—тяжелая и непрятная повинность. Она отрывает парней отъ крестьянскихъ работъ, а иногда и совсѣмъ отъучаетъ ихъ отъ деревенскаго хозяйства; воспитываетъ въ нихъ новые вкусы и привычки, часто не пригодные и не желательные въ крестьянскомъ быту. Да и самое солдатское житѣе, по взгляду крестьянъ, не веселое, «не привычное»; тамъ «шотаки не дадутъ», «жиру сбавятъ», «бокъ повыньютъ», научать «по стрункѣ ходить». Между тѣмъ эта повинность неизбѣжна для крестьянина. Понятны поэтому—сочувствіе, нѣжность и ласки, съ которыми они относятся къ молодымъ парнямъ, подлежащимъ призывау, или, какъ ихъ называютъ, «некрутамъ». Эти чувства выражаются въ причетахъ и обрядахъ, которыми сопровождается «рекрутчина». Въ причетахъ родственниковъ слышится съ одной стороны—нѣжная любовь и ласка къ своему «рожденью сердечному», а съ другой скорбь продолжительной разлуки, сопровождаемой тоской и кручиной, и скорбь за будущее солдатское житѣе, гдѣ все то не привычное, не по крестьянскому тѣлу. Обряды и разныя церемоніи вытекаютъ изъ тѣхъ же съ одной стороны нѣжныхъ чувствъ любви и ласки, а съ другой стороны—тяжелаго чувства разлуки.—Въ самой крестьянской жизни парни, состоящіе «на очередь», еще задолго до призыва начинаютъ пользоваться разными привилегіями въ работахъ и «гулянѣ». Ихъ не призываютъ къ работѣ, не посыпаютъ на трудные зимніе заработки (напр. вывозку бревенъ), во всемъ даютъ большую свободу и смотрятъ сквозь пальцы на ихъ пропуски и шалости.

Лѣтомъ предъ призовомъ «некрутъ» обыкновенно (если онъ не изъ богатыхъ) идетъ на заработки, большую частію «въ путину», «на Маринку» (Маринійский канатъ). Тамъ онъ обязательно покупаетъ себѣ гармонику, по мѣстному выраженію «бобку» (русскую гармонику), или «тальянку» (гармонику съ итальянскимъ строемъ) и справлять праздничный костюмъ, въ которомъ главную роль играютъ «вытажные» черные сапоги и суконный «шинажъ». Оставивши остальной заработокъ на карманніе расходы, или, какъ говорится, «на табакъ», некрутъ въ Августѣ возвращается домой. Съ этого времени начинается его гулянѣ. Не проходитъ почти ни одной «ярмаики» или «гуляки», где бы онъ не появлялся. Обыкновенно рекрута служатъ центромъ, около которого группируется на гулянкахъ молодежь. Имѣя бобку, они даютъ тонъ праздничному веселю и являются инициаторами танцевъ—кадрѣлки (кадрили), ланцѣвки и русскаго.

Послѣ окончанія полевыхъ работъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ начинаются гулянья рекрутовъ съ парнями односельчанами. Подъ вечерокъ парни собираются въ избѣ у какого-нибудь бобыля или бобылки; здесь иногда «некрутъ» выставляетъ водку, а не то покупаютъ ее всѣ въ складчину и подвыпивши начинаютъ свои ночные прогулки по деревнямъ, которыхъ часто продолжаются «до пѣтуховъ». Ревъ гармоники, безобразное нестройное пѣніе, большую частію неприличныхъ, пѣсенъ¹), лихое отхватываніе «русскаго»—сопровождаютъ эти

¹) Пѣсни эти большую частію представляютъ изъ себя риѳмованные куплеты изъ 4-хъ строкъ, часто безъ всякаго смысла, въ родѣ слѣдующихъ:

Какъ у бобки у тальянки

Заболѣла голова

Иломалися мѣхи,

Съ великаго посту,

Возьму я дѣвку старовѣрочку

Полюбиль дѣвчонку я

Замолить всѣ грѣхи.

Небольшого росту.

полушинныхъ толпы; не обходится, конечно, безъ потасовокъ и даже серьезныхъ дракъ.

Но главное раздолье для гулянья, кривлянья и бахвальства «некрутовъ» наступаетъ съ открытиемъ въ деревнѣ «бисѣдъ» (посидѣлокъ). Здѣсь рекрутъ—главныя действующія лица: имъ предоставляется здѣсь полный просторъ. Они заводятъ всѣ танцы и игры, выкидываютъ разныя «штуки», сидѣть на колѣняхъ у всѣхъ девушекъ, даже и у «славутинцъ», угощаютъ ихъ «приниками и канфетами»; парни ухаживаютъ за рекрутами и стараются во всемъ угодить имъ.

«Прѣзывъ» бываетъ обыкновенно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. За недѣлю до назначенаго дня гулянья рекрутъ особенно усиливается, а за 2—3 дня начинается «гостеба» ихъ по своимъ роднымъ, къ которымъ они ходятъ прощаться; начинаютъ съ самыхъ близкихъ родственниковъ.

Когда рекрутъ собирается въ гости, мать напутствуетъ его слѣдующими прічетами: ¹⁾:

«Ты послушай-ко рожденъё сердесынѣё.
Скаѣная жемчужина—ягодка,
Ты куды справляйся и свивайся?
Ты справляйся и свивайся
Со друзьями, со братьями,
Съ перелетными удалими молодцами.
Свивайся не по старому, спраленіе не по прежнему
Во цѣастѣ любимое госьбищѣ.
Омираѣть моё сердцѣ ретівое.
Справленіе не по волюшкѣ великія.
Ты пойдешь во цаство любимое госьбищѣ,
Ужъ не въ первѣ, а въ послѣднѣе
Придешь ко своей родимой тетушкѣ,
Седѣшь за столы, да за дубовые,
Перекрести ты лицо чисто-браніоѣ
Предъ иконокъ передъ Божіей.
Тобя станутъ подтцівать и цѣствовать,
Сурѣву мою тѣцлу, зеленый виномъ кудрявыми.
«Ты не ушивайся, мое милое рожденыцѣ сердесынѣё».

Рекрутъ идетъ въ гости со своими сверстниками. Родственница (положимъ тетка) встрѣчая, обнимаетъ его съ плеча на плечо и начинаетъ голосить:

«Слава, слава Тобѣ, Господи,
Дождалась я свою любовново племянницка, гости долгожданново,
Во цаство любимое госьбищѣ.
Ужъ инѣ смахнуть-то свои оци ясные
На свою любовново племянницка.
Идеть онъ со друзьями, со братьями,
Съ перелетными удалими добрыми молодцами.
Ужъ я гляжу тетка бѣдная
На тебя, добрый молодецъ, любовный племенишокъ;
Идешь да не по своей-то волѣ вольными,
Не несуть тебя рѣзы ноженъки,
Пріупали бѣлы руценьки,
Потуманились оци ясные,

¹⁾ Во всѣхъ прічетахъ по возможности удержаны особенности произношения.

Помертвѣло лице бѣлое
Со великово со горошкомъ.
Садись-ко, любовной племенницѣкъ,
За столы да за дубовые
Со удалими добрыми молодцами.
Поставила я тетка бѣдная столы дубовые,
Послала скатерти бѣлотканныя,
Припасла ёсву хресянскую,
Хресянскую, да не господскую».

Подносять рекрутъ на тарелкѣ вина, при чёмъ хозяйка угощаетъ:

«Выпей-ко, любовный мой племенницѣкъ,
«Зелена вина кудряваго
«Не въ первое, а во послиднѣе».

Рекрутъ садится съ товарищами за столъ, покрытый скатертью, на которомъ кипитъ самоваръ и стоятъ разныя закуски: крендели, пряники, конфеты, а также—непремѣнно рыбникъ (рыбный пирогъ). Онъ выпиваетъ немнога вина, чаю, пробуетъ закусокъ и выходитъ изъ-за стола. Хозяйка кланяясь благодарить его:

«Спасибо тебѣ, любовной мой племенницѣкъ.
Што не занессе ты богатымъ-то богацествомъ,
Дороднымъ-то дородцествомъ».

Изъ гостей ведутъ рекрута «взяптки», т. е. лицомъ къ большому углу, а спиной къ двери съ тою мыслю, чтобы въ скоромъ времени опять бывать ему здѣсь въ гостяхъ.

Съ такими же церемоніями ходить рекрутъ и по другимъ родственникамъ. Когда вечеромъ, по большей части уже достаточно подвыпивши, возвращается онъ домой, мать встречаетъ его пріѣтами:

Слава, слава Тобѣ, Господи, дождалась я догледѣласе
Свово рожденя сердесьнево,
Удалово доброво молодца.
Ушь ты былъ во цастомъ любимомъ госьбицѣ,
Ушь и што тебѣ сказала любовная тетушка,
Какія примѣточки и приглядопыки,
Што бывать-ли тебѣ на родимой сторонушкѣ
По старому, да по прежнему?»

Передъ днемъ отѣзда къ мѣсту вынуждія жребія родные рекрута обращаются обыкновенно къ мѣстнымъ колдунамъ и колдовкамъ, которые по картамъ, по бобамъ или другимъ какимъ-нибудь способомъ предсказываютъ судьбу—счастье рекрута. Иногда на канунѣ отѣзда болѣе смѣлые бабы спрашиваютъ обѣ участіи рекрута даже у «нечистой силы». По большей части въ такомъ случаѣ обращаются къ «дѣровому». Въ полночь хозяйка идетъ во дворъ, снимаетъ съ себя крестъ, поворачиваетъ рубаху воротомъ назадъ, становится среди двора противъ конюшни и спрашиваетъ «хозециа-дворового»: «Батюшка хозеинъ! чѣмъ ты меня обрадуешь, или прослезишь? Дворовый, по мнѣнію крестьянъ, непремѣнно или заплачетъ, или просто закрикнитъ или закашляеть голосомъ хозяина дома. Плачъ означаетъ неблагопріятный отѣйтъ, а кряхтѣніе считается хорошимъ предзнаменованіемъ. Чтобы благополучно удалиться изъ двора, нужно повторить первое слово, сказанное при входѣ въ него; иначе дворовый можетъ сдѣлать большія непріятности. Иногда бабы, хотя и довольно

рѣдко, обращаются за предсказаниемъ къ лѣсному, или, какъ называютъ его, «праведнику». Для этого выходятъ въ полночь въ лѣсъ, становятся на «рѣстань» (т. е. на перекрестокъ дорогъ) и обращаются къ лѣсному съ такимъ-же вопросомъ, какъ и къ домовому.

Въ самый день отъѣзда въ избу рекрута собираются родственники и масса любопытныхъ сосѣдей. Устраивается угощеніе для ближайшихъ родственниковъ; всѣ ухаживаютъ за рекрутомъ и стараются предупредить его малѣйшее желаніе. Послѣ обѣда всѣ молятся Богу, при чёмъ рекрутъ часто даетъ какою-нибудь «заявѣть Богу» (обѣтъ) въ случаѣ освобожденія его отъ военной службы. Родители благословляютъ рекрута и выводятъ его подъ руки изъ избы. При этомъ наблюдаютъ слѣдующую довольно сложную, примѣту. Отъ четырехъ угловъ скатерти, покрывающей обѣденный столъ, отрѣзываютъ маленькие кусочки, полагаютъ ихъ на печной столбъ (верхъ печи надъ самимъ ея устьемъ), зажигаютъ и смотрятъ — куда направится дымъ. Если дымъ идетъ въ большой уголь или «прилубъ»¹), то предзнаменование хорошее — рекрутъ останется на свободѣ и возвратится въ родной домъ; если же дымъ направляется въ двери, то значитъ — рекрута забрѣютъ въ солдаты. — Когда рекрутъ прощается съ матерью, послѣдняя обхватываетъ его руками и начинаетъ причитать:

«Ты прощайся со своей родимой сторонушкой,
Ты мое рожденье сердесънѣе,
Со широкой быстрой риценькой,
Со всими со полеми со цистыми,
Со лушками со зелеными.
Ты прощайся, сурѣва сердесънья
Съ Преображенемъ многомилосривымъ
И со всѣми храмами Господними.
Какъ пріѣдешь ты на дальнюю сторонушку.
Заведутъ тобя во пріѣмну казеннюю,
И станутъ, сурѣва моя теплая,
Содѣвать съ тебя платье хресъянское
И тонкую билую рубашецкую,
И станутъ тебя оглядывать и осматривать;
И поведутъ тебя на кружало осударево,
Подъ мѣру подъ казеннюю.
И рыкнутъ суды — власти не милосривы,
Серца ихъ не жалосривы:
Принять да добра молодца
Во солдаты во рекрутскіе.
Подрѣжутъ рѣзы ножеинки,
Пропадутъ бѣлы руценьки,
Пріужаснетце сердце ретивое.
Принесутъ тебѣ бритву пѣмѣцкую,
Станутъ брить да буйну голову,
Золоты кудри сыпучія.
Обырѣй ты, мое рожденье сердесънѣе.
Собери-ко свои русы волосы,
Золоты кудри сыпучія.
Заверни во бѣлу тонкую бумажецкую,
Пришли ко мнѣ матери побѣдныя.

¹) Небольшая комната съ хозяйственными припасами и инвентаремъ рядомъ съ большой жилой избой.

Я пока бѣдна мать бесцасная
Покамѣсь я во живности,
Буду держать ихъ во теплой запазушкѣ
За правой за пелецккой ¹⁾.
Пойдуть удали добры-молодцы,
Все твои дружки-товарищи
Ко цесному годовому ко празицкѣ,
Погляжу я, мать безцасная,
Во хрустальнѣ окошечко
На широкую пробойную улушки,
Погляжу я на твоихъ друзей-товарищѣ;
Стану примицѣть да и доглядывать
Тебя, мое рожденѣе сердеснѣе,
Стану доглядывать по спинѣ да по возрасту,
По похвальныя походоцкѣ.
Ушь не могу прибрать тебя, рожденѣе сердеснѣе,
Не по походоцкѣ похвальныя,
Не по поступкѣ молодецкія,
Не по платью по хресьянскому.
Я погляжу мати безцасная
На тебя, сурѣва сердеснѣя:
Ты была у мина яблунь кудрёватая,
Срослая и уросливая,
Съ корешка да не закомлистой,
По середоцкѣ поджаристой.
По лицу по цисто-браниому,
По буйной по головушкѣ.
Ушь я не могу тебя признать
Туть одолить мина бесцасную
Горе бѣднось-то великая.
Ушь нѣту мово ясново солнышка
Не по стиши, да не по возрасту,
Не по ухватоцкѣ похвальныя,
Не по походкѣ молодецкія.
Ушь была ты у мня яблунь кудрёватая,
Свиця да воску ярово,
Верба да золоцнай.
Быть добрымъ людямъ-то присвойчивый.
Туть обомреть мое сердце ретивое,
Што нѣту мово рожденѣя сердеснѣво.
Ушь мое-то рожденѣе сердеснѣе
Быть умный-то и разумный,
Къ добрымъ людямъ присвойчивый.
Со тово горя великово,
Со обиды, со досады несныя
Вышу я съ своей съ теплой пазушки
Возьму во несцасная руценьки
Кудри жолтныя синуція
Со твоей со буйной головы,
И приложу я къ ретиву серцу побѣдному,

¹⁾ Пелецкка—часть пазухи за лямкой сарафана.

Будто на тебя нагляжуся, рожденъ ё сердесънѣе,
Будто съ тобой наговорюся и набаюся».

Когда рекрутъ садится въ сани, наблюдаютъ за лошадью. Если она въ это время не стонть смиро, а переступить съ ноги на ногу, то примѣта нехорошая.

Съ рекрутомъ отправляется кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ—мужчина—отецъ или братъ. На мѣстѣ призыва уже не слышно причитаній, такъ какъ бабы рѣдкоѣздятъ туда. Все больше встрѣчаются серьезныя задумчивыя лица мужиковъ и слышится пьяный разгуль призываемыхъ.

Но вотъ жребій вынутъ, произведенъ медицинскій осмотръ; рекрутъ оказывается «забрѣтимъ» и превращается въ «новобранца». Прежде чѣмъ отправиться къ мѣсту своей службы, онъ еще пріѣзжаетъ на недѣлю на двѣ домой погулять. Тутъ уже новобранецъ кутить во всю ширь русской натуры. Онъ одѣвается въ лучшее крестьянское платье—суконную «сибирку», яркій цвѣтной шарфъ и мѣховую шапку. Домашнія и родственницы дарятъ ему цвѣтные платки, которые онъ связываетъ вмѣстѣ концами и неизмѣнно носить при себѣ. Начинается лихое гулянье новобранцевъ. На тройкѣ лошадей съ бубенчиками, съ гармоникой и пѣснями, махая разноцвѣтными платками разѣзжаются они по гостямъ и бисѣдамъ. Неизмѣнными спутниками новобранца являются два три молодыхъ парня—прыателя, которые водятъ его подъ руки.

Наступаетъ день отѣзда на службу. Мать и женская родня все время заливаются горючими слезами. Опять происходитъ прощанье новобранца со своими родственниками, сопровождаемое обильнымъ угощениемъ; а дома въ это время укладываютъ его пожитки и пекутъ «подорожники», въ числѣ которыхъ неизбѣжно являются «сдобные колобы», «калитки», «наливки» (различные виды пироговъ изъ ячменной муки) и т. п. Въ самый день отѣзда въ избу новобранца собирается чуть не вся деревня. Мать уже не только не въ состояніи причитать, но даже и плакать, а только охаетъ, стонетъ. Начинается трогательное прощанье новобранца. Онъ падаетъ въ ноги всемъ своимъ домашнимъ и близкимъ родственникамъ, начиная съ отца. Тѣ поднимая его и, обнимая, прижимаютъ къ своей груди; съ посторонними онъ только обнимается. Новобранецъ проходитъ по всему дому: въ каждой комнатѣ онъ молится Богу и падаетъ въ землю. Потомъ онъ идетъ во дворъ—прощаться со скотомъ; предъ каждой животиной онъ кланяется до земли и благодаритъ ее за вѣрную службу ему.—Когда онъ въ послѣдній разъ прощается съ матерью, она обхватываетъ его руками и напутствуетъ причетами. (Во время причетъ ее держать подъ руки близкія родственницы; она неѣсколько разъ «смирается» (т. е. лишается чувствъ), но прида въ себя, опять продолжаетъ причитать). Напутственные причеты слѣдующіе:

«Ты пойдешь, рожденъ ё сердесънѣе,
Не по старому, да не по прежнѣму.
И даютъ тѣ тонку-блѣду рубашецку солдатскую
На твое-то тѣло блѣлое,
И даютъ шинель казеннную
Не по костямъ и не по плечошкамъ,
И даютъ фуражку солдацкую
Не по буйной-то головушкѣ,
И сапожки-то не по ноженькамъ
И рукавицки не по руценькамъ.
И станутъ высыпать на путь дорошку широкую,
Волокѣ-то будутъ долгіе
И версты будутъ не мѣрныя,
Пойдутъ лѣса темные высокіе.
Пойдешь-ты, моя сурѣва баженая,
Въ города-то незнамые,

Все народы да не знакомые.
Какъ дойдешь до храма Господнеvo,
До церкви до священныя,
Ставь-ко свицьки Царю Небесному,
Пресвятой да Богородицѣ
И служи молебны-те заздравные
За великое за здравіе,
Штобы далъ тебѣ Христосъ Истинной
Ума и разума великово
На чужой на дальней на сторонушкѣ.
Служи-ко вѣрою да и правдою,
Держись за вѣру христіанскую,
И слушай-ко властей, судей милосливыхъ,
Командировъ, офицеровъ
И рядовыхъ-то солдатушкѣ.
Будуть суды власти милосливы
И серца ихъ будуть жалосливы».

Студентъ Духовной Академіи
Александръ Мельницкій.

Село Ухта, Вытегорского уѣзда,
Олонецкой губ.

Святки въ Корелѣ.

Время гаданий у кореляковъ начинается съ вечера сочельника (24 декабря) и продолжается до самого Крещенья. За это время, кроме того, что соблюдается во время «вѣандуйдъ» (не мажутъ дегтемъ салоговъ, не моютъ носовъ и т. д.), не бросаютъ еще на сѣль огарковъ отъ лучинъ,—чтобы жито не почернѣло. Вечеромъ въ сочельникъ дѣвушки и парни собираются въ одинъ домъ и здѣсь—въ складчину—дѣлаютъ «праженные пироги» на постномъ маслѣ... Закусивъ пирогами, всѣ молча отправляются гадать—узнавать свою судьбу. 1) Одно изъ самыхъ распространенныхъ средствъ—узнать свою судьбу—это подслушивание подъ окнами. Дѣвушки или парни, а иногда тѣ и другие вмѣстѣ идутъ подъ окна дома и, прятавшись, слушаютъ, что говорятъ живущіе въ домѣ. Каждый условливается слушать слова только известного лица, живущаго въ домѣ. Потомъ подслушанные слова толкуютъ въ томъ или другомъ смыслѣ, и на основаніи ихъ узнаютъ, что будетъ въ наступающемъ году... 2) Ходить слушать изъ перекрестки дорогъ. Собирается компания молодежи, и тайно, безъ смѣха и разговоровъ выходить изъ дома на перекрестокъ. Молча становятся спинами вмѣстѣ и одинъ изъ нихъ обчерчиваетъ «сковородникомъ» кругъ, чтобы слушающимъ не могъ сдѣлать ничего худаго «сѣндѣ» «Сѣндѣ»—это особаго рода божество, которое дѣйствуетъ на землѣ преимущественно о святкахъ. Нѣкоторые изъ кореляковъ вѣдѣли «сѣндѣ». По разсказамъ ихъ, оно представляетъ изъ себя двигающейся стогъ сѣна, и не дай Богъ человѣку попасть въ его руки: онъ непремѣнно задавить его. Въ причитаньяхъ какъ свадебныхъ, такъ и погребальныхъ встрѣчаются названія «сувредъ сѣндѣдъ», «сѣндѣйжедъ»; по всей вѣроятности, это второстепенные боги послѣ Юмала, но боги очень популярные между кореляками, всѣми почитаемые и имѣвшіе большое значеніе въ семейной частной жизни. На мой вопросъ: «что-же такое «сувредъ сѣндѣйжедъ»—старуха-причитальщица не сразу нашлась отвѣтить... Она задумалась и минуту другую сидѣла молча. Потомъ, осмотрѣвшись по избѣ, она съ нѣкоторымъ даже азартомъ отвѣтила: «что «сувредъ-сѣндѣйжедъ»?—да иконы вѣдѣ это»... Потомъ такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, внимательно слушаютъ, что прислышится, что скажетъ «великий сѣндѣ». Иные изъ молодежи слышать отдаленные выстрѣлы—это значитъ быть имъ въ солдатахъ, слышать звонъ ямщицкаго колокольчика, пѣніе веселыхъ пѣсень,—все это къ тому, что скоро будетъ свадьба. 3) Вышеописаннымъ-же способомъ слушаютъ еще на церковномъ крыльцѣ и на кладбищѣ. Этотъ способъ гаданія считается самымъ вѣрнымъ, чтобы узнать свою судьбу, но рѣдко кто изъ кореляковъ осмѣливается идти на кладбище или на церковное крыльцо. Суевѣрный страхъ ихъ столь силенъ, что иные даже на свѣту, среди яснаго дня не осмѣиваются пройти по кладбищу; кладбище и церковь, по мнѣнію ихъ, населены покойниками, которые всюду бродятъ, всюду проникаютъ и еще намѣренно страшатъ живыхъ людей.. 4) Въ полночь, когда всѣ уснули, дѣвушки кладутъ предъ устьемъ печки на плиту зеркало и зажигаютъ свѣчу; сама поднимается на печку, ложится на спину (головой въ сторону плиты), распускаетъ волосы и, закинувъ голову, глядится въ зеркало, положенное на плиту: если суждено ей скоро выйти замужъ, то непремѣнно

она увидить въ зеркалѣ лицо своего жениха, если же выйдетъ еще не скоро, то не увидить ничего. Тѣ же, которыхъ ожидаетъ скорая смерть, видѣть гробъ и похоронную процессію... 5) Такжѣ въ полночь, когда всѣ уснутъ, дѣвушка одѣваетъ на шею хомутъ и садится подъ столь,—садится и ждѣть, что привидится. Этотъ способъ гаданія считается довольно опаснымъ, потому что гадающуя можетъ испугать показавшійся призракъ. 6) Дѣвушки беруть зубами съ печки каждая по лучинѣ, въ зубахъ же и несуть ихъ на прорубь, опускаютъ въ воду и несуть потомъ обратно въ избу; вставляютъ въ стѣнную щель надъ дверной липиной и зажигаютъ: чья лучина загорится, къ той скоро приѣдуть сваты. 7) Гадающа дѣвушка береть сапогъ и, повернувъ нижней частью его (то носкомъ впередъ, то пяткой), отмѣриваетъ пространство отъ лицевой стѣны до порога; и если въ послѣдній разъ приложенный сапогъ будетъ носкомъ къ порогу, то дѣвушка выйдетъ замужъ, а если пяткой, то останется въ прежнемъ состояніи. 8) Въ самый день Крещенія утромъ подметаютъ полъ; соръ, собранный на полу (преимущественно угли лучины, которыи и до сихъ поръ не вытѣснены у короляковъ никакими другимъ горючимъ материаломъ), выбрасывается на улицу, недалеко отъ домового крыльца. Гадающа дѣвушка примѣчаетъ—прилетѣть ли на этотъ соръ сорока, если прилетѣть, то дѣвушка непремѣнно выйдетъ скоро замужъ. 10) Для того, чтобы узнать характеръ будущаго жениха, дѣвушка береть сковороду, наливаетъ на неѣ воды и кладеть немного кудели, и все это ставить на огонь, если на сковородѣ будетъ сильно трещать, то женихъ будетъ—человѣкъ горячій, буйный, а если будетъ только шипѣть, и дѣло обойдется безъ треску, то женихъ будетъ иправа кроткаго, человѣкъ смирный и степенный... 11) Чтобы узнать, кто будетъ женихъ—крестьянинъ или купецъ, или нищій, сть этой цѣлію беруть три одинаковыхъ ложки; одну наполнивать молокомъ или хлѣбнымъ зерномъ, въ другую кладутъ золотое или серебряное кольцо, а въ третью наливаютъ воды... Гадающа дѣвушка уходитъ на время въ сѣни, пока приготавливаютъ ложки; потомъ возвращается и выбираетъ одну изъ трехъ (самыя ложки закрываются, и оставляются на видъ только ручки): если попадеть ложка съ водой, то быть за бѣднымъ человѣкомъ, если съ молокомъ, то за крестьяниномъ, а которая возьметъ съ кольцомъ, то выйдетъ за богатаго человѣка....

H. Лѣсковъ.

М у д р ы й М а ч ч и .

Жила-была въ одной деревнѣ вдова съ дочерью и сыномъ. Дочь была молодая дѣвица; и вотъ когда она однажды утромъ вышла изъ дома — выполоскать на берегу озера вѣники, — увидѣла на другой сторонѣ озера домъ, поглядѣла на него и расплакалась. Приходить въ избу къ матери, а сама плачетъ забываетя. «Что же ты плачешь, милая дочка?» спрашиваетъ у ней мать, «обидѣль тебя кто-нибудь или слово грубое сказалъ?...» — Нѣть, маменька, отвѣтъ дочь, не обидѣль меня никто, и слова грубаго я не слышали ни отъ кого; а плачу я отъ того, что когда полоскала вѣники увидѣла на другой сторонѣ озера на самомъ берегу домъ — и подумала: а что еслибы да меня выдали замужъ въ тотъ домъ; родился бы у меня ребеночекъ-мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на «уличку», ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ... Вотъ чего я, милая матушка, и плачу такъ сильно»... Мать выслушала свою плачущую дочь, и сама разжалобилась, сѣла на скамейку рядомъ съ дочкой и давай плакать... Плачутъ обѣ мать и дочь... Приходить съ работы сынъ и спрашиваетъ: чего вы плачете, мать и сестра?... Обидѣль ли кто васъ или слово грубое кто сказалъ?... — Нѣть, не обидѣль насть никто, и слова грубаго мы не слышали ни отъ кого, а плачимъ отъ того, что сестра твоя дѣвица пошла сегодня вѣники полоскать въ озерѣ; полоща, она увидѣла на другой сторонѣ озера на берегу домъ и подумала, что если бы она была выдана туда замужъ, родился бы у ней ребеночекъ — мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на уличку, ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ бы... вотъ чего мы и плачимъ, вотъ изъ за чего и слезы роняемъ... Выслушавъ сына — мать и сестру и въ первое время просто изумился: «—ну, говорить онъ имъ, сколько живу на сѣмъ свѣтѣ такихъ глупыхъ людей еще не видаль... Пойду скитаться по миру, и если найду трехъ человѣкъ глупѣе васъ, то ворочусь, а если не сыщу нигдѣ, то не ждите больше отъ меня мягкихъ и теплыхъ хлѣбовъ...»

Собралъ Маччи котомочку, вскинуль ее за плечи и отправился въ дальнюю сторону. Идеть день, идеть другой, наконецъ, приходить въ одну деревню и останавливается въ ней на почлегъ. Вечеромъ жильцы-хозяева, того дома, въ которомъ онъ остановился, отправились въ баню... Только что за чудо? Идуть люди въ баню, а подштанники дома оставляютъ. Напарились, намылись хозяева въ банѣ и возвращаются домой безъ подштанниковъ. Вонши въ избу, и всѣ мужчины поднялись на полку, а бабы ихъ подштанники несутъ и подъ самой полкой прилаживаютъ ихъ въ стоячемъ положеніи... Скочилъ одинъ мужикъ, скочилъ другой, — все мимо подштанниковъ, никакъ въ цѣль не попадаютъ. Въ каждый разъ, какъ скочить кто не удачно, не попадеть въ подштанники, хлопъ свою бабу по щекѣ, зачѣмъ-молъ худо подштанники подставила... Снова оттуда скачутъ, — и опять неудачно, опять мимо подштанниковъ — и ну бить бабъ... До самой полуночи бились съ подштанниками и утомились до смерти... Маччи глядѣль — глядѣль на эту бестолковщину и заговорилъ: «Зачѣмъ все это вы, крещеные, дѣлаете? Развѣ такъ подштанники одѣваютъ? Одѣть ихъ можно иначе, да и съ большимъ удобствомъ»... — Какъ?... Скажи, пожалуйста, научи, мы за это тебѣ заплатимъ... «Да вотъ какъ», говоритъ Маччи, самъ сѣль на лавку, протянуль ноги и руками легко натянуль подштанники... Хозяева просто рты разинули; — Сколько, говорятъ живемъ мы на свѣтѣ, до сихъ поръ и въ голову не приходилъ этотъ простой способъ одѣвания подштанниковъ... Спасибо тебѣ, добрый молодецъ, что научилъ... Накорили, напоили Маччи да еще дали денегъ 5 рублей.

Идетъ Маччи дальше. Приходитъ опять на почлегъ въ одну деревню. Сидѣть хозяева, ужинаютъ «хутту» (каша изъ ржаной муки) ёдятъ... Возьметъ каждый ложку «хутту» и бѣжитъ въ чуланъ за сметаной; сѣсть ложку, другую хватить и опять въ чуланъ за сметаной и т. д. и т. д... Глядѣль-глядѣль Маччи на это бѣганье изъ избы въ чуланъ, и потомъ обратно—изъ чулана въ избу и говорить: «Зачѣмъ вамъ бѣгать каждый разъ съ ложкой «хутту» въ чуланъ? Вѣдь это очень утомляетъ, а можно бы сдѣлать такъ, что и бѣгать не придется»...—А какъ же, спрашиваютъ хозяева, если можешь такъ, пожалуйста, ужъ научи, а мы тебѣ за это заплатимъ... «Да вотъ какъ, говорить Маччи, смотрите», и самъ принесъ горшокъ со сметаной изъ чулана и поставилъ его на столъ,—хозяева такъ и ахнули отъ изумленія: «сколько, говорятъ они, на свѣтѣ жили, а до сихъ порь вѣдь такъ устроить—и въ голову не приходило». Напоили накормили Маччи и дали еще ему 5 руб. за выучку.

Идетъ Маччи дальше и думаетъ дорогой: въ двухъ мѣстахъ нашель глупыхъ людей, а если въ третью еще найду, тогда домой возвращусь и буду кормить мать и сестру... Приходитъ Маччи опять въ деревню; только зашелъ онъ въ деревню, видить, какъ изъ одного дома выскочило на улицу четыре человѣка съ припономъ; разостлали его на солиценекъ, потомъ снова быстро послѣшно схватили его за четыре угла и опять унесли въ избу. Скоро опять выскочили изъ избы, снова разостлали припонъ и обратно въ горопяхъ снесли въ избу и т. д. и т. д. Долго глядѣль на это Маччи и никакъ не могъ понять, что бы это значило: люди съ припономъ бѣгаютъ; по видимому ничего не носятъ, а разстелютъ только на солиценекъ и опять въ избу несутъ; поть на лицахъ ручьями льется.... Глядѣль Маччи и спрашивается у этихъ людей: «Что вы дѣлаете, добрые люди? Я стою и смотрю и никакъ не могу понять, надѣй чѣмъ вы такъ стараетесь»...—Ой, братъ, говорять Маччи четыре человѣка, не мѣшай намъ въ нашей работе... Вотъ выстроили домъ,—домъ хороший, крѣпкій, жить только, въ немъ, такъ вся бѣда въ томъ, что свѣту нѣть; вотъ мы и стараемся въ припонѣ занести свѣтъ въ избу... Но ужъ скоро годъ, какъ трудимся, а до сихъ порь въ избѣ темно, какъ въ могилѣ... «Да зачѣмъ же вамъ такъ свѣтъ въ избу носить? Можно иначе и гораздо легче сдѣлать это»...—А какъ же, спрашиваютъ Маччи?... Если ты знаешь какое другое средство, такъ, пожалуйста, научи, а мы будемъ очень тебѣ благодарны и за то тебѣ деньги заплатимъ. «Да вотъ какъ, говорить Маччи: раздѣль каждому по топору, и самъ взяль топоръ, и давай рубить окна въ избу. Прорубили 5 оконъ въ избу: 3 съ лица и по одному съ боковъ, и въ избѣ стало свѣтло, какъ на улицѣ... Стоять мужики, удивляются и думаютъ: какъ это имъ прежде въ голову не могло прийти такое простое средство освѣтить избу... Напоили, накормили Маччи и въ благодарность дали ему еще 5 рублей денегъ... Взяль Маччи деньги и пошелъ домой... Пришелъ домой и говоритъ матери и сестрѣ: «ваше счастье, нашель въ трехъ мѣстахъ людей глупѣе васъ, ѿште хлѣбъ до самой смерти, буду кормить безъ словечка»...

Н. Лѣсковъ.

Ш у т ь Г р и г о р і й.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Шутъ-Григорій. Не даромъ такое имя дано было ему. Не было ни проѣзду, ни проходу ни конному, ни пѣшему, котораго бы Григорій не обозвалъ какъ-нибудь. И какъ кого прозветь, такая кличка за тѣмъ человѣкомъ навѣтъ и останется; «какъ гвоздями прибѣть», поговаривають обѣ этой способности Григорія сосѣди-мужички. Украсть, обмануть, соблазнить дѣвушку, «опохожать» (т. е. осмотрѣть и стащить потомъ рыбу) чужую ловушку—никто не могъ такъ ловко, какъ это дѣлалъ Григорій. Всѣ знаютъ, что это Григорій сдѣлалъ, его работа,—но уличить никогда не могутъ. Такъ ловко спрячьтъ концы, что самому, «наналайнѣ» не отыскать. Цѣлыми днями иногда Григорій ничего не дѣлалъ: лежить себѣ на теплой печи и придумываетъ—какую-бы ему еще штуку выкинуть. Лежить насиживаетъ, какъ бы тетерокъ приманиваетъ, а жена его ужъ горячіе «ростѣги» (особый видъ пироговъ) масломъ мажетъ да съ поклонами Григорію подносить. А Григорій есть да ухмыляется: умѣть, говорить, нажить, умѣю и есть. Слезеть иной разъ вечеромъ съ печки, напищетъ лучину или сплететъ корзину и опять па цѣлый вечеръ правъ, сидѣть безъ дѣла, разсказываетъ сказки, прибаутки, загадываетъ загадки да семейныхъ смѣшишь. Даже русскіе прѣѣзжали слушать Григорійныхъ сказокъ. Прѣѣхать это съ деньгами, по недѣлѣ сидѣть на подпольницаѣ, рта не смыть открыть, слушаютъ его... А Григорій сидѣть себѣ на печкѣ, ногами шомахиваетъ да языкомъ болтаетъ. Лѣтомъ—ничего дѣлать, такъ Григорій въ лѣсъ сходитъ, бересты надереть, мачики ребятишкамъ дѣлаетъ и цѣлые дни этимъ забавляется; какъ глупенъкій рѣзится, скачетъ, на одной ногѣ прыгаетъ, «кода»—мачикомъ играетъ. Не было у Григорія никакой скотины въ домѣ, только и было у него, что черная, старая кошка да собака Мутти. Разъ вздумалось Григорію идти «пало» (пожогу) пахать. Лошади у него своей не было; вотъ онъ и пошелъ къ попу лошади просить. Батюшка, говорить Григорій, думаю идти «пало» пахать, такъ одолжи пожалуйста лошади и сохи,—возвращу съ благодарностью...—«Да вѣдь ты напакостишь только, Гришка, говорить ему попъ. Я дать дамъ, мнѣ не жалко, отчего не дать человѣку въ нуждѣ, но не будетъ только съ тебя пахаря; какой съ тебя пахарь?... Ты бы шелъ лучше къ русскимъ да языкомъ у нихъ болтать, да денежки за это получать: вѣдь они до этого охотники»...—Нѣть, батюшка, дай ты мнѣ лошадь и сохи; буде что случится съ ними недобroe, тебя самого позову, не полѣнюсь, сбѣгаю... Взялъ Гришка лошадь и цѣлый день возился съ ней, пахаль-царапаль «пало». Вечеромъ ёдеть домой... Прѣѣзжаетъ мимо болота, глядить болото-вязкое, глубокое, взялъ да и заѣхалъ въ него: «а пустъ, говорить, околѣваетъ лошадь, у попа ихъ много». Взялъ потомъ—почти совсѣмъ отрубилъ у лошади голову, только на верхней шейной шкуркѣ оставилъ висѣть, и самъ съ крикомъ и плачемъ побѣжалъ въ деревню къ попу. «Ой, батюшка, несчастье случилось со мной: лошадь твоя завязла въ болотѣ, стоять, золотая, хвостомъ не шевельнетъ, до самаго брюха въ болото ушла...» Попъ съ крахтеньемъ и неудовольствіемъ поднялся и крѣпко выругалъ Григорія: «говорилъ я тогда тебѣ, сатанинская голова (сатананъ шї), что гдѣ тебѣ съ лошадью справляться,—вѣкъ чего въ рукахъ не бывало, за то бы и не брался, а то вотъ теперь изъ-за тебя, дурака, приходится мнѣ самому трудиться...» Пришли попъ и Григорій къ болоту; лошадь, дѣйствительно, какъ говорилъ Григорій, стоять, хвостомъ не шевельнетъ; мертвая, такъ будетъ ли шевелить?...

Какъ же теперь вытащить лошадь? А вотъ что, батюшка, говорить Гришка, я, какъ простой мужикъ, буду пихать лошадь съ хвоста, съ зади: мнѣ простому мужику живѣть; а ты, какъ попъ, будешь тащить съ головы... Поправился такой распорядокъ попу. Накибуль онъ на голову лошади петлю, выбралъ посушѣе мѣсто на кочки, оперся правой ногой о пень и давай тащить лошадь что есть мочи... «Ой, батюшка, говорить Гришка, не тащи такъ сильно лошадь, неравно голова оторвется». Попъ тащелъ, тащилъ.—голова у лошади вдругъ оторвалась, и онъ, какъ снопъ (или—какъ стручекъ), «палг», хлонулся на пень; едва живъ остался, такъ сильно ударился жирной спиной о пень. А Гришка правъ: говорить я тебѣ, батюшка, тише нужно тянуть, не послушался, на себя теперь и пемя: голову у лошади оторвалъ и спину себѣ досадилъ... А самъ въ это время отвернется въ сторону и смѣется надъ простоватымъ попомъ...

Случилось также Григорю весной ходить въ лѣсъ на тетѣрь. Ходить Григорій по «корбѣ» (густой лѣсъ) со своей Мутти, ходить посвистываетъ, не столько тетѣрь стрѣляетъ, сколько пѣсень поетъ. Пришло время обѣденное, солнышко высоко надъ лѣсомъ поднялось, и стала Гришка обѣдъ варить. Развелъ огонь, положилъ рыбчика въ горшокъ, налилъ его водой и поставилъ на огонь кипятиться... Ужъ булькаетъ, кипитъ, паръ съ горшка столбомъ валить,—слышитъ вдругъ Григорій, что идутъ къ нему на простку какие-то люди, топорами звѣнять, ружьями щоцкаиваютъ—должно быть разбойники. Гришка скорѣхонько затопталъ огонь, нарылъ на него сиѣгу, а горшочекъ поставилъ на растаявшую кочку, самъ стоитъ и надъ горшкомъ палочкой помахиваетъ, а горшокъ свое дѣло дѣлаетъ—пары пускаетъ, пріятныи запахомъ носъ щекочеть. Подходить разбойники. «Что ты, Гришка, дѣлаешь? спрашиваютъ они; зачѣмъ палочкой надъ горшкомъ помахиваешь?—А посмотрите, говорить Гришка, подойдите поближе, поглядите, что съ горшкомъ дѣлается... Смотрятъ разбойники и удивляются,—горшокъ на головѣ кочки стоять, а рыбчикъ въ немъ ужъ совсѣмъ готовъ,—сварился.

«Продай, говорить Гришка разбойники, продай намъ этотъ горшокъ. Намъ онъ очень бы годился: на промыслѣ иной разъ вздохнуть некогда, столько работы бываетъ, гдѣ ужъ тутъ бабынъ дѣломъ заниматься: оговь разводить да обѣдъ варить; а въ горшокъ твой чего только ни накладъ, все мигомъ безъ огня скипить». — Отчего же, говорить лѣниво Гришка, отчего же и не продать? Продать можно, лишь бы деньги дали хороши. — «А сколько же ты просиши?»—Да ни много, ни мало, а рублей 10. Покопались разбойники у себя на вороту, въ кожанныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорю. А Гришка радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдуль... Проходить недѣля... Гришка начинаетъ побаиваться, что вотъ вотъ разбойники нагрянутъ на его дому и тогдѣ ему плохо придется за обманъ. Думаетъ, что къ такой-то день они непремѣнно придутъ къ нему, и идеть въ этотъ день опять въ лѣсъ на охоту съ неразлучимъ Мутти. Предъ уходомъ въ лѣсъ поймалъ Гришка дѣвъ маленькихъ птичекъ—трясогузки (паске чивчую), совершенно другъ на друга похожихъ. Одну берѣтъ съ собой въ лѣсъ, а другую дома бабѣ оставляетъ; «да смотри, баба, говорить Гришка, чтобы сегодня ты у меня, какъ можно больше, пироговъ напекла: ростеговъ, сканцевъ съ кашей, чупуковъ, кекачей, колобовъ..., сегодня у насъ гости будутъ, да, смотри, не забудь, приготовь все, какъ слѣдуетъ, по хорошему, иначе я у тебя живой шкуру сдеру». Попшелъ Гришка въ лѣсъ. Опять, какъ и въ первый разъ, ходить по корбѣ, посвистываетъ, не столько тетѣрь стрѣляетъ, сколько пѣсни распѣваетъ. Поднялось солнышко высоко надъ лѣсомъ, наступило время обѣденное, слышитъ Гришка, что какие-то люди къ нему на простку подходятъ, топорами звѣнять, ружьями щоцкаиваютъ.—Разбойники, думаетъ Гришка, а у самого «брюху отъ страху ниже ножныхъ нальцевъ упало» (корельское выраженіе для обозначенія страха). «Ну да раньше времени бояться нечего; посмотримъ, кто кого обидитъ»; встряхнуль волосами, стоять и поджидаетъ гостей.—А, вотъ самъ Гришка, говорить разбойники, завидѣвъ Григоря. Ты что, братъ, обманулъ нась, деньги взялъ сполна, а горшокъ даль нигдѣ негодащійся. Мы палочкой надъ нимъ махали, махали, а щѣй себѣ однако не сварили.—Вотъ за это тебя слѣдуетъ убить. «За что убить? говорить въ отвѣтъ Гришка;

не я въ томъ виноватъ, что у васъ горшокъ безъ огня не кипитъ; нужно было вами слова нѣкоторыя выучить, безъ которыхъ ничего не будетъ, хоть годъ палочкой комахай... Не вѣрите мнѣ? Вотъ у меня въ рукахъ птичка — трясогузка, самая обыкновенная птичка, а стоять только пошептать ей въ ухо нѣсколько словъ, и она, какъ стрѣла, прямо полетитъ къ моей бабѣ и передастъ вѣсть, чтобы обѣдъ для гостей хорошихъ готовила: чупуки и растеги с trapala, блины пекла, кофей варила...» — Ужели, Гришка, у тебя птичка такая есть? Пожалуйста, сдѣлай такую милость, отиравь ей къ бабѣ, пусть она обѣдъ готовить, и мы бы у неї встали поѣли... «Отчего же, говорить лѣниво Григорій, можно...» Взялъ птичку, пошепталь ей въ ухо и пустилъ ее въ лѣсъ на всѣ четыре стороны... Птичка быстро вспорхнула и скоро скрылась изъ глазъ разбойниковъ. Идуть разбойники въ домъ Гришкинъ, а сами сомнѣваются: — «Ужели, говорить между собой, птичка-то и вправду къ бабѣ слѣдѣла и приказъ отдала — обѣдъ готовить». Приходять, наконецъ, въ домъ — и что же? Птичка на окнѣ по стекламъ порхаетъ, а у бабы уже пироги масломъ намазаны, обѣдъ готовъ, кофей сваренъ, послѣдній «чупукъ» съ кашей свѣртывается.

Сѣли разбойники за столъ, ёдятъ, пьютъ, ёду похваливаютъ, но больше и больше птичкѣ удивляются. — Ну, и птичка у тебя, Гришка; не птичка, а кладъ, продай ты ей намъ; она намъ очень бы погодилась; въ другой разъ далеко въ лѣсу бродишь, придешь домой холодный, голодный, а у бабѣ ничего, оказывается, не приготовлено; а будь такая птичка, какъ у тебя, взялъ бы да заблаговременно и послалъ ей, и вѣдѣль бы передать бабамъ, — чтобы обѣдъ скорѣй готовили, и было бы очень удобно. Продай намъ, Гришка, её... — «Отчего же, говорить лѣниво Гришка, и не продать; продать можно, лишь бы деньги дали хорошія!...» — А сколько же ты просишь? — «Да ни много, ни мало, а рублей 10». Покопались разбойники у себя на вороту въ кожанныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка имъ замѣсто птичку дала, и самъ радъ, что деньги получиль и разбойниковъ обдуль.

Проходитъ недѣля, другая... вдругъ въ одинъ день нагрянули разбойники въ Гришкинъ доіть, связали Гришку по рукамъ и ногамъ и говорять ему: «ну, теперь мошенникъ, не уйдешь отъ нась; полно тебѣ обманывать нась, какъ маленькихъ дѣтей; будешь тебѣ — п деньги выманивать; пришло время свести съ тобой счеты...» Взяли связанного Гришку, посадили въ куль, куль зашили, бросили его на возъ и повезли на ледъ озера. Привезли на средину озера, и всѣ общими голосомъ порѣшили утопить Гришку... Но, какъ на грѣхъ, ни у кого не оказалось съ собой пешии («пуразъ»), чтобы сдѣлать прорубь. Подумали разбойники, потолковали и отправились всѣ домой за пешией, а Гришку, зашитаго въ куль, оставили тутъ же, на озерѣ, не уѣхѣть, моль, а возить его зря взадъ и впередъ не стоять. Сидѣть Гришка въ куль и думаетъ: «насталь, должно быть, мой конецъ, теперь ужъ никакъ не вывернешься, приходится, вѣрно, умирать; ну, пожилъ и — довольно...» Слышишь вдругъ какъ-будто вдали колокольчикъ ямщицкій зазвенѣль. — Должно быть баринъ какой-нибудь проѣзжій ёдетъ... Гришка сейчасъ же на хитрость пустился; сидѣть въ куль и такъ жалобно стонеть: «хотять въ посы ставить, а грамотѣ не умѣю; хотять въ посы ставить, а между тѣмъ грамотѣ не знаю...» Подѣхалъ проѣзжій баринъ поближе, замѣтилъ куль, прислушался: — кто-то стонеть: «Хотять въ посы ставить, а грамотѣ не умѣю»; вѣдѣль баринъ ямщику остановиться, распоротъ куль и вывелъ на свѣтъ Божій Гришку. «Какимъ образомъ попалъ ты въ куль?» спрашивается баринъ Гришку. — Да вотъ, добрый человѣкъ, говорить Шутъ, хотѣли меня попомъ сдѣлать, а я грамотѣ не знаю и не хочу идти въ посы, такъ меня, чтобы хотя насилино въ посы поставить, взяли и зашили въ куль... Выслушалъ баринъ Гришку, и самому ему захотѣлось сдѣлаться попомъ: «Если ты не идешь въ посы, говорить онъ Гришкѣ, такъ пусти меня, я грамотѣ умѣю...» — Отчего же, лѣниво отвѣчаетъ Гришка, можно; только тебѣ, баринъ, слѣдуетъ въ мою одежду нарядиться, и въ куль сѣсть. Баринъ безъ словечка согласился: снялъ съ себя енотовый тулупъ, черные сапоги, одѣлся въ Гришкинъ каftанъ и засѣлъ въ куль, а Гришка зашилъ его. Потомъ Гришка одѣлся въ барское платье, засѣлъ въ

барских сани, свистнуль и поѣхалъ... А между тѣмъ баринъ сидѣть въ ку碌 и твердѣть: хотѣть въ попы ставить, и я гранотѣ вѣю. Пришли разбойники, привнесли пешию, сдѣлали ею прорубь и спустили туда ку碌 съ бариномъ. «Ну, теперь не выскочитъ ттуда, говорятъ разбойники, смотри только пузырьки встаютъ на поверхности. Хотѣли уже уходить домой—глядѣть—на встрѣчу ишь Гришка ёдетъ. Сидѣть въ саняхъ, развалился, какъ баринъ, въ снотовомъ тулу碌, въ черныхъ сапогахъ, и подъ другой колокольчикѣ звенитъ. Разбойники какъ увидѣли, такъ и ахнули; сняли шапки, поклонились Гришкѣ и спрашиваютъ у него: «Сдѣлай милость, скажи какимъ образомъ ты живъ остался и лошадей гдѣ нажилъ, вѣдь сейчасъ только мы утопили гебя въ озерѣ...»—Эхъ, братцы, говорить ишь Гришка, вы хотѣли мнѣ зло сдѣлать, ань оказалось, что вы мнѣ добро сдѣлали; опустился я это на дно озера, а тамъ, братцы, каждому, кто съ этого свѣта туда спустится, лошадей дають, сани и хорошую одежду; каждому, кто бы ни пришелъ туда...

«Ой, Гришенька, спусти насть въ прорубь, стали просить разбойники, спусти въсъ подъ ледь, мы тебѣ благодаримъ...» Отчего же, говорить язвиво Гришка, можно... Прыгайте сами въ прорубь, а тамъ на днѣ увидите и повѣрите, что я вамъ правду говориль.

Стали прыгать разбойники въ прорубь, и послѣ нихъ только пузырьки встаютъ на поверхности. Прыгнула одна, прыгнула другая, а остальные ждутъ своихъ товарищѣй, стоять около проруби... «Что же, говорятъ Гришкѣ разбойники, наши товарищи такъ долго не возвращаются, пора бы, кажется, прийти имъ обратно...»—Ахъ, братцы, отвѣчалъ Гришка, они, не какъ я, выбираютъ лучшихъ лошадей и покрасивѣе сани... Я такъ пряно: хватить, что было поближе да поскорѣе вонъ, а они видишь не такъ: выбираютъ какъ бы все получше... «Такъ пожалуйста, Гриша, спусти насть поскорѣе подъ ледь...»—Прыгайте всѣ скорѣе да по очереди, чтобы не препятствовать другъ другу. И всѣ разбойники другъ за дружкою поскакали въ озеро... А Шутъ-Григорій радъ, что живъ остался и отъ разбойниковъ навсегда отвязался.

Пастухъ и дьяволъ.

Въ однѣй деревнѣ жилъ былъ молодой пастухъ, по имени Пекко. Пасъ коровъ Пекко хорошо: на ночь въ лѣсу не оставлялъ, утромъ, на пастбище рано прогонялъ и пасъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ росла трава до поясу (по поясъ). Хвалять Пекко бабы, не нахваляются... Вотъ однажды, когда Пекко былъ со стадомъ далеко въ лѣсу, приходитъ къ нему дьяволъ (паналяйнѣ) и говорить ему: давай Пекко—помѣряемся силой...—Отчего же, отвѣчаетъ ему Пекко, помѣряться можно, я не прочь; вотъ возьмемъ каждый по камню изъ «кивишали» (груда камней, собранная на полѣ), и кто можетъ такъ зажать его сильно въ рукѣ, что изъ него потечетъ вода, тотъ будетъ сильнѣе... Дьяволъ со смѣхомъ взглянуль на молодаго пастуха, осѣдѣвшагося такъ дерзко говорить съ нимъ, взялъ камень и крѣпко сжалъ его въ своей рукѣ. Камень хрустнулъ и разсыпался мелкимъ пескомъ. «Ну, нѣть, братъ, говорить ему Пекко, это еще не сила, у тебя вода не течетъ изъ камня, а вотъ погляди-ка, какъ я буду дѣйствовать...» Предъ приходомъ дьявола Пекко—только что испекъ на огнѣ нѣсколько рѣпинъ—«пачай» и спряталъ ихъ между камнями въ «кившаллю», Теперь онъ вытащилъ одну изъ нихъ, сжалъ въ рукѣ, и изъ «пачай» потекла вода. «Смотри-ка, братъ, говорить дьяволу, у меня изъ камня вода течетъ». Дьяволъ удивился силѣ Пекко и сталъ просить его, что бы онъ сдѣлался его работникомъ. «Отчего же? можно».. говорить Пекко, направилъ стадо коровъ по дорогѣ къ деревнѣ, а самъ пошелъ съ дьяволомъ—служить ему... Работаетъ Пекко въ домѣ дьявола, ходить съ тоиоромъ по улицѣ, но угламъ избы обухомъ пощелкиваетъ. Вотъ разъ дьяволъ съ Пекко отправились въ лѣсъ дрова рубить. Срубилъ дьяволъ громаднѣйшую ель и, не обсѣкай вѣтвей, хочетъ тащить ее домой... Видѣть Пекко, что дѣло плохо, и если не схитрить, то, пожалуй, еще издохнешь подъ тяжестью дерева... «Я, говорить онъ дьяволу, такъ какъ буду сильнѣе тебя, то понесу «комаль», а ты иди въ переди неси дерево за верхушку, по твоимъ силамъ и этого достаточно»... Взваливъ вѣтвистую верхушку на плечи, дьяволъ тащить, крахтить, а Пекко сидить на комлѣ и пѣсни поеть... «Да смотри ты у меня, покривкаешь онъ на дьявола, если будешь останавливаться да оборачиваться назадъ, такъ-таки между лопатокъ тоиоромъ и щелкну». Идетъ дьяволъ, крахтить подъ тяжелой ношой, а остановиться и обернуться ни разу не смѣеть: боится, что тоиоромъ отъ работника дстанется. Приходитъ дьяволъ домой и разсказываетъ женѣ: «ну, и работникъ же наимъ попался, жена; силища такая, что и сказать нельзя... Сегодня я въ лѣсу парочно срубилъ самую большую ель и, не обрубая вѣтвей, понесъ. Пекко самъ выпросился «комель нести, а миѣ верхушку даль. Я едва несъ, охахъ, ноги подламываются, а онъ легонько такъ несетъ, пѣсни поеть да на меня покривкаетъ: если хоть разъ-моль оглянешься, такъ-таки тоиоромъ и свистну между лопатокъ. Что теперь наимъ дѣлать съ такимъ сиаечемъ?—Убить его слѣдуетъ, совѣтуетъ дьяволу жена, иначе никакъ отъ него не отважишься. Какъ пойдеть онъ спать въ сарай, въ сани, говорить она мужу, уснеть тамъ, ты возьми тоиоромъ, поди и щелкни его по головѣ, ужъ навѣрное тогда сдохнетъ. Дьяволъ согласился, и рѣшено было убить Пекко въ первую же ночь. А Пекко между тѣмъ стоялъ въ сѣнахъ за дверью, слышаъ отъ слова до слова весь совѣтъ «паналяйнѣ» съ женой. «Ну, думаетъ онъ, не такъ-то вы скоро отважитесь отъ меня; кто кого еще выживетъ?»

Послѣ ужина, Пекко спокойно, какъ будто ни въ чёмъ не бывало, отправился спать въ сарай. Легъ въ сани и ждеть, что дальше будетъ. Слышитъ, что въ сарай идеть дьяволъ, на пыточкахъ подходитъ къ санямъ и прислушивается—снить ли Пекко или нѣтъ... Пекко же, что есть мочи, захрапѣлъ, показывая видъ, что крѣпко спить. Возвратился дьяволъ изъ сарая и говорить женѣ: давай скорѣй топоръ, работникъ спить крѣпко, настало время сплавить его съ этого свѣту. Снова идеть дьяволъ въ сарай, только тепоръ уже съ топоромъ, намѣреваясь сразу же прикончить съ сильнымъ работникомъ. А Пекко между тѣмъ, пока дьяволъ ходилъ за топоромъ въ избу, вылезъ пзъ саней, и въ сани на мѣсто себя положилъ чурбакъ, обвернулъ его кафтаномъ, а самъ забрался подъ сани и ждеть. Приходитъ дьяволъ вторично въ сарай; подбѣжалъ это къ санямъ и что есть мочи—хватъ по чурбану топоромъ: Ну, жена, теперь ужъ, навѣрное, издохъ; пойдешь, ляжемъ спать, уснемъ спокойно, а завтра закопаемъ Пекко въ болотѣ. На утро Пекко встаетъ, преспокойно идеть въ избу п, къ изумленію своихъ хозяевъ, оказывается живымъ и вполнѣ здоровымъ. «Какъ еще почь эту спаль?» спрашиваетъ дьяволъ у него.—«Да ничего, спаль хорошо, только около полуночи, что-то ушипнуло за лобъ, какъ будто комаръ укусилъ». «Ну, и на работника же мы съ тобой, жена напали», шепчутся—дьяволъ и его жена; «ужъ какъ я обухомъ его треснуль по лбу?! А для него это—все равно, что комаръ укусилъ. Нужно теперь придумать другое средство... Вотъ что мы сдѣляемъ,.. совѣтуетъ дьяволу жена—«Возьмемъ ригачу» (выраженіе, означающее,—стопить «ригачу», насадить ее хлѣбомъ и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдетъ топить печь въ ней, ты поди и подожги «ригачу»; «ригача» сгорить, но и Пекко ужъ тогда не уцѣльется... Такъ совѣтуетъ дьяволу поступить—жна, а, между тѣмъ, Пекко все это за дверями подслушалъ и «на умъ» себѣ взялъ: ну, думаетъ, не такъ-то вы скоро отъ меня отважитесь; кто кого со свѣту сжигнетъ? Какъ задумали дьяволъ съ женой, такъ и сдѣлали: взяли ригачу,—насадили ее полную овса и Пекко посадили на ночь топить въ ней печь... Топить Пекко почь, а самъ на двери поглядываетъ, какъ бы изъ риги по добру по здорову удрать.. Вдругъ въ самую полночь—рига вспыхнула, со всѣхъ четырехъ угловъ загорѣлась. А Пекко уже приготовился бѣжать; схватить охапку соломы, и самъ—драло въ лѣсъ. Проспаль таинство утра, а утромъ, когда пожаръ прекратился, и на мѣстѣ риги осталась только куча золы, прішелъ на пепелище, подоспѣлъ въ сторонѣ соломы подъ бокъ, свернулся калачемъ и уснулъ... «Ну, теперь, навѣрное, ужъ сгорѣлъ, разговариваютъ—дьяволъ съ женой, теперь п косточекъ работника пе отыщешь... Приходить на пожарище и ума не могутъ приложить?! Лежитъ Пекко на соломѣ и громко похрапываетъ... Все—около него сгорѣло, а окъ цѣль остался, и даже самая солома подъ бокомъ не задымилась. Ну, жена, говорить дьяволъ, нашего работника и огонь не жжетъ; вѣрно, придется намъ по добру по здорову бѣжать изъ своего дома, пока мы еще живы, пока работникъ нашъ не задумалъ еще убить насть.. Съ такой силой все можно сдѣлать...—Рѣшились дьявола и жена бѣжать изъ своего дома, задумали скрыться отъ сплата работника Пекко. Накупть хлѣбъ, сушать сухари, приготовляются въ дорогу—бѣжать... А Пекко, слушая за дверью, опять узналъ обо всемъ и думаетъ: «куда-то вы уѣхжите отъ меня? Куда то вы скроетесь отъ своего работника?» Напекли насыпали дьяволъ съ женой три цѣлыхъ мѣшка сухарей и уже назначили самый день, когда побѣгутъ: дьяволъ условился взять два мѣшка, а жена его—мѣшокъ. А Пекко, между тѣмъ, на канунѣ того дня, въ который условились дьяволъ и жена его бѣжать, высыпалъ изъ одного мѣшка сухари, убралъ ихъ подальше, и самъ забрался въ мѣшокъ и сидѣть молча, не жуинтъ... Наступилъ, наконецъ, самый день побѣга... Дьяволъ, ничего не подозрѣвавъ, взвалилъ на плечи два мѣшка, въ одномъ изъ которыхъ сидѣлъ Пекко, а жена осталась—третій. Идуть спѣшать, подъ тяжестью мѣшковъ крахтѣть; прошли довольно большое разстояніе и задумали позавтракать: «теперь ужъ работягъ не догонитъ насть, если и захочѣтъ бѣжать за нами... Сняли съ плечъ мѣшки и только что начали сухари грызть, вдругъ Пекко и закричали изъ мѣшка: подождите немножечко, и я съ вами позавтракаю...—«Ой, жена,

говорить дьяволь, слышишь?.. Кричать, догоняеть насть, и ужъ близко должно быть... Побѣжнишь еще дальше?.. Снова схватили мужъ и жена мѣшкы и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, утомились, захотѣли ѿсть и рѣшились остановиться и отдохнуть. Опять сняли съ пласть мѣшкы, усѣлись, ужъ только бы сухари взять въ руки да грызть, вдругъ—слышать голосъ работника: Подождите немножечко, вмѣстѣ пообѣдаемъ; я сейчасъ буду съ вами...—«Жена, слышишь? Говорить дьяволь, Пекко кричать, догоняеть насть и ужъ близко должно быть... Побѣжнишь еще дальше, азъ скроемся»... Снова схватили дьяволь и жена мѣшкы и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, высунули языки, и отъ утомлениія оба сразу пали на землю и издохли... А Пекко выбрался изъ мѣшка, забралъ изъ дьявольского дона все, что поцѣнишъ, и пришелъ въ свою деревню, и снова стала жить по прежнему—пасты стадо коровъ. Такъ пастухъ избавилъ людей отъ «паналяйи».

Сообщилъ и перевелъ съ корельского языка:

Н. Лысковъ.

Приложение къ Отчету А. Л. Погодина о поездкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. ¹⁾.

I.

Шилы Жорансаго прихода Тельшевскаго уѣзда.

I. ²⁾. Сказка о трехъ дуракахъ.

Bo(u)va ³⁾trys durnej, turéje anej gyvene(i)mo(u)ka; tap anej tarp sava pradéje kalbeti: «kun mes če varksma tame gyvene(i)me? mes geriau ejkiam pardavę vandravote(i) i svęta; pe(i)ningus pasedalysma i trys dalis ir ejsma i svęta pavajkschiote(i)». Vejns sake: «kad mes išaeksma, kun mes darysma?» Untrasis sake: «mes nu supe(i)rsksma surj ir galesma valgyte(i)»; vo tretensis saka: «vo je kejts bus, kun mes darysma?» Tap tas saka, untrasis saka apent: «aš graušo(u), graušo(u) ir tau douso(u)». Untras saka: «graušo(u), graušo(u), tau douso(u)», vo tretensis saka: «aš graušo(n), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), ir nebe — pasake, kad jums douso(u). Tap to(u)do(u) saka: «tap tu mums ne-b-douse(i), nori sugraušte(i) ve(i)są?» Tap to(u)do(u) jeme anon o(u)žton užmo(u)ša, tap be-pale(i)ka do(u); ejna ano(u)do(u) par me(i)ška ir pamate egle voveri. Tap vejnas saka: «vot če vedo(u)m bus pejta; le(i)pk tu i eglę, sugauk voveri; vo aš ejsio(u) ³⁾ poudelj atse(i)-nešte(i), kame norints benegausio ³⁾

Было три дурака; и мыли они до-
микъ; и начали они разговаривать между
собою такъ: «чего мы здѣсь будемъ пла-
вать въ этомъ домѣ? пойдемте-ка мы
лучше, продавши (его), странствовать по
свѣту; деньги раздѣлимъ на три части
и пойдемъ побродить по свѣту». Одинъ
сказалъ: «когда мы проголодаемся, что
мы сдѣлаемъ?» Второй сказалъ: «ну, мы
купимъ сыръ и сможемъ пойти», а третій
говорить: «а если онъ будетъ твердъ,
что мы будемъ дѣлать?» Такъ сказалъ
этотъ, второй говорить опять: «я по-
грызу, погрызу и тебѣ дамъ». Другой
говорить: «погрызу, погрызу, тебѣ дамъ»;
а третій говорить: «я буду грызть, буду
грызть, буду грызть, буду грызть, буду
грызть, буду грызть, буду грызть, буду
грызть», и не сказалъ, что вамъ дамъ.
Тутъ тѣ два говорить: «такъ ты намъ
уже не дашь, хочешь весь сгрызть?»
Взяли его и убили за это, и такъ остал-
лись (только) вдвоемъ; идуть они черезъ
лѣсъ и увидѣли на елкѣ бѣлку. Тутъ
одинъ говорить: «вотъ, тутъ будетъ намъ
и обѣдъ; ты лѣзь на елку, побойся бѣл-
ку, а я пойду привести горшочекъ, не
добуду-ли гдѣ-нибудь взаймы?» И добылъ
онъ у одного человѣка, а оставшійся

¹⁾ См. «Живая Старина». 1894. Вып. I. стр. 114—119.

²⁾ Въ первыхъ двухъ сказкахъ за диалектическимъ произношениемъ і и ѿ возста-
новлено ихъ грамматическое значение.

³⁾ Въ родѣ русскаго ё: эйсё бенглусё.

pažičiote(i); ir gava nu vejna žmogaus; vo pale(i)kusis gaudē voverj ir le(i)pa į eglę gaudite(i) voverej. Tap ta voveris iš tos eglis iššoka į ke(i)-tą eglį. Tap ons saka sau: «kad tu tokia maža gale(i) šokte(i) į ontrą eglį, juk ir aš galio(u) šokte(i) į ontrą eglį». Kap ons šoka į ontrą eglį ir nukre(i)ta unt žemes ir prise(i)-mo(u)ša, g(u)ol vos gyvas. Tas ateina su poudo(u), saka anam: «sugavá voverj, prise(i)jede ir guli». Tap su poudo to(u)jaus davé į gałvą anam ir bepale(i)ka vejns.

ловилъ бѣлку, и влѣзъ на елку поймать бѣлку. Тутъ эта бѣлка скакнула съ этой елки на другую. А тутъ сказать себѣ такъ: «когда ты такая, маленькая, можешь прыгать на другую елку, такъ значитъ и я могу прыгнуть на другую елку». Какъ прыгнулъ онъ на другую елку, и упалъ на землю и убился, лежитъ еле живой. А тутъ приходить съ горшкомъ, говорить ему: «ты поймалъ бѣлку, наѣлся и лежишь». И тотчасъ же даль ему по головѣ горшкомъ, и такъ остался одинъ

2. Lajmingas strelčius.

Vejns žmogus de(i)de(i)lij ukatą turėje vakščiote(i) unt medžiokles ir ronds nėka ne liub nušaute(i), ne turėje lajmes, ke(i)te(i) draugaj liub nušaute(i), vo ons nėkumet neko nelieb nušaute; vejna kartą mislej sau: «norintis dušę velniuij pardoučio, bi tejk nušaučio, ar šokj, ar tokj paukštj»; to(u)jaus ir velns atse(i)rada: «nu», sak: «atedouk mon dušę, aš tau doušio lajmę», ir ons suserokava ont ištejs metu, ir po tus visus metus, kur nušaudis, į vejna pakajo(u)ką to(u)r dete(i) plunksnas ir skuras, ir kap pe(i)lną prides pakajo(u)ką, to(u) kart bengas lajme ir tures atedoute dušę; tep ons ejn vakare pro staldus ir ons atsedukseje dedele, vo motriška karves melža tuse stalduse; tep ana išge(i)rdusi ano duksavima išeje ir klause ano: «ponati», saka, «kas yra Tamsta, kad tap duksauj?» «Nu», sak, «kad aš ir pasakysio, juk munj ne išgelbės iš tos nelajmas». Ana saka: «išgelbesio, tik pasakyk mon, kas yra?» Tap ons saka: «ryto par dvyle(i)ka, velne mona dušę paims»; tap ana saka ponaičiuj: «ar to(u)ri smałas? plunksną visokiu paukščiu ar to(u)ri?» Ons saka: «to(u)ro(u) ve(i)sako.» Tap ana įlinda į smałą, susesmaleje dedele ir potam išsevolaja po visokiu paukščiu plunksnas ir išeje į tyra ir sedos ir ons šaude pauk-

Счастливый охотникъ.

Одинъ человѣкъ имѣлъ большую страсть ходить на охоту, но никогда, кажется, ничего не застрѣливать, не имѣть счастія; другие товарищи, обыкновенно, застрѣлять, онъ же никогда ничего не застрѣливать; однажды думаетъ онъ себѣ: «хоть душу черту продалъ бы, только бы застрѣлить ту-ли, другую-ли птицу». Сейчасъ-же нашелся и черть: «ну», говоритъ, «отдай мнѣ душу, я тебѣ дамъ счастія». И онъ уговорился на годы, сколько будетъ нужно, и въ продолженіе всѣхъ лѣтъ отъ всего, что онъ застрѣлить, перья и шкуры онъ долженъ складывать въ одну комбатку, и, когда онъ наложитъ полную комбату, сейчасъ же оканчивается его счастіе и онъ долженъ будетъ отдать душу. Вотъ идетъ онъ вечеромъ мимо скотного двора и сильно вздыхаетъ, а женщина допла коровъ въ этомъ стойлѣ; вотъ она, услышавши его вздохи, вышла и спросила его: «паничъ», говоритъ: «что съ Вами случилось, что вы такъ вздыхаете?» «Ну», говоритъ онъ: «если я и скажу, все-же ты меня не выручишь изъ этой бѣды». Она говоритъ: «выручу, только скажи мнѣ, что такое?» Вотъ онъ говоритъ: «завтра послѣ двѣнадцати черти возьмутъ мою душу». Вотъ она говоритъ паничу: «есть-ли у тебя смола и перья всакихъ птицъ?...

ščius visokius lig dvyle(i)kas dejnos išsande visus paukščius, kurius bova velne atvaren; tap ons velnas saka: «ne béra paukščiu; jau rek tava dušę jimti». «Ne», sak, «ne jimste dar mona dušes; dar vejną paukštę to(u)-re(i)t atvaryte; tap anej varė vėsokias spasabas; tas paukštis ne ko(u)-še(i)nas ejte; velne vėsokias spasabas bajda; steš steš, pasestejbdamės begio aplinkou to paukščio, vo ons ne jo(u)de(i)nas; séd ir séd; potam jis su trubeliu sutrubej, kad paukštis to(u)-jaus pradeji ejte unt truba baša; kap ons prijaje pri strelčiaus, tap strelčius to(u)jau šava į ton paukštę; tas vejną karta šava, dar ne kre(i)ta paukštis, ir ontra kartą to(u)jaus šava, to(u)jau paukštis pavirta; velne pribegen už kojas nutvere ir kelno ton paukštę: «och, och, kas tas persmago(u)ms to paukšte»; prišekese vejzeje: «ach, kakias ta ronas padėje dve».

3. Var. J. 9, 706, 838. Geitler. Lit. Stud. 113. Bezzenger. Lit. Forsch., s. 179.

Na paimtas dėva cudas,
Ane žmoniun bologas budas.
Nekur nera tos asabas,
Katra visims pase(i)dabas,
Kožnam douda ketą vardą;
Par ton žmoniun šlovę arda;
Kap dabarčiu, tap visadas
Svēts ne pamet sava madas;
Svēts, kap lape, mok privelte;
Vo privilęs grejža elte;
Ant pabažne pŕštas roda,
Styra mešteis jam ne douda;
Nors konegas dejva tarnas.
Nu apkaļbu nera valnas;
Kursaj prastas, ne mokintas,
Tas nu žmoniun panekintas;
Kas razumnas, tasaj durnas,
Vis apsudej žmoniun burnas.
Kratas redas, tasaj pliuškis;
Kas ne redas, tasaj suskis;
Ne rustybe, ne pakara
Žmoniun burnas ne uždara;
Kratas gera, tas gertuklis,
Kas ne gera, tas šeštuklis;

Не понятное Божье чудо,
Не понятенъ дурной человѣческій нравъ:
Нигдѣ вѣтъ такого человѣка,
Который нравился бы всѣмъ,
Каждому даютъ другое имя,
А этимъ портятъ славу людей;
Какъ теперь—такъ и всегда
Свѣтъ не бросаетъ своей моды;
Свѣтъ, какъ лиса, можетъ привлечь,
А привлекши скрежещеть зубами;
На набожнаго показываютъ пальцами,
Не даютъ ему чисто молиться;
Хоть священникъ и слуга Божій,
Отъ наговоровъ не свободенъ и онъ;
Кто простъ, не учень,
Тотъ людьми унижается;
Кто разуменъ, тотъ золъ,
Все обсуждаютъ человѣческія рѣчи (уста);
Кто наряжается, тотъ сумасшедший,
Кто не наряжается, тотъ ништъ;
Ни грубость, ни покорность
Не закрываютъ усть человѣческихъ;
Кто пьетъ, тотъ пьяница,
Кто не пьетъ, тотъ скунецъ;

Katras turtu tor daugybe,
Saka: ne jo ta gerybe;
Błogas busi, kad kałbesi,
Vo ne tekci, kad tylesi.
Kad tau svētas užmés tinklą
Imk kontrybę sau užginklą.
Kur tu, žmogau, pasidési,
Kad kontrybes ne turési;
Buk tu, Déve, tévu mona,
Taves vejna bus mon gana.

Кто имѣть много богатствъ,
Говорить: не его это добро;
Будешь дурень, коли будешь разговаривать,
Но не получишь, если будешь молчать
Если свѣтъ закинетъ на тебя сѣть,
Своей защитой возьми терпѣніе.
Куда ты, человѣкъ, дѣмешься,
Если не будешь имѣть терпѣнія?
Будь ты, Боже, моимъ отцемъ,
Тебя одного будеть мнѣ довольно.

4. Var, L. B. L. 76, 1.

4. 1. Dajnoukit, mergiales,
Kon ne dajnoujat?
Ko vejzet į munj
Rupesninga?
2. Aš toro širdele
Rupesnejj,
Rutelu daržely
Iškadele.
3. Rutelias ne sétas,
Ne ravétas,
Ne pintas vajnekas
Ir ne devétas.
4. Na sésio ruteliu
Ir ne ravélio,
Nepinsio vajneka
Ir ne devélio.
5. Pasésio linelius,
Tus ravésiu,
Išausio drobelo,
Ton aš devésiu.
6. Bakst mona drobele
Nu raseliu,
Vo mona rankeles
Nu ašareliu.

1. Пойте, девушки!
Почему вы не поете?
Для чего вы смотрите на меня
Озабоченную?
2. У меня въ сердечкѣ есть
Заботушка;
Въ рутою садицѣ
Изъять.
3. Рута не сѣяна,
Не полота,
Вѣнокъ не сантъ
И не нацѣванъ.
4. Не буду я сѣять руту
И полоть не буду,
Не буду вить вѣнка
И носить не буду.
5. Постю я ленъ,
Его полоть я буду,
Натку полотень,
Ихъ носить я буду.
6. Вѣлится мое полотно
Отъ росы,
А мои ручки
Отъ слезъ.

5. Var. Жив. Стар. 1893 г., IV вып., стр. 527.

1. Išleidau zili pro longą,
Pats atsisedęs dumojau;
Fodri, fodrá, fodrá la la ¹),
Pats atsisedęs dumojau.
2. Kur lejsio berą žirgelj,
Kur pats ejsio nakoute;

1. Я выпустилъ синичку чрезъ оконшко
Самъ думаль, сѣвши;
Фодри, фодра, фодра ла ла,
Самъ сѣвши думаль:
2. Куда пущу я бураго конечка,
Куда пойду самъ ночевать;

¹) См. припѣвъ L. B. L. 120 faledridi faledra. Этотъ же припѣвъ я слышалъ въ этомъ году (1894 г.) въ одной латышской пѣснѣ. Если я не ошибаюсь, онъ служитъ признакомъ немецкаго происхождения мотива.

- Fodři, fodrá, fodrá la la,
Kur pats ejsio nakoute.
3. Išlejsio žirgą į lonką,
Pats ejsio pri jaunu mergiuu и
т. д.
4. Mergiale mona, jaunoje(i),
Ar ne gali, Tamst, prijimte? и
т. д.
5. Berneli mona jaunasis,
Aš Tamst(as) negalio prijimte; и
т. д.
6. Toro durales girkždantes,
Sverna raktelius skombončius;
и т. д.
7. Mergiale mona, jaunoje(i),
Aš Tamstą jimsio mokite; и т. д.
8. Kap riak durales daryte,
Sverna raktelius valdyte; и т. д.
9. Pakiałk duriales nab—girkždęs,
Suspausk raktelius na b-skum-
bęs?...
10. Berneli mona jaunasis,
Mokyk tu sava žirgelj; и. т. д.
11. Kap keliu begte, rysnote,
Vandenj gerte, slinrpsnote; и. т. д.
12. Vandenj gerte, sliurpsnote,
Aviž(e)l̄jeste, rupsnote; и. т. д.
6. Čion susirinka turtinas panas;
Anasterp saves kaļb rožnas kaļ-
bas;
Už paselninką ejt ne norėje,
Už gaspadorių kožna ketėje.
Vo kap pasena, paselninks ne b-
jam:
Kondel ne eje, kad jauna bova?
Panele saka: pasoga yra.
Kas ta pasoga, kad dontes byra:
Brongis spodničes už nėka yra;
Kad per senomą dontes išbyra;
Perla, karolia kakla nntraukė,
Kad per senomą kaktą suraukė,
Iau į parėdką vazioute gana,
Bet jau tu esi marcava pana...
Telšiun povėte daug tokiuu yra,
Kad perse nomą neb-gava vyra;
Vokatras girdat, prašom perikte!
Bet ta dajniuška tejsybe štyra.
- Фодри, фодра, фодра ла ла,
Куда пойду санъ вочевать?
3. Коня пущу въ поле,
Санъ пойду ночевать въ юнымъ
дѣнинамъ. и т. д.
4. Дѣвица моя юная,
Не примете-ли Вы меня? и т. д.
5. Молодецъ мой юный,
Я не могу Васъ принять; и т. д.
6. У насъ двери скринчія,
Ключи отъ свирин звенящіе; и т. д.
7. Дѣвица моя юная,
Я примусъ Васъ учить; и т. д.
8. Какъ нужно двери отворять,
Овладѣть ключами отъ свирин
и т. д.
9. Подними двери, ве заскригѣши,
Сданы влючики, не зазвенѣши;
и т. д.
10. Молодецъ мой юный,
Учи ты своего конька; и т. д.
11. Какъ бѣжать по дорогѣ, рыснть,
Какъ воду пить, тануть; и т. д.
12. Воду пить, тануть,
Овесъ ёсть, грызть; и т. д.
- Здѣсь собрались богатыя паны;
Онѣ между собою ведутъ разные
разговоры;
За поселянина идти не хотѣли;
За хозяина каждая желала.
А какъ состарѣлись, поселянинь
ужъ ве береть:
Почему ты не шла, когда молодыбыла?
Паниочка гонорить: приданое есть.
Что тутъ приданое, коли зубы
сыпятся.
- Дорогія платья ничего не значать,
Если отъ старости зубы сыпятся.
Шерлы, коралы шею оттаянули,
А отъ старости лобъ стянуло;
Уже на свадьбу ёздить довольно,
Уже ты старая панна.
Въ Тельшевскомъ уѣздѣ много есть
такихъ,
Что отъ старости не достали мужа.
А вы, которые слышете, пожалуйста,
не сердитесь!
Пѣсенка же эта чистая правда.

7. Aj, mergiale, kon ne šoki,
Ar ne drejsi, ar ne moki?
Kad ir moko, bet ne šoko.
Skaust kojales per kelelius.

Ай, девушки, почему ты не плашешь?
Боишься ли или не умрешь?
Хоть и умрешь, все ж не плашу:
Болять можки въ коленяхъ.

8. Bap. B. L. B. 97. Lušk. 410

- Vajkščioji meškele pustyne, pustyne,
Tajsé sau patala lužtvyne, lužtvyne.
Toki nesčeste užteka:
Nakty pedas ne užsnéga,
Znoks yra, znoks yra.
- Eje strelčius ryta nedelios, nedelios,
Rades dronsas pedas, dyvujos.
dyvujos.
Taj yra gera gaspadyne,
Kur beteles bečiulava
Petnyčio, petnyčio.
- Panedele ryta žiniomis, žiniomis;
Apstojijosdvarą tylomis, tylomis,
Meška unt patala sedusins ry-
moji,
Aplink strelčių rodą nėka ne
žinoji,
Nėka ne žinoji.
- Atstumisi patala.
Pasekajše šaravara,
Ejn keliu, ejn keliu.
- Išeje meškele
Čese nepokajaus,
Sateko unt keli
Dedelj razbajų,
Dedelj razbajų.
- Veinas šava, ronas dare,
Ontras šava, balsa dare...

(далее записать мнѣ не удалось).

- Бродилъ медвѣдь по пустынѣ, по
пустынѣ,
Устраивалъ себѣ постель въ хво-
ростѣ, въ хворостѣ.
Такое несчастіе случилось:
Ночью слѣдъ не покрылся снѣгомъ,
Знакъ есть, знакъ есть.
- Идѣть охотникъ въ воскресеніе
утромъ,
Встрѣчается ему ясный слѣдъ, ди-
вится онъ.
Вотъ это хорошая хозяйка,
Которая у пчелъ хозяйствача
Въ пятницу, въ пятницу.
- Въ понедѣльникъ угромъ, по усло-
вію,
Окружили ея дворъ потихоньку,
Медвѣдица сидѣла на постели спо-
койно,
О совѣтѣ охотниковъ ничего не
знала,
Ничего не знала.
- Поднялась съ постели,
Натянула шаровары,
Идѣть путемъ-дорогой.
- Вышла медвѣдица
Во время неспокойное,
Встрѣтила на пути
Большой разбой,
Большой разбой.
- Однѣ стрѣльнуль, разы сдѣлаль,
Другой стрѣльнуль, она крикнула.

Эта пѣсня, какъ мыѣ сказали въ Шилахъ сами пѣвцы, взята изъ Połangos Luze Волончев-
скаго, вообще очень распространенной въ Литвѣ книжки. Варианты къ этой пѣсни (съ раз-
ными припѣвами): Połangos luze стр. 10 (другой говорь, припѣвъ тотъ же), Fort.
№ 99, lušk. № 381 (припѣвъ: vepsum dałdum), Kołb. № 51 (припѣвъ: he, he, dzium,
dzium), Brug. 91 (припѣвъ: ehé, dzium, dzium). Отсутствие этой пѣсни въ сборникахъ
пѣсень прусскихъ, литовскихъ и въ сборникахъ раньше 70 года указывается,

кажется, на заимствование этой песни изъ книжки Волончевского, сюда же она попала, вероятно, какъ переводъ русской пѣсеньки: «жиль, былъ у бабушки сѣреный козликъ».

1. Iš ūki vožiokas į rutų daržą,
Oh vej, oh vej, vej, vej į rutų daržą
2. Ej bobote vože varyte и т. д.
3. Ne dors vožiokas, ne nor klaus-
sytė и т. д.
4. Pajeme bobote elgą votaga, и
т. д.
5. Uždrožė vožioką par pat ou-
dega, и т. д.
6. Išbega vožiokas į tyrus laukus,
и т. д.
7. Eje bobote vože iškote, и т. д.
8. Sutinka bobote do viško pelko,
и т. д.
9. Viškele mona, ne matet vožioka
mona?...
10. Tava vožele ragele vejne ..
11. Išejn bobote ragun iškote...
12. Atrada bobote do dedžio rago...
13. Parneši bobote tus dedžius ra-
gus...
14. Iš to ragele paderba didži trubą...
15. Iš to ragele igeje sau graži rubą...
16. Iš ontra ragele arkli posnaga...
17. Ton pasnagą išmajnė molinj
pouda...
18. Išvere bobote sau joudą potra...
19. Suknle bobote ton molinj pouda.
1. Выскочилъ козликъ въ рутовый
садъ,
Охъ вей, охъ вей, вей—въ рутовый
садъ.
2. Идетъ бабушка козлика гнать
и т. д.
3. Не добръ козликъ, не хочетъ слу-
шаться...
4. Взяла бабушка длинный клутъ...
5. Ударила козлика по самому хвосту...
6. Убѣжалъ козликъ въ широкія поля...
7. Идетъ бабушка козлика искать ..
8. Встрѣчаешь бабушка двухъ сѣрыхъ
волковъ...
9. Волки мои, не видѣли козлика
моего ..
10. Отъ твоего козлика одни рожки...
11. Идетъ бабушка рогаискать...
12. Нашла бабушка два большия рога...
13. Принесла бабушка тѣ большия ро-
га...
14. Изъ того рога сдѣлала большую
трубу...
15. Изъ того рога нажила себѣ славное
платье...
16. За другой рогъ добыла себѣ лоша-
диную подкову...
17. Ту подкову выкинула на горшокъ
муки...
18. Сварила бабушка себѣ черной пут-
ры...
19. Разбила бабушка мучной горшокъ...

10. ПОСЛОВИЦЫ.

- 1) Durnas par vesą pilvą.
- 2) Atsarga gėdas ne dara.
- 3) Kon urednikas pagadys, to ir
viskupas ne patajsys.
- 4) Del geros potros bėggs pilvs te
sprokst.
- 5) Dulke preš vejį ne atpusi.

Дуракъ по всему брюху.
Осторожность стыда не дѣлаеть.
Что урядникъ испортить, того и
епископъ не исправить.
Для хорошей пищи хоть лопни дур-
ное брюхо.
Пыли противъ вѣтра не отдуешь.

II. М. Л а у к а з а.

1. Вар. I. 35.

1. 1. *Tajp toli nuduta,*
Tajp toli prazudita, (вм. praza-
deta:?)

Už du šimtu milelu,
Už žalaju gireln.
Arge ana parlektu,
Pas matuši sugrinštu?
2. *Leksiu į gireli*
Pas margą gegeli
Pazičioti sparnelų
Ir rejbusių plunksnelų.
3. *Lekčiu pas tatuši*
Ir lekčiu pas matuši
Ivišnelu sodneli
Po dajmantu longeli;
4. *Tatnji lingučiu,*
Matnji kukučiu,
Kad migele ne miktu,
Migele ne migotu.
5. *Matuši kelnsi,*
Langa praverusi,
Kas tenaj do paukšteli,
Kur po rutu darželi?
6. *Kelketes, sunele,*
Kelketes, janniye;
Užmušket tun pankšteli,
Kur po rutu darželi.
7. *Pałukék, matuši,*
Pałukék, senoji,
Be ne musu sesele,
Be ne musu jaunoji?
8. *Ar tad gali buti?*
Tajp toli nuduta,
Toli prazudyta;
Arga ena parejtu,
Pas matuši sugrinštu.

1. Такъ далеко отданная,
Такъ далеко погубленная (объщан-
ная?),

За двѣ сотни миль,
За зеленые лѣса.
Неужто она прилетѣла бы,
Къ матушкѣ возвратилась бы?
2. Полечу въ лѣсокъ
Къ пестрой кукушкѣ
Взять въ займы крыльевъ
И рыбыхъ перышекъ.
3. Полечу къ батюшкѣ
И полечу къ матушкѣ
Въ вишневый садикъ
Подъ алмазное окошечко.
4. Я кликала бы для батюшкѣ,
Куковала бы для матушки,
Чтобы сномъ не спали,
Сномъ не спали.
5. Матушка поднялась,
Окошко открыла.
Что тамъ еще за пташка,
Что въ рутовомъ садикѣ.
6. Вставайте, сыночки,
Вставайте, молодые,
Убейте эту пташку,
Что въ рутовомъ садикѣ.
7. Подожди, матушка,
Подожди, старая,
То не наша-ли сестрица,
То не наша-ли молодая?
8. Можетъ ли это быть:
Такъ далеко отдана,
Такъ далеко погублена.
Неужели она пришла бы,
Къ матушкѣ вернулась бы?

2. Var. Isvd. 93, Isvd. 53. I. 1012. Br. L. Br. 21, 8, 1. Bez. 59. Lesk. 69.

1. *Marge dvara, marge dvara,*
Dejmonta langelej.
Anga sodne žale kapa
Raudonas ugelis.
2. *Ten¹) vakščioja, užavoja*

1. *Пестрые дворы, пестрые дворы,*
Алмазные окошечки.
Растуть въ саду зеленые листья,
Красные ягодки.
2. *Тамъ бродила, гуляла*

¹⁾ Собственно, это не *en*, а *n sonans*.

Jaunoji panele
Po žalijj sodinelj,
Po rūtū darželj.
3. Aš panele «labā dinā»,
Panele ne žodeli.
Oj panele, oj jaipoji,
Oj ko tajp didžujiš?
4. Roda bučiu Tamstas buti,
Kad matuši lejstu!
Matušeles pažadeta,
Kajp parduta bučiu.

Юная барышня,
По зеленому садику,
По рутовому саду.
3. Я барышни «добрый день»,
Барышня ни словечка.
Ахъ, барышня, ахъ юная,
Чего ты такъ важничашь?
4. Рада была бы Вашею быть,
Кабы матушка пустила;
Матушкой обещанная,
Я была бы, какъ проданная.

3.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсень: варианты ея есть, кажется, въ каждомъ сборнике изъ окрестныхъ мѣстностей: см. Isvd. 326, 327, 328, 339, 345: Bez. 37, 46. Br. 8; около Россіенъ этой пѣсни нѣть.

1. Oj, sakali, sakaleli,
Tu ankšta lakiōji;
Nulekdamas, parlekdamas,
Naujinis nešioji.
2. Ir parneše naujinelj
Smutnā ir ne gera,
Kad ir mona paniulate
Už kitą išejna.
3. Tegul ajna, tesižina,
Tegul Diēvs padedi.
Užkinkiket mon žirgelius
Ir aš pats važiusi.
4. Kad aš sēdan į karētā,
Karēta lingava,
Kad važiavau par vejelj,
Vejeli žaliaava.
5. Kad važiavau viškelelu,
Smišteles dulkējē;
Kad užgavau akminelj,
Ugnelis žibējē.
6. Gale lauka kopličele,
Nauje muravota,
Dar yr muna paninlate,
Dar ne vinčevota.
7. Aju panele par božnyčę,
Ponus vitodama;
O mun širdis pusiau plišta,
Unt jos žiuredamas.

1. Ахъ, соколь, соколочекъ,
Ты высоко летаешь;
Прилетая, улетая,
Ты новости носишь.
2. И принесъ новость
Печальную и не добрую,
Что и моя барышня
Выходитъ за другого.
3. Пусть идетъ, пусть какъ себѣ знаетъ.
Пусть ей Богъ поможетъ.
Запрягите мнѣ лошадокъ,
Я и самъ поѣду.
4. Когда я сѣль въ карсту,
Карета закачалась;
Когда я ёхалъ по лощинѣ,
Лощина зеленѣла;
5. Когда я ёхалъ большой дорогой,
Пыль поднималась;
Когда попадалъ на камень,
Отъ камня искры отскакивали.
6. Въ концѣ поля часовня,
Недавно построенная;
Еще моя барышня
Еще не обвѣнчана.
7. Идеть барышня по церкви,
Привѣтствуя господъ,
А мое сердце чуть не разрывается,
На нее глядючи.

4. ¹⁾ Bap. LB. B. Apè žiürkę, katrą už karaliūnaicchio tekéjo.

Vina karaléne turėja trys sunus;
ana nedelios rytmete saka sava su-
nams: «važiuket į bažnyčą; katras su-

Одна королева имѣла трехъ сыновей;
она въ воскресеніе сказала своимъ сы-
новьямъ: «поехжайте въ церковь; который

¹⁾ Эта сказка записана отъ старушки—сестры ксендза, свѣдовательно—особы до-
вольно образованной, что и отразилось на ея непостоянномъ соблюденіи диалекта.

nus bažnyčioje atraste poną—unt galvos kvėtką, tą tas pajimk, parvesk sava, ta bus tava pati». Ans pamate kaupkoje sedončių bajoratę ir unt anos galvos kvėtką žydeja ir ano akisi pasirode labaj graži; ontras sunus ontrone nedelio atėje į bažnyčę, rada nnt bednos mergėlės kvėtką žydončią ir anam labaj patika; parvezė nūmo į palotiū ir labaj patika motynai; tretjas sunus ne rončia pačios dėl saves, išeje unksti iš pakajans; sutink varlelių šukuijenčią, unt jos varleles galvos didele graži kvėtką žyd ir ons pajemė tą varlelių iš pakajų ir padėje nnt žemės; ir ana palinda po žovos. Ijaja sunus pas motyną ir saka: «turu pačią varlelię». Ta dabar saka motyna: «katra iškėps duną dėl mones iš tun triun marčiun». Iaje tas jaunikatis pri sava varleles: «ak, bėda mona! kas mon duną iškėps». Varlele atsake: «nešk miiltus dėl manis ir vondenį ir medžių, o pats išeikses. Potam nnt rytmecė jejk». Iškėptą duną rada varleles kūn gražiausę; bajores duna ir muzikės ir varleles; motyna prorekusi duną muzikės pakostavoja: labai skani buva, dėl darbininkų duna labaj gera; bajores duna ponams ir kunigams valgyt, vo varleles duną karaliu ir popėziu valgyt. Potam pasimyslėja ana motyna ir pasake: «katra iškėps ruragus, ta aš pamatiysi, katra geresni bus?» Visas trys iškėpė; ne vienės toki pyraga na buva skani, kap varleles. Potam pasimyslėja motyna, kad reik dute marškinės sjuti; potam ijjaje jaunikatis tas pri varleles: «ak» saka: «bėda mona, kad nėr kam pasjuti marškinius», vo varlele atsake: «jnešk andimą ir zirkles ir adetą ir noperstiką ir siužus; palik, išeik sav». Unt rytmecė jejn: marškiniai ant stačio didele graži pasjuta; neše jis motynai sava parodyt; pajemė ana bajorates marškinius sjutus, pajemė muzikės marškinius pasjutus; motyna pavejzėje tūs marškinius: muzikės marškinės gaspadoriams nešioti, o bajorates ponams ir kunigams gal nešioti, jos darbą, vo varleles karaliams ir grafams: tap ana gražė pasjuva; dabar motyna

synę į cerkvę naudėti panni—na galvą bukety, tu pūstę vėzmete onę, privedete sebę, ta būdete tvoeji ženė». Odinę zamėtęs sūdžią na lavičę dvaranochkę ir na eja galvą bukety cvetovę ir na ego glazę ona pokažalės očiai labai gero; kitą synę į kitą vėzmete prišel į cerkvę, nūmėlė na bėdai dėvushkė cvetuojančią bukety, ir ona eju očiai labai pona; privede domo į dvaro rūmų, ir ona očiai pona; pravede maturi; trečią synę ne nūdinti ženės dėl sebė; išvėlė onę rano iš pokoevė; ištrūčia kvakūjančią lągushčeką, na galvą tais lągushčekais didelio gerasiavu bukety cvetet, ir oni vazięlę tais lągushčekais į pokoy ir nūdinti na polę, ir ona nūmėlė prie krovės. Išvėlė synę kėl maturi ir saka: «pimę ženę-lągushčekę». Bortas teperis saka: «Kotorai išpečet xlebъ (černyj) dala mena ižiži třeši něvěstok? Poščela totiž junoša kėl savi lągushčekais: «ah, gore moe! kto miň xlebъ išpečet?» Lągushčeka atvėstila: «nesi muku dala mena ir vody ir drovę, a sam' vjodi. Potom' na utro vjodni». Onę nūmėlė xlebъ, išpečenai lągushčekai, didelio gerasiavu; dvaranekai xlebъ, muzikai ir lągushčekai; maturi, ištrūčia xlebъ muzikai, nūmėlės išprobavai: ona būta očiai labai gerasiavu, dala į darbininkus xlebъ očiai labai gerasiavu; dvaranekai xlebъ gospodam' ir ksendzam' kushat, no xlebъ lągushčekais kushat koroliu ir papf. Potom' nūmėlė xlebъ, išpečenai lągushčekai. Potom' nūmėlė maturi ir saka: «kotorai išpečet (bělzy) xlebъ, tak' i posmopteriu, kotorai labiau būtė». Bortas tri išpečiai; nūmėlė iš vieno būta očiai labai gerasiavu xlebъ, kiek' u lągushčekai. Potom' nūmėlė maturi, kad nūtina dala rūbasičkai išši; potom' nūmėlė maturi, kad nūtina dala rūbasičkai išši; potom' išvėlė junoša totiž kėl lągushčekais: «sox», saka: «bėda moja, kuo nėkomo išši rūbasičkai», no lągushčeka atvėstila: «prinesi tkanini ir nūkini ir iglu ir naferstok' ir nūtok' ostan, uходи sebę»; na utro ona išvėlė: rūbasička na stol' očiai labai gerasiavu išši; ona nūtina maturi savo pokažai; vziai ona dvaranekai išši rūbasičkai; vziai rūbasičkai, išši muzikai; posmopteriu maturi na eti rūbasičkai: rūbasičkai muzikai krestjanam' (hoxzavam') nūtina, a dvaranochka gospodam' i

pasimyslėja: «turet dabar, vajkaj mona, vaziutu¹⁾ į šliuba»; išjė jauni kaitis: «ak», sake: «varlele mona, mona broliaj jims šlinbą su motriškoms, vo aš ne žinau su kumi!»; ana atsake: «užkinkik šešius arklius į karėtą ir munij padėk karėtoje ir pats sesk sn munim drauge». Antvažiava vesus tryns karėtas pri šliuba, sueje anij į bažnyčę; bajorate jim pirma šliuba, vo mužike potam jim šliuba, vo tas jannikaitis saka: «ak, Deve mona, ak, su kum aš šliuba jims?» Povejzgs po dešiną ruką, pamate didele graži paną, auksunse pasiredžiusi: «as esu pati tava; ejnam šliubą jumti». Ana po šliuba ataja į pusę bažnyčios ir prapnle; ty¹⁾ broliaj jo susėda su sava pačioms į karėtą, vo jis važiu su sava varlele; parvažiava numo, jaja į pakajų su sava varlele, palejda jen unt žemes, ana palinda po žovos; vakare večaj: «ak», saka; «varlele mona, mona broliaj su pačioms gnls, vo aš su kum gulsu?» — «Užgesik žvakę». — Kap užgesė žvakę, tap ana jam pasake: «gulk dabar į lovą» ir jis atsigule į lovą. Ons pamate, kad ana strošne graži pana yra; kap ana užmiga, tap ons išlepa iš lovas, jen palka miktonči; vejžęs ons po žovas, vejžė, kad nug varleles tikt skurele yra. Ons vel įjule į lovą, nėko ne sakė; ir ons užsidagė žvakę ir pamate, kad ana didele graži; kap jis užmiga, tap ana atsikele iš žovas ir vel įlinda į sava skurelę; patam pradėja pasakoti sava motynai, kad ana graži didele naktį, vo diną varlele; tap motyna tare, kad palik vakare, kad jejsi gulti, durj ne užrankią, aš noru pamatyte. Kap motyna pamate, kad dideli gražybe, tada ana lipe pečių grejtaj pakurti; ana pajėme tą skurelę ir mete į pečių, vo motyna vejzedama džiaugės, kad tajp graži; kap ana atsibude, tap ana išlipa iš žovas, ne ronė sava skureles; tap ana sušuka, «ne gera», sake: «padaryta, aš bučiau sunq pagimdžusi, ta aš

kesendzamtъ можно носить, ея работу, но (рубашки) лягушечки королицъ и графы: такъ хорошо она спила; теперь подумала матъ: «теперь вы должны, дѣти мои, ъхать на свадьбу». Вошелъ юноша: «ахъ», сказалъ онъ: «лягушечка моя, мои братья пріимутъ обручение съ женщинами, а я не знаю съ кѣмъ». Она отвѣтила: «запряги шесть лошадей въ карету и положи меня въ карету и самъ садись со мною вмѣстѣ». Пріѣхали всѣ три кареты на свадьбу, сошли они въ церковь; дворяночка принимаетъ первая обручение, мужичка потомъ принимаетъ обручение, а этотъ юноша говорить: «ахъ, Боже мой, ахъ, съ кѣмъ я пріиму обручение». Взглянувши по правую руку, онъ увидѣлъ очень красивую панину, разряженную въ золото: «я жена твоя, пойдемъ принимать обручение». После свадьбы она отошла въ сторону и пропала; эти братья его сѣли со своими женами въ карету, а онъ ъдѣть со своей лягушечкой; пріѣхалъ домой, вошелъ въ покой со своей лягушечкой, опустилъ ее на полъ, она поползла подъ кровать; поздно вечеромъ онъ говорить: «ахъ, лягушечка моя, мои братья съ женами лягутъ, а я съ кѣмъ лягу?» — «Погаси свѣчу!» — Когда онъ погасилъ свѣчу, то она ему сказала: «ложись теперь въ постель», и онъ легъ въ постель. Онъ увидѣлъ, что она страшно красивая панина; какъ она уснула, такъ онъ всталъ съ постели, оставилъ ее сияющей; посмотрѣвши подъ кровать, онъ увидѣлъ, что отъ лягушечки только шкурка. Онъ снова легъ въ постель, ничего не сказалъ; и онъ зажегъ свѣчу и увидѣлъ, что она очень красива; когда онъ заснуль, то она встала съ постели и снова вѣзла въ свою шкурку; потомъ началь онъ разсказывать своей матери, что она очень красива ночью, днёмъ же лягушечка; такъ матъ сказала, что оставь вечеромъ, когда пойдешь спать дверь не запертой на ключь, я хочу посмотретьъ. Когда матъ увидѣла, что красота велика, то она вѣзла посмѣре затопить печь; она взяла ту шкурку и бросила въ

¹⁾ Почти, какъ русскю м.

bučian palikusi išganyta; vo dabar ejnu į gires ješkoti sava vytas». Išdaūže longą ir išleke par longą ir nuleke, kap paukštis, į girę. Ir ana rada mažą trobelį ir ana tyn (=tū) palika, palika apkaustyta su gelžinajis lunkais. Eja tas jaunikajis verkdams jos ješkoti ir atrada trobelį ir seną bobelę ir paklausė: «matušate, ar ne atlėkė kokia panele?» Atsake ta bobele: «yra, kamaroje, terp gelžinų lunku; aš atdarysiu komaras durys», ir išejna pana jauna terp gelžinun lunkun, ir ons klause tos senos bobelės: «kun aš turu dabar daryte?» Ana jam pasake: «storokis duti ¹⁾ jaj į ausj, vo kap sudusi į ausi, ty (=tū) nubers ty lunkaj, paliks ana graži motriška, ir puls unt taves, apsikabins unt kakla, ir ana pradės bučiute mejlingaj, iš to didele džiauksma pradės verkti». Ejna potam sasikebę, ejna numo; pareje numo. Motyna pamačusi anus, iš to džiauksmo verkti pradėja; ir ejn par sodnā, ir rond naują paštojū: ten (=tū) buva užkejkta jauna panele; kap anudu pareja i savą paštojū, rond visus skarbus ne apsakitus, linksne buva kampanija, veselė, susirinkima iš to džiauksma, linksmybes didelias.

печь, мать же смотря радовалась, что она такъ хороша; когда она проснулась, то она встала съ постели, не находить своей шкурки; такъ она заквакала: «не ладно», сказала она: «сдѣлано, я родила бы сына, тогда я бы была спасена; теперь же иду въ лѣса искать себѣ жѣста». Выломала окно и вылетѣла черезъ окно и улетѣла, какъ птица, въ лѣсъ. И она нашла маленьку избушку и она тамъ осталась, осталась тамъ обложеная желѣзными листами. Попытала юноша, плача, искать ее и нашелъ избушку и старую старушку и спросилъ: «матушка, не прилетѣла ли сюда какая барышня». Отвѣтила та старушка: «есть, въ комнатѣ, между желѣзныхъ листовъ, я отворю двери комнаты», и выходитъ панна молодая между желѣзныхъ листовъ, и онъ спросилъ у той старой старушки: «Что я теперь долженъ дѣлать?» Она ему сказала: «постарайся дунуть ей въ ухо, и, какъ дунешь въ ухо, то осмысятся тѣ листы, станетъ она красивая женщина, и прильнуть къ тебѣ, повѣсится у тебя на шеѣ и начнетъ цѣловаться тебѣ ласково, и съ той великой радости начнетъ плакать». Потомъ идутъ они обиавшись, идуть домой; пришли домой. Мать, увидѣвши ихъ, съ этой радости плакать принялась; и идуть они черезъ усадьбу, и находить новый дворецъ: тамъ была проклятая юная барышня; какъ приходять они въ свой дворецъ, находить всюду богатство несказанное, радостное было общество, свадьба, собранія съ той радости, великия празднества.

III. Хвейданы.

(Первые 4 пѣсни записаны отъ лица происхожденіемъ изъ Хвейданъ, но живущаго теперь и заимствовавшаго нѣкоторыя черты Салантскаго діалекта).

1. Pasakyk mon, skajsti rože,
Bene pine Tamstę prauštą
Kas dinelę, kas adyną,
Kas tajp gražej užaugena?
Pasakyk mon, lelijele,
Ar anjočas, ar panele?

1. Расскажи мнѣ, прекрасная роза,
Не плели ли тебя омываемую
Каждый день, каждый часъ,
Что такъ прекрасно взrostили тебя.
Скажи мнѣ, лилійка,
Ангель-ли ты или дѣвушка?

¹⁾ duti (здесь не=dūti, дать) изъ русского думъ.

2. Ak, strelčiukaj, kliste, kliste,

Arge munes ne pažinste?
 Aš mergele ir mon doje
 Ir broliukaj, kajp er tu;
 Iejgi munes nesebajda,
 Dukes prilejst īupoms vejda.
 3. Iejgi nori ženkla jumte,
 Imk kvētkeļ ant paminkla.
 Iej tankysi tēva dvarā;
 Rudenēg ir vasarā;
 Iej sutiksi su jo vale,
 Pas mon ronka gaute gali.

2. Ахъ, охотничекъ, ошибаешься, ошибаешься,

Неужели ты меня не узнаешь?
 Я девица и у меня двое
 Есть братцевъ такихъ, какъ и ты;
 Если ты меня не боишься,
 Дай прикоснуться губами къ лицу.
 3. Если хочешь получить звакъ,
 Возьми букетикъ на память.
 Если будешь посещать отцовскій домъ
 Осенью и лѣтомъ,
 Если согласишься съ его волей,
 Можешь получить мою руку.

2. Bar. I. 1517.

1. Ak tu Déve brangus,

Kon dabar darysiu?
 Rupesninga širdes mona,
 Kum aš patēšsiu?

2. Ne turiu tetuše,
 Ane matušeles,
 Ne brolele, ne seseles,
 Su kum pakalbete.

3. Ani pavyduklej
 Visi skersi žiura,
 Kad pamate moni jauna,
 Su berneliu kaļbant.

4. Žad mane karote,
 Ugnej sudeginte,
 Ar vandenej nuskandinte,
 Nug Tamstas atskerte.

5. Berneli jaunasis,
 Onžule žaliasis,
 Musent mones neatmesi,
 Kitos ne be vesi?

6. Mergeli jaunoji,
 Rutele žalioji
 Iuk vedous nēks nebatskirs,
 Kajp juda žemele.

7. Ejsma į bažnyčę,
 Déva avenyčę,
 Ir prijimsma šventą šliuba
 Ir blagoslovenstvą.

8. Išejn kungeles,
 Déva avyneles.
 Suriš vedaus bałtas ronkas,
 Sukejs auksa židus.

9. Gista volungeli
 Ant aukšta kaļnele;
 Kur gejdoje volungelē
 Devynejs bākselejs.

1. Ахъ ты Господи дорогой,
 Что мнѣ теперь дѣлать?
 Озабочено сердце мое,
 Чѣмъ я его утѣшу?

2. Не имѣю ни батюшки,
 Ни матушки,
 Ни брата, ни сестрицы,
 Съ кѣмъ бы поговорить.

3. Они изъ зависти
 Всѣ смотрѣть косо,
 Когда увидѣли, какъ я юная
 Съ молодцемъ говорила:

4. Хотѣть меня наказать,
 Въ огнѣ сжечь,
 Въ водѣ утопить,
 Отъ Васъ отлучить.

5. Молодецъ юный,
 Дубъ зеленый,
 Можетъ, меня не бросишь,
 На другой не женишься?

6. Дѣвица молодая,
 Руга зеленая,
 Ужъ нась никто не разлучить,
 Кромѣ черной земли.

7. Пойдемъ въ церковь,
 Божью овчарню,
 Пріемъ святое обрученіе
 И благословеніе.

8. Выходить ксендзъ,
 Божій пастырь (овечій),
 Свяжетъ намъ бѣллы руки,
 Обмѣняетъ золотыя кольца.

9. Петь иволга
 На высокой горѣ;
 Вить гдѣ пѣла иволга
 Девятью голосами.

10. Ne voļunges baļsas,
Ne geres paukšteles,
Tiktaj mona matušeles
Mejlingi žodelej.

10. То не иволги голосъ,
Не голосъ лѣсной пташки,
То моей матушки
Милыя словечки.

3. Var. Br. L. Br. 6 и много другихъ. Эта пѣсня сплавъ изъ отдельныхъ распространенныхъ пѣсенокъ, какъ и всѣ хвѣданская пѣсни.

1. Ant kaļno gļusnis,
Po gļusne vando.
Ten vajkščioje paniulajte
Po menesinā.
2. Bajors pri vandens,
Pana nu vandens.
Paļukeke, graže pana,
Dok žirguj vandens.
3. Ne galii luket,
Nej iłgaj stovet,
Šalta rasa, o aš basa
Pašalau kojas.
4. Pajimk ploščelu,
Pridengk kojeles,
Kad žinočiau mana busi,
Perkčiau kurpeles.
5. Ne pirk deł monęs,
Pirk deł saves.
Aš turiu matušełę,
Nuperks deł monęs.
6. Mergeli jauna,
Ar busi mona?
Gana Tamstaj mile bučiau,
Ne moku darbą.
7. Turi bizuną
Išmoksi darbą,
Vo ši žale berža rykštę
Onkstin pabudins.
8. Turi bizuną
Deł bérą žirga,
Vo ši žalę berža rykštę
Deł Tamstos patys.
9. Aš ir myslėjau,
Kad tu panele;
Kajp pavejziu į akeles,
Pajudakele.
10. Aš ir myslėjau,
Kad tu didis pons;
Kajp pavejziu i vejdeli,
Patsaj cigons.

1. На горѣ ива,
Подъ ивой вода,
Тамъ гуляла барышня
При мѣсячномъ свѣтѣ.
2. Дворянинъ къ водѣ,
Панина отъ воды,
Подожди, прекрасная панина,
Дай коню воды.
3. Не могу ждать,
Долго стоять,
Холодна роса, а я боса,
Обморозила ноги.
4. Возьми плащъ,
Покрой ножки,
Кабы знать, что ты моей будешь,
Купиль бы башмачки.
5. Не покупай для меня,
Покупай для себя.
Я имѣю матушку,
Купить для меня.
6. Дѣвушка юная,
Будешь ли моей?
Довольно была бы я мила Вамъ,
Не умѣю работать.
7. Имѣю кнутъ,
Выучишься работать,
А эта зеленая березовая розга
Рано разбудить.
8. Имѣешь кнутъ
Для бурого коня,
А эту зеленую березовую розгу
Для себя самого.
9. А я-то думалъ,
Что ты барышня;
Какъ посмотрю въ глаза:
Черноглазочка.
10. А я-то думала,
Что ты великий панъ;
Какъ посмотрю въ лице:
Самый цыганъ.

4. Var. Br. L. Br. 83, 84. 85. L 573. L Svd. 873, 776, 1014. I. 1556.

1. Šen nakteli, par nakteli,
Miga ne migojau:

1. Эту почку, цѣлую почку,
Сномъ не засыпай я,

- Žalioj lankoj par nakteli
Žirgelius dabojau.
2. Užmigau, užmigau
Mažą valondelę;
Išgirdau, išgirdau
Didžių naujinele;
3. Močikele raganele,
Mones ne kensdama,
Užrytena akminelį
Už svirna durelę;
4. Užrakina svirna durys
Su auksa rakteliu.
Ir atjoje jauns bernelis
Iš svečios šaleles;
5. Atritena akmenelį
Nu svirna durele,
Atrakena svirna durys
Su auksa rakteliu.
6. Tepket durys salžiū vynu,
Kad ir ne girkždetu,
Kad ir mona paniulajte
Sađej išmegotu.
7. Sjuket, šaučej, čeverykus
Žemums užkulnelems,
Kad ir mona paniulajte
Lengvej vajkščinetu.
8. Šluket, panas, naujems šlutomoms,
Kad ir ne dušketu,
Kad ir mona paniulajte
Balta vajkščinetu.

1. Po sodneli vajkščiodamas,
Pamačiau biteli.
Tuju, sedaus už staleli,
Pajėmęs plunksneli;
2. Padék, Dévę, geraj aprašyt:
Kad galečiau skajtydamas
Geraj išmanyti ¹⁾.
3. Pasiremęs ont ronkeliu,
Pro longą žiurejau! ²⁾
Apė bitis mysledamas,
Tejp savej kaľejau:
4. Dang matyte yr unt pivas
Žoliun ir biteliu;

- Въ зеленомъ полѣ цѣлую ночку
Я сторожилъ коней.
2. Заснулъ, заснулъ
На малую минутку,
Услышалъ, услышалъ
Великую новость:
3. Мачиха—вѣдьма,
Не теря меня,
Прикатила камень
Бѣ двери свѣтлицы;
4. Заперла дверь свѣтлицы
Золотымъ ключикомъ.
И прѣхалъ юный молодецъ
Изъ чужой сторонки.
5. Откатилъ камень
Отъ двери свѣтлицы,
Отворилъ дверь свѣтлицы
Золотымъ ключикомъ.
6. Намажьте двери сладкимъ виномъ,
Чтобы онѣ не скрипѣли,
Чтобы моя барышня
Сладко высыпалась.
7. Шефте, башмачники, башмачки
Съ низкими подошвами,
Чтобы и моя барышня
Легко гуляла.
8. Метите, госпожи, новыми вѣн-
ками,
Чтобы не шылило,
Чтобы моя барышня
Вѣла гуляла.

1. По усадьбѣ гуляя,
Я замѣтилъ пчелку;
Тотчасъ же сѣлъ за столикъ
И взялъ перо.
2. Помоги, Боже, хорошо описать:
Чтобы я могъ читая
Хорошо понять.
3. Опершись на ручку,
Я смотрѣль черезъ оконшко,
Думая о пчелѣ,
Такъ говорилъ себѣ:
4. Много можно видѣть на лугу
Травъ и пчелъ;

¹⁾ Кажется, испорченная строфа.

²⁾ Интересно, какъ въ эту пѣсню, несомнѣнно, искусственного польского происхож-
дения вставлено совершенно народное двустишие.

Néks na žena, kajp sutajsa

- Medu ir koreliu.
 5. Na suskajta néks unt dongaus
 Žibončių žvajzdelų,
 Vo bitele, tu stavnioji,
 Kajp tu pracevoji.
 6. Priliginta tava proca,
 Už auksa brongesnė,
 Rožnas ugas, konfeturas
 Medu formavoja;
 7. Kad kas vaľga tava medu,
 Kožnas ménavoja;
 Kad kas miršta iš krikšcionų,
 Uždega gromyčę,
 8. Ta dušele tur patéką
 Iš numeniu becių
 Ir božnyčo ¹⁾
 Deg vaška žvakeles;
 9. Atiduda dévuj garbą
 Ta maža bitele;
 Ir kraučistes ne gal sjute
 Siula ne vaškavęs.
 10. Kad kas duda vaška biški,
 Prijam pabučiavęs,
 Dabar biteninki ne buk skupa ²⁾),
 Atmink susedelas.
 11. Nusjunsk medous sklenyčelę
 Kučiun vakarelj.
 Ton sałdybę vaľgydame
 Neb ménavos bédę,
 Dékavosma Ponuj Dévuj:
 Sušaukém Kalédę.

6. Žmogus ne bagots išeje į gerg
 medzių kerst ir išsineše dunos abra
 kioką ir pasidejes ont kelma: budelis
 atejgs ir atėmės ton duna; ir ons pa
 reje į pekla ir ano ne-be-prijėm į
 pekla, kad bédna žmogous atėme duna;
 anon vare užderbt; ons ateje pri to
 žmogous ir sake atejgs: «prijimk munj,
 aš padėsiu derbt». Žmogus atsake
 anam: «aš pats maža turu, kun derbt;
 kun aš dusu tavej darbą?» Tas bu
 delis sake anam: «če yra tokias pe
 kkes pona girio, prašysma ano, gal jis

Никто не знает, какъ онъ со
 ставляютъ

- Медъ и соты.
 5. Не сосчитаетъ никто на небѣ
 Влестищихъ звѣздъ;
 Ты же славная пчелка,
 Какъ ты трудишься.
 6. Равна твоя работа,
 Даже дороже золота:
 Разныя ягоды, варенья
 Медомъ формируются;
 7. Кто только есть твой медъ,
 Каждый поминаетъ (тебя);
 Когда кто умрастъ изъ христіанъ,
 Зажигаютъ свѣчу;
 8. Та душа имѣть утѣшенье
 Отъ домашнихъ пчелъ,
 И въ церкви
 Горятъ восковыя свѣчи;
 9. Воздаетъ Богу славу
 Та малая пчелка;
 И портной не можетъ шить,
 Не навоцившіи нитки.
 10. Когда кто даетъ кусочекъ воска,
 Принимая, цѣлюются;
 Теперь, пчельница, не будь скуча,
 Вспомни о сосѣдкахъ
 11. Пошли стаканчикъ меда
 Въ вечеръ свягокъ.
 Кушая эту сладость,
 Не будуть помнить горя;
 Поблагодаримъ Господа Бога:
 Дождалися Коляды.

Небогатый человѣкъ пошелъ въ лѣсъ
 дрова рубить и понесъ съ собой портцю
 хлѣба и положилъ на пень; чертёночъ
 пришелъ и отнялъ тотъ хлѣбъ, и при
 шель онъ въ адъ, но его не принимаютъ
 въ адъ за то, что онъ отнялъ хлѣбъ у
 бѣднаго человѣка; гонять его зарабо
 тать ему; онъ пришелъ къ тому человѣ
 ку и сказалъ прида: «прими меня, я
 помогу работать». Человѣкъ сказалъ ему:
 «Я самъ мало имѣю, что работать; ка
 жую дань я тебѣ работу?» Тотъ чертё
 нокъ сказалъ ему: «есть здѣсь у пана

¹⁾ Повидимому, неоконченная строфа.

²⁾ Вероятно, непорочная строфа.

pazvalys mums ten išplešte, dervą padaryte, ir įsesma rugius». — «Nu, gera!» ir susigadeje unt to; tas žmogus saka: «taj, bus tap, aš asu pri pona, prašysu tos pečkes; ja pons pazvalys mums, ta mas darbusmos ten»; tas žmogus nuejė pri pona ir praše: «ponali, pazvalyk mune tame šmote pasiderbtė dervos šmotelij, kad galečiu įseti ten jabkon». Nu, pons pazvalyj ir myslėje pons, kad na gales jis ten nėko padaryte. Pareje tas žmogus numin ir atrada ton budelj tenaj, sava numuse, ta-b-laukont; saka budelis dabar: «kun girdeja naujiną pri pona?» Zmogus atsake anam: «pazvalyje pons; jaj tik taj galesma mas ten kun gera padaryte?» Budelis atsake: «na ruginkis: kad mas derbsma, ta ir bus gera»; ir išeje anudu į ton gera; rove tas budelis cėlūs medžius ir išderba jis ten laba šmotą dervas; išeje anudu ten rugiun šmotą ir užauga laba pukki ruge; jau tam ponu pradeje anam pavids jimty (—йимты), ir na-b-zvalej tun rugiun be-atimti; pons pats pasjunte sava šamyną ir soveže tus rugiūs į dvarą ir pridejė dedeli daržene; tas žmogus su tu budelu laba gales anudu sava protis¹⁾ Tas budelis saka tam žmogu: «pažauk biški, aš dar įsu pri pona ir prašysu, kad mune pazvalytu bent vina naštą tun rugiun parsinešti; ta(s) žmogus atsake tam budeliu: «nu gera, ak tagi pri pona; jaj išprašyset, bus mums dar gera». Nueje budelis pri pona ir praše pona: «ponali, mas tap sunke pracevojom, ba-kol mas jsejom tus rugiūs, vo dabar atenie nu musu; pazvalyk dabar mumis bent vina našteli parsinešty (—парснешты); pons atsake: «neškis, kik pats paneši!» Pareje budelis pri sava žmogaus ir sake: «nu, perk kanapju bent dešimtj štukelj, vo aš vysu-t vverę ir asut pri pona parnešte tun rugiun». Nuperka dešimt štukelius kanapju ir suveje į

въ лесу такія болотца, попросимъ ихъ у него; можетъ, онъ и позовитъ намъ ихъ выкоротитъ, сдѣлать пашню, и по-свѣмъ мы рожь». — «Ну, ладно!» и сговорились на томъ; этотъ человѣкъ говорить: «ладно, будь такъ, я пойду къ пану, попрошу то болотце; если панъ позовитъ намъ, будемъ тамъ работать». Этотъ человѣкъ пришелъ къ пану и просилъ: «панъ, позови мнѣ на томъ кускѣ сдѣлать кусочекъ пашни, чтобы я могъ посѣять тамъ что-нибудь. Ну, панъ позволяетъ и думаль панъ, что не сможетъ онъ тамъ ничего сдѣлать. Пришелъ толькъ человѣкъ домой и нашелъ того чертенка тамъ, въ своемъ домѣ, въ ожиданіи; говорить чертенокъ теперь: какую онъ слышалъ новость у пана? Человѣкъ отвѣтилъ ему: «позволи панъ; если только сможемъ мы тамъ что-нибудь доброе сдѣлать?» Отвѣтилъ чертенокъ: «не безпокойся: что мы сдѣлаемъ, то и будетъ хорошо», и вышли они въ толькъ лесъ; этотъ чертенокъ вырывалъ цѣлымъ деревья и разработалъ онъ тамъ очень много пашни, посыпали они тамъ много ржи и выросли очень хорошия ржи; уже начала того пана зависть разбирать, и ужъ онъ не позволяетъ взять тѣ ржи; самъ панъ послалъ своихъ работниковъ и свезъ тѣ ржи въ свой дворъ и наложилъ большой сарай; толькъ человѣкъ съ этимъ чертенкомъ очень жалѣли своего труда. Этотъ чертенокъ говорить тому человѣку: «подожди немного, я еще пойду къ пану и попрошу, чтобы онъ позовилъ хоть одно бремя тѣхъ ржей принести»; тогда толькъ человѣкъ отвѣтилъ этому чертенку: «ну, ладно, иди царь къ пану; если вы выпросите, еще будетъ намъ хорошо». Пшелъ чертенокъ къ пану и просилъ пана: «панъ, мы такъ тяжко трудились, пока мы засѣвали эти ржи, а ты теперь отнялъ отъ насъ; позови же намъ хоть одно бремя принести». Панъ отвѣтилъ: «неси сколько самъ снесешь!» Пришелъ чертенокъ къ своему человѣку и сказалъ: «ну, покупай хоть де-

¹⁾ Ви. process. Рассказчица, неграмотная молодая швея, очень старалась соблюдать себѣ оттенки местного говора и несколько разъ указывала, что у нихъ говорить именно такъ; ни русскаго, ни польскаго языка она не знала.

viną vervę in nueje tas budelis parnešte tun rugiun; jis pasetise į žardyną ton vervę ir sudėje visus rugius iš tos daržynes, ir atnešens į numus to žmogaus; pamates pons ne imana, kon daryte, kad jau vesą daržynę rugiun išneše. Pons tureje laba bandončius do jaučiu; kur na kas ta galėje pri anun priete; lipe paleste tus jaučius, kad anon subadytom. Ti jaute aje laba baubdamis pri to žmogaus; pons myslyje, kad anon subadys unt vytas, ti jaute prieje pri ano, uns pajeme tus jaučius ir uždeje unt tos sava naštas ir pareje pri to žmogous nesens tus visus rugius ir do jaučius ir sake: «žmogau, ar uždirbau aš tau už ton dunas abrakioka, kur aš tava pajėmiau, kur buva girio pasidejės». «Žmogus atsake: «kik ten ta bovo mona tos dunas maža, aš na galu tik dang nu taves prijimte»; tas budelis atsake: «na rupinkis, aš buvau iš peklaš išvarysts del uždirbima tos dunas; kada jau busit kontens mona užderbema, tada aš galėsu-t vel pargrinšte, kur bovis». Žmogus pasakė: «mona na buva tik verta, vo kad munim tik atedude, aš prijēmu». Budelis pasakė: «nu gera, su Divu; palek dabar nu munes spakajnigs ir aš nu taves ir grinšu dabar į pekla», ir tap pasakės ir išeje nu to žmogaus.

сять штукъ конопли, а я сосью веревку и пойду къ пану принести тѣ ржи. Купили десять штукъ конопли и свили въ одну веревку и ушелъ тотъ чертенокъ принести тѣ ржи; онъ растянулъ у жердей ту веревку и сложилъ на нее всю рожь изъ сарая и принесъ въ домъ этого человѣка; панъ, увидѣвши это, не зналъ, что дѣлать, такъ какъ онъ вынесъ уже всю загородъ ржей. Имѣлъ панъ двухъ очень бодливыхъ быковъ, такъ что никто не могъ къ нимъ приблизиться; велѣлъ онъ отпустить тѣхъ быковъ, чтобы они его забодали. Тѣ быки пошли, очень сильно мыча, къ тому человѣку; панъ думалъ, что они его забодаютъ на мѣстѣ, но тѣ быки подошли къ нему, онъ же взялъ ихъ и положилъ на свое бремя и пришелъ къ тому человѣку, неся всѣ тѣ ржи и двухъ быковъ, и сказалъ: «человѣкъ, заработалъ-ли я тебѣ за ту порцю хлѣба, что я взялъ у тебя, когда ты положилъ ее въ лѣсу». Человѣкъ отвѣтилъ: «сколько тамъ было-то хлѣба моего, мало было: я не могу такъ много отъ тебя принять». Тотъ чертенокъ отвѣтилъ: «не беспокойся: я былъ, выгнанъ изъ ада, чтобы заработать тебѣ за хлѣбъ; если вы уже довольны моимъ заработкомъ, то я могу снова вернуться, гдѣ былъ». Человѣкъ сказалъ: «мое столько не стоило, но если ты мнѣ столько отдаешь, я принимаю». Чертенокъ сказалъ: «ну, ладно, съ Богомъ! Теперь я тебя оставлю въ покоѣ, и ты меня, и вернусь я теперь въ адъ». И такъ сказавши, ушелъ отъ того человѣка.

IV. Везережны.

1. Leki vanagas į pakañelę,
Toje pakañne tek srovni ope;

Toje upele suk verpeteles,
Tame verpete rutų krasele,
2. Toje kraseli sėd jauna mergele,

Galvą šukava ir aduksava.
Nėr mon matušes, krajtela klote,

1. Летить ястребъ въ подгорье,
Въ томъ подгорѣ течеть быстрая
рѣка;
Въ той рѣкѣ вертится водоворотъ,
Въ томъ водоворотѣ рутовый стуль,
2. На томъ стулѣ сидить юная дѣвица,
Голову причесываетъ и взыхаетъ:
Нѣть у меня матушки приданое
собрать,

Nér mon tetusě dalele doute,
3. Nér mon brolele barvelę pirkte,
Nér mon seseles vajneka pinte.

Saule unt dungaus krajtela
kloti,
Švejsus meneselis dalelę doute.
4. Aug sodne klevelis
Barvele pirkte,
Svejsa žvajzdele
Vajneka pinte.

Нель у меня батюшки долю дать,
3. Нель у меня братца краски купить
Нель у меня сестрицы венок
свить;
Солнце на небе—приданое собрать,
Светлый месяц—долю дать,
4. Растеть в саду кленочек—
Краски купить,
Светлая звездочка—
Венок свить.

2. Вар. I. 139.

1. Ak tu, Dévē brongus,
Kajp tu myli cnata,
Kureje užlajka
Panystes čistatę.
2. Nès nekaitybę
Dévas pamyleję;
Vajneka garbes
Ne kałtims žadeja.
3. Nejoke cnata—
Nér tejp skajstę bałta,
Kajp nekaitybę,
Ir donguj iškėlta.
4. Žyd terp aniułę
Kajp žvajžde švejsybes,
Mejlinga Dévuj
Sava nekaitybę.
5. Rojaus květkele
Ir panystes stonas,
Lenksmaj gydoj
Akevezjdo pona.
6. Turesi donguj
Aniułu drangystę,
Kuręj uzlajka
Skajščiausę panystę.
7. Žemčiugajs brangejs
Apredys jo kuna,
Svejs jam ant galvos
Žvajzdeta karuna.
8. Tiktaj milékiam
Tan Dévešką cnata,
Ien užlajkite
Turekiam akatę.
9. Gausi negrada,
Donguj apturesma,
Vejda, vejda ir vejda
Ten Déva regesma.

1. Ахъ ты Боже дорогой,
Какъ ты любишь добродѣтель,
Тѣхъ, которые сохранили
Чистоту дѣвственности,
2. Ибо непорочность
Богъ полюбилъ,
Вѣнокъ славы
Непорочнымъ обѣщаль.
3. Никакая добродѣтель
Не была такъ прекрасна,
Какъ непорочность,
Поднятая и на небеса.
4. Цвѣтѣть среди ангеловъ,
Какъ звѣзда свѣтлости,
Милая Богу
Своей непорочностью.
5. Райскій цвѣтъ
Состояніе дѣвственности,
Радостно постъ
Въ присутствіи Бога.
6. Тѣ будутъ имѣть на небесахъ
Ангельское общество,
Которые выдержали
Чистѣйшую дѣвственность.
7. Дорогими жемчугами
Украсить тѣло такого,
Будетъ у него блестѣть изъ го-
ловъ
Звѣздная корона.
8. Будемъ только любить
Эту Божескую добродѣтель,
Будемъ имѣть желаніе
Сохранить ее.
9. Ты получиши награду:
Мы будемъ ее имѣть на небѣ!
Ликъ, ликъ, ликъ
Божій мы тамъ узримъ.

¹⁾ Это слово, какъ все содержаніе пѣсни, указываетъ на ея книжный источникъ; однako въ Кантічкахъ этой пѣсни нѣть

3. Вар. В. 1. Жив. Стар. 1893. IV, 524. Совершенно тождественная последней
шесмь находится также въ сборнике Станевича.

Var broleli i vajską jote,
Vejna sesele žergą bałnoja,
Ontra sesele broli randoja,

Vo ši trečioji visų mažoji
Vartus atkele ir palydeje;
Jok, jok, broleli,
Jok, bałandeli;
Kada prijosi
Rajtum pułkelj?
Jote prijosiū
Ginte prigisu,
Dévas be-zina,
Arba sugrišu.

Гонять братца въ войско ъхать,
Одна сестрица коня сѣдааетъ,
Другая сестрица братца оплаки-
вааетъ,

А третья, самая младшая,
Ворота подняла и провожала его;
Поѣзжай, поѣзжай, братецъ,
Поѣзжай, голубчикъ;
Когда пріѣдешь
Въ полкъ конниковъ?
Ъхать пріѣду,
Зашпигать защишу,
Богъ только знать,
Вернусь ли.

4. Vejname dvare něks ne galeje ete: badykles vakščioje. Vejns klériks pakelevis vaižoudamas užvažiava pas tun ponu; anej buva išsidon-geni na tolej į keta botą, ir ons prašes į nakvynę, kad prijimtu; ir sake pona, kad na toriam, kon rangudyte ton pakelevi ir patys dabar tikta vejtas maž toriam, nałajmę musu dvare — badykles vakščio, na-b-galiam ten ba-bute; ons saka: «leskit muni, aš ten nakosu» ir nu-vede sluga, jleda anon į stoncyja; ons tureje su savem gromyčes žvakę ir kningas; užsidegęs žvakę, skatē kningas lig pat vejnioliktas adynas; vejniolikto adyno pradeje bałsaj žvongejemą aplink palociu ir vesap bałdytejs ir tujaus pradeje ar-tej stoncyjas ete ir tujaus atdarė durys ir įjej stoncyją bjaurio asabo ne žmogaus, ne gyvole ir lenciuga pas-kou viłkos; ateje pri to klérika pri ontra stała gala ir stojos, vo ons nusegondes na-b-skate knjngą, tikta sklade, vo badykle sake anam: «činap, ko ejška» ir stoveje, vo ons něka na sake ir sklade lig pat dviętka adyna pasibengont; pasibengus adyno pragyda gadys, vo badykle tujaus lenciugus viłkdamą eje pro durys ūauko, vo ons paskou eje ve-zete su žvakę gromyčes kame ana-

Въ одной усадьбѣ никто не могъ ходить: привидѣнія бродили. Одинъ клирикъ-страникъ на пути заѣхалъ къ тѣмъ господамъ; они переселились не далеко въ другой домъ; вотъ онъ сталъ проситься на ночлегъ, чтобы они его принялъ; и сказали господа, что мы не имѣмъ, гдѣ положить этого путника и сами теперь совсѣмъ мало имѣста имѣмъ: несчастіе въ нашей усадьбѣ, привидѣнія бродятъ, не можемъ мы тамъ больше быть; онъ говорить: «позвольте инѣ, я тамъ переночую» и привелъ его слуга, впустилъ въ комнату; имѣлъ онъ съ собой святую свѣчу и книги; зажегши свѣчу, читалъ книги до самаго одинадцатаго часа; въ одинадцатомъ часу начались звуки звона вокругъ дворца и всачески начало пугать и вотъ стало приближаться къ комнатѣ и вотъ отворило двери и вошло въ комнату въ обратительномъ видѣ: ни человѣка, ни скота и за этимъ влачилась цѣль; подошло къ тому клирику къ другому концу стола и стало, онъ же испугавшись уже не читалъ книги, а только перелистывалъ, присидѣніе же сказали ему: «знаю, чего ищешь» и стояло; онъ же ничего не сказаль, а все перелистывалъ до самыхъ 12 часовъ. Въ 12 пропѣль штухъ, и привидѣніе тотчасъ же пошло, влача цѣль, черезъ двери вонъ, онъ же пошелъ за имъ погладѣть со святой свѣчей,

apsistos; nneje po pałaciaus, apacos sklepo durys dare ir jeje ir tujaus prapoule badykle, vo klériks atdaręs durys pavezeje ir atrada daug grabun mirusių ponų sudetun; klaupęs pasimeklę ir praše Deva, kad doutu ženę, kon rek padaryte, kad badykles atstotu, ir išgerda balsą, kad rek doute atmenemus už dušes; pagriža atgal į stoncyją ir pasimeldęs atgole: nėks daugiau ne-bibade; ryta metą pona sjunte slugas pavezete, ar béra gyvas anun svets, vo atrade sveką, parsivede pri poną ir sakę, kap galeje išturete badymus. vo ons pasakojęs, kas dejos naktį, sake: «kad daugiaus ne-bi-badys, tikta donket didžius atmenemus už dušes ir parveškit kuneę, kad pošvėstu visus pałocius». Pona padékavoje už rodą ir tujaus pavašinę išleda svetį. Unt ryta tujaau parveže koneę, pašventena pałocius, dave atmenemus ir nėks daugiau na-bi-badė ir pona spakajne parsidongenę gyvena.

гдѣ оно остановится; спустилось подъ дворецъ, отворило нижнюю дверь въ погребъ и вошло и тотчасъ же пропало привидѣніе, а клерикъ, отворивши дверь, посмотрѣлъ и нашелъ иного сложеинъхъ гробовъ умершихъ господъ; вставши изъ колѣни, онъ помолился и просилъ Бога, чтобы онъ даль ему знать что нужно сдѣлать, чтобы привидѣніе отстало и услышалъ гласъ, что нужно сдѣлать поминовеніе за души; вернулся онъ назадъ въ комнату и помолившись легъ: больше уже никто не появлялся и не шумѣлъ; на утро госпожа послала слугъ посмотреть, живъ ли ихъ гость, и нашли его здоровымъ, привели къ господамъ, и сказали онъ какъ смогъ выдержать привидѣніе; рассказалъ же, что дѣлалось ночью, онъ сказалъ: «чтобы больше не пугало, сдѣлайте только богатое поминовеніе за души и привезите ксендза, чтобы освятилъ весь дворецъ». Госпожа поблагодарила за совѣтъ и угостивши отпустила гостя. На утро привезли ксендза, освятили дворецъ, сдѣлали поминовеніе и больше уже никто не пугалъ и го-спода, переселившись домой, жили себѣ спокойно.

V. Нулы.

1. Сказка о глазахъ рака. Вар. XII, 1. и Veckenstedt. «Die Mythen», ч. I. стр. 229.

Ketą kartą pon Dzėjs, sutveręs visorius givolius, jspaudę visims akys, ont gała atejes pri veže tare: «vežali! šeta tau be-leka mažteteles akeles». Vežys atsake: «no, tokes mažas įsobinę įkeškis». Ož ton pou Dzėjs anam patam jspande į ontrą gałą, ir deł to paleka vežys betores akys sobine ¹⁾.

Однажды Господь Богъ, сотворивши всѣхъ животныхъ, вдавливалъ всѣмъ глаза, наконецъ, придя къ раку, промолвилъ: «ну, рабечъ, тебѣ-то остались со всѣмъ маленькие глазки!» Ракъ отвѣтилъ: «ну, такие маленькие въ задъ себѣ сунь». За это Господь Богъ вдавилъ ему ихъ въ другой конецъ; и вслѣдствіе этого такъ и остался ракъ съ глазами въ заду.

2. Почему дрожать листы осины? Вар. M. 14, 117.

Ketą kartą motena Svenčiause bég-dama nu Eroda so sunelo į Egiptą,

Однажды Святѣшшая Мать, уѣгая отъ Ирова съ сыномъ въ Египетъ-землю,

¹⁾ Ср. I. 135, 4: Vežys, vežys.
Tur šiknø akys.

žemę, palūsus i atsistoje po apušes ir iš bajmes drebeje ir nuto īauko pradeje drebete lapa visun apošu.

3. Vejnā kartā gospodorius nūtvere cigoną kamaro be-vagont; gospodorius klausė: «ko tu če įjeje?» Cigons sake: «ama, tevali, mona doutes skaud ir ne-b-zinu, kur aš atejan». Gospodorius, išvedes īauko iš kamaras, pavadėnės šemyną, ketena įmušte; cigons sake: «ama, tevali; kondarysi, ton darysi, tikt par torą ne mesk». Gospodorius kopt už čupryną, šemyna už kojas, cigoną drejbt par torą. Cigons atsikeles: ba-pego tau na sogaunte cigoną kamaro, bet sugankes cigoną īaukuse! Ton pasakęs pabėga.

4. Vejnā kartā cigons eje vokte mėsos į pakriautę. Prisikrovės mają mėsos, noreje išeje īauko, bet napat-ropeje atdaryte tekroses durys į īauką; atedare durys į trobą. Ieje į trobą, cigons nusigonda; bet pasimyslijes, tarė: «ama, ieva, ar nori: tau atsju-unte bėsas iš pekla mėsos?» Gospodorius pažvelgės ont susipajšuse cigona, sake parsegondės: «ak su sava mėsa į pekla, aš nu bėsa nekokiu dovenu ne noro!» Cigons saka: «kad ne nori, ne nori; tad so Dejvo!» Rytą metą pavejze į pakriautę, na-béra mėsos.

уставши остановилась подъ осиной и отъ страха дрожала и съ того времени начали дрожать листья всѣхъ осинъ.

Однажды хозяинъ поймалъ за кра-жей въ коморѣ цыгана; хозяинъ спро-силъ: «для чего ты сюда вошоль?» Цы-ганъ сказалъ: «ама, батюшка, зубы у меня болять и ужъ самъ не знаю, куда пришелъ». Хозяинъ, выведя его вонъ изъ коморы, позвавши работниковъ, хотѣлъ бить его; цыганъ сказалъ: «ама, батюш-ка, что ужъ будешь дѣлать, такъ дѣлай, только черезъ заборъ не бросай». Хозяинъ хватъ за чуприну, работники за ноги, цыгана разъ! за заборъ. Цы-ганъ вставши: «чего ужъ тебѣ было не поймать цыгана въ коморѣ, а ты вотъ въ полѣ его поймай!» Сказавши это, по-бѣжалъ.

Однажды цыганъ отправился воро-вать мясо въ амбаръ. Набравши мѣшокъ мяса, хотѣлъ онъ выйти вонъ, но не потрафилъ отворить настоящую дверь на дворъ; отворилъ дверь въ избу. Войдя въ избу, цыганъ исчугался; но подумавши, промолвилъ: «ама, батюшка, хо-чешь что-ли? тебѣ черть изъ пекламяса прислалъ». Хозяинъ, взглянувши на измазанаго цыгана, воскликнулъ испу-гавшись: «пополь ты со своимъ мясомъ въ пекло, я отъ бѣса никакихъ подар-ковъ не хочу». Цыганъ говорить: «коли не хочешь, такъ не хочешь; тогда—съ Богомъ!» На утро посмотрѣли въ амбаръ, пѣть мяса.

Дѣтскія наѣсники.

Činldiná, muldiná,
Višta pečių kurina.
Gajdys małką snkapoje,
Šon žirgą pabałnojė
Ir išjojo pri ponnn,
Gava kroupin, īašiniun.
Vanags vištą peše,
Ont tarelkos neše,
Panę īapę pavadena,
Ont sledonians praše.

5. Чюльдинá, мульдинá,
Курица печь топить,
Нѣтухъ дровъ собралъ,
Собака коня оѣдлала
И поѣхала къ господамъ,
Добыла крупъ, сала.
Ястребъ курицу оициаль,
На тарелкѣ принесъ,
Госпожу лису пригласилъ,
На обѣдъ просилъ.

6. Kejlele, lakštutele,
Kejk to tori vakun?
Do ont souķa,
Do posouķa,
Do sētove,
Do lópišē;
Do godo, do konego,
Do staķoriu,
Do maķoriu,
Šimts maķka kerta,
Šesi jaunjē kule,
Vo aš vejna paniulate
Po zelvetiu kruma;
Na pa krumē augau,
Na karklinus gřiaužiau,
Pas tetoši augau,
Gryna douna valgiau;
Na skarotā nešiojau,
Na bagotā norejau,
Marškinelus devejau,
Už vajkele išejau.

6. Трясогузка, пташка,
Сколько у тебя детей?
Два на лавкѣ,
Два подъ лавкой,
Два въ омутѣ,
Два въ люлькѣ,
Два белорусса, (гуда)два ксендза,
Два столара,
Два маляра,
Сотня дрова рубить,
Шесть въ овинѣ молотять,
А я одна паночка
Подъ ивовымъ кустомъ;
Не подъ кустомъ выросла,
Не иву грызла;
У батюшки выросла,
Чистый хлѣбъ кушала;
Не лохмотья носила,
Не богатаго хотѣла,
Рубашки одѣвала,
За парня выходила.

VI. м. Шакиново. Шавельского уѣзда.

1. Ape Laumē. ¹⁾ Bap. Leskien. «Lixteretanische Volkslieder und Märchen». стр. 79. Schleicher. Lesebuch Латышский вариантъ въ сказкахъ, переведенныхъ и изданныхъ Тройландомъ. Наконецъ вариантъ ея имѣется и въ недавно вышедшемъ изданіи г. Довойна-Сильвестровича: Podania Žmudzkie» т. I.

Vēnā kartā gyvena sodo dve moteriškas. Vēna buva gera, o antra užvydelninka; geroji moteriška buva labaj bēdna, turējē sau uždirbti dūnā; vēnā kartā su sava mažu kudykiu išeja rugiu riši; dirbdama par kiaurā dienā, užmirša suvisu sava vajkā; parējusi vakare namo nusiganda priminusi, kad vajkā palika īauke; «jaudabar», saka «Laumēs nusmaugs mano kudiki»; bēg (=почти бѣз) ī īaukā nulindusi, gird pagirē Laumēs be-ķūķijant: «aā, aā, mano vajks!» Ir bije motyna arčians ejt, kad Laumēs ne apstotu, krita ir ne gyva; nū ryta atsikēlusi, bēg ī pagirē ir atrand po beržā īopšēl pakabytā, o īopšēly atrand sava kudykelj skanē be-mektant, aukšu apipiltā ir gražē paredytā; iš džiāng-

Жили однажды въ селѣ двѣ женщины. Одна была хорошая, а другая завистница; добрая женщина была очень бѣдна, должна была зарабатывать себѣ хлѣбъ; однажды со своимъ маленьkimъ ребенкомъ вышла жать рожь; работая цѣлый день, забыла совсѣмъ своего ребенка; придя вечеромъ домой она испугалась, вспомнивши, что оставила ребенка въ полѣ. «Уже теперь», говорить она: «Лаума замучить моего ребенка»; бѣжать въ поле печальная, слышитъ на опушкѣ: Лаумы покутъ: «аā, аā, дитя мое!» И боится мать ближе подойти, чтобы Лаумы ея не окружили, упала на землю и не жива; утромъ поднявшись, бѣжать на опушку и находить, что подъ березой повѣшена люлька, а въ люлькѣ находить своего ребенка сладко спящимъ,

¹⁾ Сказка записана отъ ксендза Рымовича.

sma ne žina, ką daryti; pakvėč susėdė ir parsineš rankūs vajką su turtais. Susėdė iš złostės ko ne sproksta; sułaukė vakarą, parėda savo kudikį gražę ir neš į pagirį; pati palikusi parbėg namo; atsisokusi bėg paklausytė, kajp Laumės sup jos kudikį ir girda: «aā, aā, meškos vajks». Nekantri myslija deł ko ne liuloj: «aā, aā, mano vajks!» Led tik sułaukė aušros, bėg susėdes kvėsti: «ejkiam, ejkiam: padėk šendiena muno vajką parnešty (=парнешты); Laumes tur but ne maziaus aukso palika»; atejn į pagirį, rand beržą sułaužytą ir vajką sudraskytą, o žarnas apė medį apvyniotas.

осыпанымъ золотомъ и прекрасно одѣтъ; отъ радости не знаетъ, что дѣлать; приглашать сосѣдку и приносить на рукахъ ребенка съ богатствами. Сосѣдка отъ злости чуть не лопается; дождалась вечера, прекрасно нарядила своего ребенка и несетъ на опушку, а сама оставивши прибѣгасть домой; повергнувшись бѣжитъ послушать, какъ Лаумы качаютъ ея ребенка и слышитъ: аā, аā, медвѣжье дитя. Въ нетерпѣніи она думаетъ, почему не поютъ: аā, аā, мое дитя. Едва только дождалась разсвѣта, бѣжитъ звать сосѣдку: «пойдемъ, пойдемъ: помоги сего дня мѣтѣ привести ребенка; Лаумы, должно быть, не меньше золота оставили»; приходить на опушку, находить березу сломанной, а своего ребенка разорванного и кишкы его намотанными на дерево.

VII¹⁾). Литературно-литовскій говоръ (за рѣкою Шалтоной по дорогѣ отъ Россіенъ).

1. Kada Diévas sutverė žvérius ir jus sulejda į rojų, tada keleta dienų jis atejdava pas jų pažiurėti jus, ne matė veži; klausė, kur jis yr, o jis atsakė jam: «kur tava akys, ar subine, kad ne mataj manes?» Diévas atsake jam: «tegul tava akys bunte, ne mana».

2. Iš visų žvérių, katus Diévas sutverė, buvo mandriausin vežys deł to, kad jis buvo melniku. Melnikavęs kelėtą metu jis pradėja vokti ir tajp jam nesivedė, ir visados jį sugaudava; tada jis atėja pas Diévą ir prašėjo, kad dūtu jam į ušpakalį akys, del to, kad jis ne mata, kajp jį nutter už svetiną dajktą. Diévas ne ilgaj laukęs, išėmė akys jo iš kaktos ir jidėja jam į ušpakalį. Turėdams akys užpakale, vežys suvisaj turėja parstot vokti, del to, kad jis ne galėja grejt paejti. Tada jis atėja vel pas Diévą ir praše, kad Diévas jam dūtu akys ir ušpakale ir priėsaky; ale Diévas atsake: «nėkam aš ne daviau po ketures akys, ir tu ne gausi».

1. Когда Богъ сотворилъ звѣрей и пустилъ ихъ въ рай, тогда черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ къ нимъ посмотретьъ на нихъ и не замѣтилъ рака; спросилъ, гдѣ онъ, тотъ же отвѣтилъ ему: «гдѣ твои глаза, въ заду что-ли, что не видишь меня!» Богъ отвѣтилъ ему: «пусты твои глаза будуть тамъ, не моя».

2. Изъ всѣхъ звѣрей, которыхъ сотворилъ Богъ, всѣхъ мудрѣе былъ ракъ потому, что онъ былъ мельникомъ. Проработавши нѣсколько лѣтъ, онъ принялъся воровать и такъ ему не везло, что всегда его ловили; тогда онъ пришелъ къ Богу и просилъ, чтобы онъ далъ ему глаза въ заду потому, что онъ не видѣть, какъ его хватаютъ за чужую вещь. Богъ, недолго думая, вынулъ его глаза изо лба и вложилъ въ задъ ему. Ихѣ глаза въ заду, ракъ долженъ былъ совсѣмъ нерестать воровать потому, что отъ не могъ уже быстро ходить. Тогда онъ пришелъ снова къ Богу и просилъ, чтобы Богъ далъ ему глаза и сперди и сзади, но Богъ отвѣтилъ: «никому я не даваю по четыре глаза, и ты не получишь».

¹⁾ Записано отъ Ивана Чепурнова таъ же, какъ дѣлъ слѣдующія сказки.

Tada vežys supyges ant sava sutver-tojaus sunėsė pri upės visus dajktus, katriė prigulėja pri jo melničės ir, suvertęs jus į upę, pasistatė saumel-nyę murinę (taj yra vurva krante). Praja (=praėja) kelėta dieną, upė uštyną ir jo melnyče suvisaj sugriove; o jis, sugavęs vienas tik girnas, pasiliika bėdnas.

3. A p e t a b o k a

Diévas syki liépė visums žolėms ateiti pas jį ir visas žoles ateja, viena tik taboka pasiliika rojuj. Diévas, ne matydams tabokas, klausė žoliu, kur pasiliika ji, ir kada jis dasižinoja, kad ji ne ateja, liépe jaj tūjaus pributti ir paklausė, del ko, ji ne ateja. Tada taboka atsake: del to, kad manj vi-sas mana tavorčkas apspjaude; tada Diévas vel klausė: «kodel tavę aps-pjaude visas žoles» ir taboka atsakė: «del to, kad Adoms su Iéva, kaštavodami smoką visų žolių, atrada manj, kad aš tabaj karti; ir del to manj apspjaude». Tada Diévas atsakė: «nu šios dienos visi tavę turės ir še-navos: didelis ir mažas». Ale vis visi, kada ruka, spjauda del to, kad vi-sas žoles, kad jos buva rojuj, aps-pjauda jį.

Тогда ражь, разозлившись на своего творца, снесъ къ рѣкѣ всѣ вещи, ко-торыя принадлежали къ мельницѣ, и, сбросивши ихъ въ рѣку, поставилъ себѣ каменную мельницу (это—иора на бе-регу подъ камнемъ). Прошло нѣсколько дней, рѣка вздулась и его мельница со-всѣмъ разрушилась; а онъ, поймавши только жернова, стала бѣднякомъ

3. O t a b a k ę.

Богъ однажды велѣлъ всѣмъ растеніямъ прійти къ нему и всѣ растенія пришли, только одинъ табакъ остался въ рамо. Богъ, не видя табака, спросилъ у ра-стеній, где онъ остался, и когда онъ узналъ, что онъ не пришелъ, велѣлъ ему сейчасъ же прибыть и спросилъ, почему онъ не пришелъ. Тогда табакъ сказалъ, «потому, что меня всѣ мои товарки оплевали». Тогда Богъ снова спросилъ: «почему же тебя оплевали всѣ растенія?» а табакъ отвѣтилъ: «потому, что Адамъ съ Евой, пробуя вкусъ всѣхъ растеній, нашли меня очень горькимъ; и поэтому они меня оплевали». Тогда Богъ отвѣтилъ: «съ этого дня всѣ тебя будуть держать и почитать: большой и малый». Но все-таки всѣ, когда курятъ, сплевы-ваютъ потому, что всѣ растенія, когда они были въ раю, оплевали его.

4. Bap. I. 5. Bez. 5.

1. Viša anžių užavojaū,
Ant smerče ne atbojaū;
Kad atėjė ta dienele.
Kad rejks man numirti.
2. Dirba grabą be durelių,
Viršuj be langelių,
Kad vejalis ne išpusti,
Saulele ne šviestu.
3. Tevelis su matušė
I grabą idėjo,
Brolelis su sėselė
Manj palydėjo.
4. Kaj važiavaū par girelę,
Girele žaliaivo,
Privažiavaū į bažnyčę,
Varpaj suzvanyjo.

1. Весь вѣкъ гудяла,
О смерти не думала;
Когда пришелъ тотъ часъ,
Что придется мнѣ умереть.
2. Дѣлаютъ гробъ безъ дверей,
Наверху безъ оконъ,
Чтобы вѣтеръ не дулъ внутрь,
Солнце не свѣтило.
3. Батюшка съ матушкой
Въ гробъ положили,
Братецъ съ сестрицей
Меня проводили.
4. Когда я ёхалъ черезъ лѣсъ,
Лѣсъ зеленѣлъ,
Пріѣхалъ въ церковь,
Болокола зазвонили.

5. Kunigelis, vargamistra
Manj pakrapino.
Ir nuneše i bažnyčę,
Kunigs mišas laiko.
6. Visas gentys-gimineles
Manes želavojo;
Kad nuneše ant kapela,
Idėjo į dūbę.
7. Visi žemes po saujelę
Ant manes užbirė.
Visas gentys-gimineles
Namo nuvažiavo;
Oaš viena vargdienele
Zemė palikau.

5. Ксендзъ, органистъ
Меня окропили,
И внесли въ церковь,
Ксендзъ отправляетъ службу.
6. Всѣ родные-родственники
Обо мнѣ пожалѣли,
Когда привезли на кладбище,
Опустили въ могилу.
7. Всѣ по горсточкѣ земли
На меня посыпали,
Всѣ родные-родственнички
Домой уѣхали,
Я одна несчастная
Въ землѣ осталась.

5. П о с л о в и ц ы. (Patarlęs)

Kajp idési, tajp rasi.
Kajp pasikłosi, tajp ir miegosi.
Išgraužk, kumaj, kad vajks mirė.

Ne klausk davyma, ale Dièva
padejima.
Suňa yr, dūnas nér; dūna yr, su-
łos nér.

Pas mus yr razums, pas durnius
pinigaj.
Mandrus galvą lauža, utelas
pakušę griauža.
Kas krašts, tej moda; kagałva,
tej razums.

Šoki, kajp varle preš dalge.

Какъ положишь, такъ найдешь.
Какъ постелешь, такъ и поспишь.
Выкуси, кумъ, коли дитя умерло (т.е.
кума уже не надо).

Не спрашивай о приданомъ, а о
Божьемъ согласии.
Сокъ есть, хлѣба нѣть; хлѣбъ
есть, сока нѣть.

(Березовый сокъ весной.)
У насть есть разумъ, а у дураковъ
деньги.
Мудрость голову ломить, а заты-
локъ вши грызутъ.
Что край, то мода; что голова,
то разумъ.

Прыгаешь, какъ лягушка на косу.

Собralъ: *A. Погодинъ.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

Замѣтки по изученію современной народной пѣсни.

*В. Н. Перетцъ. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды.
С.-Петербургъ. 1893.*

Г. Перетцъ, начавшій литературную дѣятельность разборомъ сборника угро-русскихъ пѣсень г. Врабля «Русскій Соловей» (Кіевская Старина 1892, № 6) и помѣстившій рядъ замѣтокъ и рецензій въ Живой Старинѣ и Библіографіѣ, выпустилъ недавно работу болѣе обширную, посвященную любопытному вопросу изученія современной лирической пѣсни. Вопросъ этотъ разматривался въ послѣднее время въ цѣломъ рядѣ работъ, изъ которыхъ наиболѣе важны до сихъ поръ: статья Н. И. Костомарова «Великорусская народная пѣсенная поэзія»¹⁾, Михневича «Извращеніе народнаго пѣснотворчества»²⁾, предисловіе къ «Сборнику русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень», Лопатина и Прокунина и книжка Львова: «Новое время—новая пѣсни» (Устюгъ. 1890), современной пѣснѣ посвященъ также рефератъ П. И. Тиховскаго: «Паденіе народной пѣсни»³⁾ и книга М. Огіевскаго «Новые элементы въ южно-русскомъ пѣснотворчествѣ», Спб. 1892.

Г. Перетцъ и изслѣдователь, и собиратель народно-пѣсенного обихода. Это обстоятельство имѣть и хорошую, и дурную сторону: ему легче судить о народномъ мировоззрѣніи, нежели человѣку знакомому только съ печатными текстами пѣсень, возможно близкое знакомство съ чертами народной символики и даже новая ея объясненія; но съ другой стороны, онъ скорѣе можетъ увлечься материаломъ, имъ самимъ записаннымъ, иногда даже поставить его выше другого подобнаго. Настоящая брошюра заключаетъ повидимому только начало изслѣдований автора въ области, имъ затронутой; три главы ея посвящены разбору трехъ мотивовъ,—притомъ авторъ не держится какой либо системы, а стоять въ зависимости отъ материала, ему извѣстнаго и взятаго повидимому случайно. Это конечно не недостатокъ; но болѣе систематичное изслѣдованіе несомнѣнно было бы полезнѣе и для самого автора, избавляя его отъ неизбѣжныхъ повтореній, быть можетъ даже вліяя на общую точку зрѣнія на предметъ.

¹⁾ Вѣсты. Евр. 1872, Май.

²⁾ Историч. Вѣсты. 1880, т. III, декабрь.

³⁾ Извѣстія IX Археологич. стѣзы въ Вильнѣ. Вильна. 1893, № 13, стр. 6—8. См. также ст. Г. И. Успенскаго «Новая народная пѣсни» въ «Русск. Вѣдом.» 1889, № 110 и замѣчанія на нее въ «Ѣтногр. Обозр.» 1889, II, 218.

Несомненнымъ недостаткомъ предисловія является отсутствіе доказательствъ тѣхъ положеній, на которыхъ авторъ настаиваетъ. Я нахожу, что главныя положенія автора, высказанныя имъ въ предисловіи къ книжкѣ, мало вытекаютъ изъ изученія трехъ пѣсенныхъ мотивовъ; они априорны, изслѣдованіе ихъ не оправдывается. Если бы авторомъ былъ принять болѣе широкій кругозоръ, обнимающій возможно большее количество фактовъ и наблюденій надъ ними, точка зрѣнія была бы правильнѣе. Предисловіе г. Перетца довольно обширно и даже «широковѣщательно», давая, впрочемъ, мало фактическихъ поправокъ мнѣній установленныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытаясь отвергнуть ихъ.

«Какъ при изученіи литературы часто берутъ исключительно произведения замѣчательныхъ писателей для характеристики идей, господствовавшихъ въ обществѣ въ данную эпоху, такъ зачастую и изслѣдователи въ области народной поэзіи обращаютъ свое вниманіе исключительно на тѣ пѣсенные мотивы, которые представляютъ наибольшій интересъ по своему художественному достоинству, забывая, что подобныя пѣсни уже отжили свой вѣкъ и выгѣсняются новыми. Мы полагаемъ, что при изученіи народной поэзіи важно обращать вниманіе не столько на мотивы, поражающіе чувство изслѣдователя, сколько на имѣющіе наибольшее распространеніе среди цѣлаго народа». Таково главное положеніе автора. Мы кажется, что тутъ смѣшаны двѣ стороны изученія народного творчества. Пѣсня есть, во первыхъ, памятникъ художественного творчества, во вторыхъ, материалъ для характеристики народа. Въ первомъ случаѣ она по преимуществу подлежитъ изученію историка литературы, во второмъ — этнографа. Только какъ материалъ чисто этнографической *всякая* пѣсня заслуживаетъ вниманія. Однако, даже при такой постановкѣ вопроса не зачѣмъ впадать въ крайность: въ тирадѣ г. Перетца необходимо замѣнить: «не столько, сколько» словами: «не только, но и...» А между тѣмъ, авторъ собственно не этнографъ; онъ смотритъ на изученіе пѣсни, какъ памятника литератураного... Противорѣчіе у него сказывается тотчасъ же, такъ сказать между словомъ и дѣломъ. Авторъ занимается не сбирушками, частушками, фабричными, искаженными и т. п. пѣснями, противъ которыхъ ратуютъ главнымъ образомъ гг. Лопатинъ, Тиховскій и другие, а мотивами старыми, и и о г д а толькъ измѣнившимися по формѣ, такъ сказать «старыми погудками на новый ладъ». ¹⁾ Провести рѣзкую опредѣленную грань между пѣсней «новой» и «старой», конечно трудно. Романсы распѣвались народомъ еще въ концѣ прошлого вѣка; по крайней мѣрѣ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ пѣсеники. Впрочемъ, только съ половины текущаго столѣтія они завоевали себѣ широкое мѣсто. Такимъ образомъ, фактъ порчи старой чисто народной пѣсни несомнѣнъ, и эта порча началась давно. Но только въ послѣдній 3—4 десятилѣтія особенно часто и съ каждымъ годомъ все настойчивѣе раздаются голоса о преображеніи въ народно-пѣсенномъ обиходѣ фабричныхъ и трактирныхъ мотивовъ. Рядомъ съ ними, а также съ искаженными романсами и литературными стихотвореніями идетъ прямо вырожденіе пѣсни, выражающееся въ коротенькихъ заѣвочкахъ, сбирушкахъ, — обрывкахъ старыхъ пѣсень, и въ невобразимой путаницѣ стиховъ, образовъ и мотивовъ изъ разныхъ пѣсень, причемъ для созиданія новой пѣсни изъ такихъ безобразныхъ обрывковъ одинаково употребляются и стихи чисто народной пѣсни, и искаженные литературными стихотвореніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Перетцъ, говоря свои «не столько, сколько», не замѣчаетъ еще и того, что съ его точки зрѣнія изученіе произведеній Гоголя и гр. Л. Н. Толстого; вѣдь первая куда распространеннѣе. Если же взять даже одно изученіе исключительно этнографическое, то и оно потеряетъ немалую часть своего значенія по подобной односторонности. Неужели же въ самомъ дѣлѣ для этнографа должно отсутствовать чувство художественности?

¹⁾ Подъ новой пѣсней мы разумѣемъ именно пѣсню фабричную, искаженный романсы, обрывки и искаженія литературной пѣсни, конгломератъ изъ отрывковъ разныхъ пѣсень, безсодержательные куплеты въ 4, 3 и 2 стиха и т. п.

Далѣе г. Перетцъ борется такъ сказать съ вѣтряными мельницами. Вопреки его увѣреніямъ, всякий, съ исторической точки зрења, понимаетъ, что современная народная пѣсня явленіе естественное, что положеніе ея переходное. Все это указано и разъяснено гораздо подробнѣе въ предисловіи къ «Сборнику» Лопатина и Прокунина ¹⁾. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ закончится такое переходное положеніе. Создасть ли народъ, «не успѣвшій еще сложить, выработать своей (пѣсни), не осмотрѣвшись, не успѣвъ (sic) еще привыкнуть къ новой цивилизациі» новую пѣсню (инѣе г. Перетца), или замолкнетъ навсегда чисто народная пѣсня, и ее, какъ во многихъ мѣстахъ Зап. Европы, замѣнить пѣсня литературнаго характера, со-зданная личнымъ творчествомъ? Вопросъ конечно спорный.

Называть ли новыя пѣсни и пошлыя искаженія старой пѣсни паденіемъ пѣсни, какъ это принято, или «безотносительнымъ плюсомъ» въ народномъ творчествѣ, какъ настаиваетъ нашъ авторъ, въ сущности неважно. Я укажу только, что мнѣніе г. Перетца объ этомъ безотносительномъ плюсѣ не установленнѣе. Въ одной своей статьѣ, печатавшейся почти одновременно съ первымъ этюдомъ («Библографъ», 1892, № 12, стр. 418), онъ между прочимъ говорить: «Современное паденіе пѣсни не есть явленіе случайное: оно вызвано рядомъ подготовительныхъ явленій»... Да, и собственно говоря, не г. Перетцу первому принадлежитъ честь восхваленія тѣхъ пѣсень, которыхъ г. Лопатинъ называетъ безобразными. Это мнѣніе высказано еще Г. И. Успенскимъ и г. Львовымъ. ²⁾ Можно сказать только одно, что даже стоя на точкѣ зрења исторической, мы можемъ объяснить явленіе, но не должны видѣть въ немъ прогрессъ, плюсъ. Развѣ все послѣдующее есть дальний ростъ, сравнительно съ предыдущимъ? Напримѣръ, мы въ настоящее время не видимъ талантовъ, сплынѣвшихъ, нежели наши писатели сороковыхъ годовъ, не видимъ въ Россіи изслѣдователей народной поэзіи болѣе глубокихъ, чѣмъ былъ А. А. Потебія. Однако, мы не скажемъ, что новые писатели характеризуютъ прогрессъ въ нашей литературѣ, новые изслѣдователи прогрессъ въ наукахъ; исторически же объяснить эти явленія можно.

Не останавливаясь болѣе подробно на предисловіи г. Перетца, я коснусь только нѣкоторыхъ его мыслей. «Какъ съ первого взгляда ни странно, пишетъ онъ, но пѣсни Дельвига, Кольцова и другихъ «народныхъ», поэзіи еще менѣе устойчивы въ народной средѣ, (нежели заимствованные пѣсни чисто литературнаго характера), хотя мы находимъ ихъ почти во всѣхъ пѣсенникахъ и христоматіяхъ. Подобное явленіе кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятіемъ: если въ стихотвореніяхъ Пушкина, Лермонтова, даже въ замысловатыхъ куплетахъ новѣйшей оперетки, народный слухъ поражается чѣмъ-то новымъ, невѣданнымъ и потому занимательнымъ, то въ пѣсняхъ Кольцова и другихъ народъ замѣчаетъ лишь подражаніе себѣ и вполнѣ, на нашъ взглядъ, логично предпочитаетъ свою безхитростную родную пѣсню пѣснѣ, быть можетъ въ художественномъ отношеніи прекрасной, но поддѣльной». Желательно но знать, чѣмъ подтвердить авторъ свое, такъ категорически высказанное, положеніе. (Не говорю уже о странномъ смѣшнѣи поддѣльныхъ пѣсень Дельвига и пѣсень Кольцова. Откуда известно, что Кольцовъ поддѣльвалъ пѣсни?) Для г. Перетца нѣть никакого значенія въ томъ, что пѣсни Кольцова встрѣчаются въ пѣсенникахъ. Если его слова основаны только на личныхъ наблюденіяхъ, то значеніе ихъ конечно весьма слабо, такъ какъ онъ записывать пѣсни преимущественно въ одной мѣстности (небольшомъ углу Новгородской губ.), притомъ сравнительно недолгое время. Если судить по сборникамъ пѣсень, то мы почти не встрѣтимъ въ нихъ пѣсень Кольцова. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что подобными пѣсни собратели рѣдко заносятъ въ свои записи. Но вотъ что говорить, между прочимъ, г. Студитскій въ предисловіи къ своему сборнику Новгородскихъ пѣсенъ: «Естественно, что нашъ народъ увлекается сочиненіями

¹⁾ См. напр. стр. 26.

²⁾ См. еще замѣчанія А. С. Гацкскаго въ «Нижег. Сборн.», 1875, т. V, стр. 173—174.

постовъ и мало по налу забываетъ созданія своихъ предковъ; такъ теперь уже поютъ пѣсни Кольцова. Въ этомъ я убѣдился еще тогда, когда собираль пѣсни Вологодской и Олонецкой губ.» (т. е. за 20 лѣтъ до записей въ Новг. г.)¹). Одна пѣсня Кольцова даже попала въ сборникъ А. Можаровскаго²). Итакъ, есть факты, опровергающіе категорически высказанное положеніе г. Перетца.

Нѣкоторыя сужденія автора темы и запутанны³). Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разбраться въ слѣдующей тирадѣ? Пѣсни литературнаго происхожденія «поются въ народѣ въ редакціяхъ сравнительно близкихъ къ литературнымъ, съ небольшими варіантами въ отдельныхъ словахъ; тема и разиѣръ ихъ остаются и не прикосновенныи. Оиѣ не остаются прочно въ народной средѣ, не усваниваются органически, а только прилаживаются къ народному вкусу и выраженіямъ и поются въ искашенномъ видѣ, оставаясь чуждыми народу, какъ безобразные наросты носящему ихъ дереву». Гдѣ же, собственно говоря, правда? Если же пѣсни чисто литературнаго склада чужды народу, то само собой разумѣется ближе къ нему пѣсни Кольцова. Нѣсколько иначе, по мнѣнію нашего автора, дѣло обстоитъ съ такъ называемыми странствующими мотивами, которые, по словамъ его, въ большинствѣ случаевъ литературнаго происхожденія. (Но почему различіе въ восприятіи тѣхъ или другихъ пѣсень, одного происхожденія,—невыяснею?). «Въ такой пѣснѣ—говорить авторъ—ненародное сравненіе, образъ-символъ неестественный и не гармонирующий съ дальнѣйшимъ развитіемъ темы—все это стирается, а иногда замѣняется (?) новымъ (?); съ другой стороны иногда одинъ намекъ на образъ въ пѣснѣ литературной вызываетъ его развитіе въ народной обработкѣ». Оказывается, что то, что ближе къ народнымъ понятіямъ, то и воспринимается народомъ. Изъ всего этого ясно-только одно, какъ мало продумалъ авторъ все иль написанное.

Я назвалъ предисловіе г. Перетца широковѣщательнымъ. «Мы полагаемъ, между прочимъ говорить онъ, что изученіе вародныхъ пѣсень, какъ самостоятельно развивающихся, такъ и считаемыхъ заимствованными изъ литературы, должно быть основано на возможно широкомъ сравненіи, какъ основныхъ мотивовъ, такъ и отдельныхъ чертъ... Такимъ образомъ изученіе великорусской пѣсни предполагаетъ параллельное изученіе бѣлорусской, даѣтъ малорусской...» Новаго тутъ ничего нѣтъ, все это—вещи признанные давно; г. Перетцъ только идеть по стопамъ своихъ предшественниковъ. Напрасно также онъ указываетъ на то, что по изученію бытовыхъ и лирическихъ пѣсень у насъ сдѣлано мало. «Трудность изученія послѣднихъ пѣсень увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому начинающему приходится самому разыскивать необходиное въ массѣ неразобранныаго, неразработаннаго и даже не систематизированнаго материала, и такимъ образомъ тратить немало времени на черновую подготовительную работу. Если намъ не удастся въ нашихъ очеркахъ дать прочныхъ обобщеній, то будемъ надѣяться, что собравъ материалъ, мы своими сопоставленіями, хотя отчасти, подготовимъ почву для дальнѣйшихъ изслѣдованій». Правда, лирическія народныи пѣсни недостаточно изучены. Но, помимо того, что въ цѣломъ рядъ новыхъ сборниковъ указаны варіанты, нерѣдко даны любопытныи сближенія, примѣчанія,—помимо всего этого, въ нашей литературѣ есть капитальнѣйший трудъ Потебни по объясненію малорусскихъ народныхъ пѣсень, дающій новымъ изслѣдователямъ и массу систематизированнаго материала и точку отправленія при его изученіи... Гораздо лучше было бы, вѣтъ всего этого, указать тутъ

1) Ф. Студитскій. Народныи пѣсни, собранныи въ Новгородской губ. Спб. 1874 г., стр. 4—5.

2) Святочныи пѣсни, игры и гаданія Казанской губ. Казань. 1873 г. Предисловіе, II и стр. 27.

3) Эту запутанность и неопределѣленность положеній и выраженій нашего автора довольно подробно указалъ уже рецензентъ «Этногр. Обозрѣнія» (1894, кн. XX, № 1, стр. 136—139), относившійся въ общемъ къ книгѣ г. Перетца очень сочувственно. Къ сожалѣнію, авторъ упомянутой рецензіи остановился подробно только на предисловіи и не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній о большей и важнѣйшей части книги. Соглашаясь со многими его замѣчаніями, я не буду касаться поэтому затронутыхъ имъ вопросовъ.

же сразу, что въ своихъ этюдахъ авторъ имѣть хорошихъ предшественниковъ, приведшихъ большую часть сопоставлений, которыхъ г. Перетцъ дополнить сравнительно не-значительными количествомъ указаний. Такая оговорка была бы болѣе уместна, нежели скромное заявленіе своихъ заслугъ.

Переходя къ первому этюду, посвященному пѣснямъ о постриженіи, спѣшу оговориться, что не имѣю намѣренія дополнять изслѣдованія г. Перетца новыми соображеніями и материалами. Я ограничусь лишь разсмотрѣніемъ выводовъ автора и материаловъ преимущественно изъ тѣхъ сборниковъ народнаго творчества, которые, судя по ссылкамъ, были въ рукахъ автора.

Передъ нами пѣсня, известная съ двадцатыхъ годовъ XVIII в. и приписываемая ираданіемъ царицѣ Евдокіи, постриженной Петромъ I. Содержаніе ея (по варианту, записанному кн. В. Ф. Одоевскимъ):

Возлѣ милаго сижу млада,
Меня милаго другъ журить-бранить,
Въ монастырь ити велить.
Постригись, моя не млада,
Посхимишь, постыдая..
Я поставлю нову келейку
Въ зеленомъ саду подъ яблоней,
Прорублю я три окошечка:
Первое—ко Божьей церкви,
Другое—то—во зеленый садъ,
Третье—то—во чисто поле...
Случилось Ѳхать князьимъ-боярамъ».
Они спрашиваютъ: «Что за келейка?...
Отвѣчала имъ монахиня:
«Я пострижена самимъ царемъ,
«Я посхиlena Петромъ Первымъ,
«Чрезъ ёго змѣю лютую».

По поводу этой пѣсни г. Перетцъ говорить: «Хотя при неопределѣленности указанія послѣднихъ стиховъ можно отнести эту пѣсню и къ другимъ лицамъ, постриженнымъ Петромъ, напримѣръ, къ сестрѣ его царевнѣ Софѣѣ Алексѣевнѣ, однако Безсоновъ ни мало не постыдился приписать ее именно царицѣ Евдокіи». Слова эти крайне грубы и крайне несправедливы. Изъ пѣсни ясно видно, что въ ней говорится о постриженіи мужемъ жены; царевну Софью разумѣть здѣсь невозможно ни въ какомъ случаѣ. Кроме того, г. Безсоновымъ указано, что известно документально о существовании этой пѣсни съ именемъ царицы Евдокіи въ началѣ XVIII столѣтія, что она была запрещена при Петре II, что канониръ Носовъ за пѣніе этой пѣсни былъ бить шпицрутенами. Само собой разумѣется, что никто не станетъ безусловно утверждать, что пѣсня эта должна быть непремѣнно сочинена несчастной царицѣ. Быть можетъ, она только пріурочена къ имени царицы Евдокіи¹); но пріуроченіе это сдѣлано такъ удачно, что въ пѣснѣ нѣтъ никакого противорѣчія дѣйствительно бывшему. Извѣстно, что царь дѣйствительно сначала уговаривалъ жену принять монашество и послѣ ея отказа постригъ ее.

При разсмотрѣніи этой пѣсни авторъ исходить изъ признака случайного для пѣсни о постриженіи, именно изъ способа построенія кельи (съ тремя окнами). Прежде всего

¹) Сравни слѣдующее замѣчаніе г. Безсонова при приведеніи варианта этой пѣсни безъ имени: «Вотъ еще ступень дальнѣйшей передѣлки, а можетъ быть первообразъ, къ которому примѣнила свою пѣсню царица». Пѣсни, собранные П. В. Кирѣевскимъ, в. 8, стр. 112.

замѣтимъ, что далеко не все пѣсни о постриженіи говорятъ о трехъ окнахъ: этого жанра не знаютъ: пѣсня о насильственномъ постриженіи дочери матерью противъ желанія отца, записанная г. Перетцемъ, пѣсня царевны Ксении, пѣсня постриженной Ioannomъ царицы¹⁾). Эти пѣсни²⁾ авторъ не виесъ въ кругъ своего изслѣдованія,³⁾ а между тѣмъ онѣ, отличаюясь значительнымъ разнообразіемъ содержанія, показываютъ, что не смотря на довольно обычное явленіе факта постриженія въ древней Руси, и а родъ умѣлъ создавать по различнымъ поводамъ разнообразныя пѣсни, не довольствуясь, такъ сказать, одной формулой подобной пѣсни и пріуроченіемъ ея только къ извѣстному имени. Съ другой стороны, три окна встрѣчаются и въ пѣсняхъ свадебныхъ—какъ это отметилъ г. Перетцъ. По моему мнѣнію, три, иногда четыре (по четыремъ сторонамъ свѣта) окна являются въ пѣсняхъ, имѣющихъ отношеніе къ ожиданію, тоскѣ по миломъ, и можетъ быть, изъ пѣсень подобного содержанія перешли и въ пѣсни о постриженіи. Про дѣвушку, напримѣръ, прошла недобрая слава, что ходила къ милу другу. Родители разгневались.

Что построилъ мнѣ сударь батюшка темницу,
Безъ дверей—то онъ построилъ, безъ окошечъ,
Что одна только у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
Проруби ты мнѣ, сударь-батюшка, три оконка,
Ужъ какъ первое окошко въ чисто поле,
А другое то окошко въ садъ зеленый,
А какъ третье-то окошко на сине море⁴⁾.

На синемъ морѣ плыветъ корабликъ, на немъ дружечекъ; она зоветъ его, машетъ платкомъ, но онъ не слышитъ ея голоса, не видить я. Тутъ нѣть ни слова о постриженіи.

Другая подобная пѣсня говорить также о разлука съ милымъ. Дѣвушка просить отца:

Государь мой, батюшка!
Ступай ты ва темнай лѣсь,
Сруби сырой дубецъ,
Састрой мнѣ горинку,
Горинку новуя,
Съ четырьмя акнами.
Первая акошка—
На синя моря дарошка;

А другая акошка—
Черезъ зелянъ садъ дарошка;
А третья акошка—
Аткыль солнушка исхода,
А чатвертая акошка—
Атныль милай друхъ приходя,
Онъ подарачикъ принося⁵⁾...

Иногда не обозначается число оконъ; напр., въ причитаніи по рекрутѣ говорить жена:

И по фатерушкѣ вѣдь буду тутъ похаживать,
Изъ окна въ окно безчастная поглядывать⁶⁾...

¹⁾ Пѣсни Кирѣевскаго, VI, 202—204.

²⁾ См. также Русскій Филологіческій Вѣстникъ 1881 г., т. V, стр. 260.

³⁾ Целѣдія не упомянуты; первая приведена только въ дополненіе «къ этюду о пѣсняхъ, повѣствующихъ о насильственномъ постриженіи», (стр. 17).

⁴⁾ Пѣсни Кирѣевскаго, VIII, 112.—Срвн. пѣсню Вологодск. губ. записанную Н. Иванѣцкимъ «Вологодск. Сборн.», т. III, 1883, стр. 35—37.

⁵⁾ Халанскій. Народн. пѣсн. Курской губ. Русскій Филологіческій Вѣстникъ, 1881, VI, 285.

⁶⁾ Е. Барсовъ. Причтанья Сѣв. края, II, 140.

Часто является одно окно ¹⁾, три или четыре стороны ²⁾.

Любопытною чертою, общую для многихъ пѣсень объ ожиданіи милаго, а также пѣсень о постриженіи является синее море, откуда именно должно явиться ожидаемое лицо. Повидимому появление его въ пѣсняхъ, говорящихъ о тоскѣ, объ ожиданіи более у мѣста. ³⁾

Но послѣднемъ за авторомъ рассматриваемой книжки. Онъ указываетъ на присутствіе трехъ оконъ: 1) въ пѣснѣ о князѣ Василіи (въ которой его молодая вдова идетъ въ монастырь; одно окно выходитъ на сине море, гдѣ утонулъ князь); 2) въ приведенной нами выше пѣснѣ (изъ сборника Кирѣевскаго) объ ожиданіи милаго; 3) въ пѣснѣ молодца, который желаетъ постричься въ монастырь; 4) въ малорусской пѣснѣ (изъ сборника Чубинскаго, т. V, 806); 5) въ записанной авторомъ пѣснѣ о добровольномъ постриженіи дѣвушки, которой постыль мѣръ ⁴⁾). Послѣ всего этого слѣдуетъ довольно неожиданное заключеніе ⁵⁾: «Изъ ряда приведенныхъ параллелей можно заключить (?), что скорѣе изъ ранѣе существовавшей бытовой пѣсни возникла историческая, чѣмъ наоборотъ. Царіцѣ Евдокіи, быть можетъ и принадлежать нѣкоторыя частныя измѣненія, но самая пѣсня создалась гораздо раньше, вызванная не однимъ явленіемъ, а цѣлымъ рядомъ постриженій, вошедшихъ въ обыкновеніе. Черты насильственного постриженія вѣроятно лишь внослидствіи привнесли къ общей схемѣ пѣсни и такъ не надолго (?), что теперь совершенно (?) утратились. Общая же тема—постриженіе въ монашество вслѣдствіе житейскихъ невзгодъ и неудачъ—живетъ и понынѣ въ пѣсенномъ обиходѣ русскаго народа. Въ сборникахъ пѣсень другихъ народовъ мы нигдѣ (?) не находимъ подобной пѣсни; отсюда мы должны заключить о ее самобытности на велико-русской (почему же не на общерусской, если авторъ вслѣдъ за И. В. Кирѣевскимъ, приводить и малорусскій варіантъ этой пѣсни ?) почвѣ. Что же касается общаго (?) мѣста, построенія кельи съ тремя окнами, то оно могло быть по всей вѣроятности заимствовано изъ житія св. Варвары-великомученицы, которое ранье, и теперь является любимымъ чтеніемъ народа. Особенно близка къ житію пѣсня, которую мы находимъ у Чулкова». Это заключеніе можетъ вызывать недоумѣнія. Итакъ, пѣсни о насилии и о постриженіи представляютъ, такъ сказать, наслѣдіе въ общей первоначальной схемѣ добровольного постриженія, притомъ наслѣдіе, державшееся недолго. Пѣсни о постриженіи являются ли только въ русской поэзіи? Нѣтъ. Въ сборникѣ нѣмецкихъ народныхъ пѣсень Миттлера, на который у г. Шеретца есть ссылка на стр. 31, есть цѣлый рядъ пѣсень о постриженіи: 5 варіантовъ пѣсни: die Nonne, снова два варіанта подобной пѣсни и 12 варіантовъ пѣсни Klosterleben.) Между русскими пѣснями о постриженіи и нѣмецкими есть много общаго, объясняемаго конечно незаимствованіемъ, а одинаковыми условіями быта. Прежде всего всѣ нѣмецкія пѣсни женскія. Идетъ въ монастырь бѣдная невѣста; ея женыхъ слишкомъ поздно рѣшается жениться на ней. Его встрѣчаетъ уже монахиня.

Das Nönnlein kam gegangen
In einem schneeweissem Kleid;
Ihr Haar war abgeschnitten,
Ihr rother Mund war bleich.

¹⁾ Халанскій. Нар. п. Курск. г. Рус. Фил. В. 1882, VII, 81; Е. Барсовъ. Причи-
танія. II, 119, 168.

²⁾ Барсовъ. Причи-танія II, 130; I, 103.

³⁾ Срвн. еще ст. Е. Передѣльскаго въ «Сборн. матер. для опис. Кавказа», т. III,
отд. II, стр. 39.

⁴⁾ Первые 3 пѣсни указаны П. А. Безсоновымъ.

⁵⁾ Стр. 16.

⁶⁾ Deutsche Volkslieder, Sammlung von F. Mittler, стр. 230, 236, 587.

Или по другому варианту:

Ihre Wänglein sind verblichen.
Ihr Haar ist abgeschnitten,
Sie hat ein Köpplein auf.

Весьма близокъ къ этиимъ стихамъ конецъ пѣсни, записанной г. Перетцемъ ¹⁾:

Папенька идеть и князя ведеть;
Князь молодой удивляется;—
Чья это шапочка на столикѣ лежить?
Чья это руса коса на гвоздикѣ висить?
Чья это монашина хорошая сидить?
— Князь молодой, ступай съ Богомъ домой,
Ужъ вѣрно мвѣ, дѣвицѣ, не быть за тобой.

По одному варианту однако:

Die Nonne stand an der Seit,
Sie hörte die Rede (рыцаря-жениха у воротъ mit Freund,
Den Habit liess sie fallen:
— Gute Nacht, ihr Schwestern alle.
Mit dem Ritter zieh ich fort.

Съ этиимъ окончанiemъ можно сопоставить пѣсню изъ «Сборника русскихъ народныхъ пѣсень, собранныхъ М. Балакиревымъ» ²⁾.

Не спасибо тѣ, игумну тебѣ,
Не спасибо тѣ безсовѣстному,
Молоденъку въ монашenки постригъ...
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны слушать,
Что мое дѣло скакать да плясать;
Инъ я посохъ-оть подъ лавку брошу,
Манатенчку на столъ положу,
Подари поди подруженьку мою.
Подари душу молоденъку з.).

Въ пѣсняхъ, озаглавленныхъ Klosterleben, насильно постригаемая (отпомъ) или постриженная дѣвушка жалуется на свою горькую участь; ея жалобы иногда совпадаютъ съ жалобами царевны Ксении:

Es ist kein schwereres Leben,
Als in das Kloster gehn.

Молитвы, поклоны, одиночество, отсутствiе милаго—вотъ что представляеть монашеская жизнь.

¹⁾ Стр. 18.

²⁾ 1891, № 16.

³⁾ Сравн. также игровую пѣсню въ сборнике Можаровскаго: «Святочн. пѣсни и гаданія Казан. г.» 1873, стр. 67, № 11.

Что пѣсни о постриженіи очень распространены у разныхъ народовъ, это можно было бы знать г. Перетцу хотя бы изъ сборника *Pjesnički hornych a dolnych Lužickich Serbow, wudate wot L. Hawpta a I. E. Smolerja*, на который онъ ссылается на стр. 26. Въ примѣчаніи къ пѣснѣ L¹) указанъ цѣлый рядъ немецкихъ, голландскихъ, датскихъ и шведскихъ пѣсень о постриженіи²).

Въ сборникѣ пѣсень словинскихъ, на который у нашего автора есть ссылка на стр. 42, есть пѣсня Богу загошена³), содержаніемъ которой певидимому можно объяснить, почему именно мать настаиваетъ на постриженіи дочери:

— Moj lübi Bog predragj,
Kaj pa sem pregeršila,
Kam zútra dušo pistila?
— Ne si ti pregeršila,

Mati je pregeršila,
Kite je na svět rodila.
Kite je na svět rodila,
V minski klošter obecala...

Уже указано было, что 3 окна не составляютъ непремѣнного атрибута русскихъ пѣсень о постриженіи. Большая натяжка заключается въ сближеніи житія св. Варвары. «Въ житіи св. Варвары приказываетъ мастерамъ прорубить три окна въ строющемся зданіи и затѣмъ, объяснивъ въ честь кого она это сдѣлала, подвергается гоненію и казні, обнаруживъ свою истинную религию». Прежде всего необходимо было бы объяснить, въ какомъ зданіи были прорублены три окна; они явились не въ башнѣ, въ которой спасалась св. Варвара, а въ башнѣ. Три окна въ житіи—въ честь св. Троицы. Значеніе же трехъ оконъ въ нашихъ пѣсняхъ совершенно иное. Если такъ, то общаго между житіемъ и пѣснями только вѣнчаная черта 3 окна. Если же обратить вниманіе на то, что 3—число эпическое, что окна не играютъ существенной роли въ пѣсняхъ о постриженіи, что въ цѣломъ родѣ подобныхъ пѣсень они отсутствуютъ, что они являются притомъ въ разныхъ значеніяхъ, то иѣ кажется, необходимо признать предположеніе (не выводъ) г. Перетца о связи житія съ пѣснями постриженіемъ и недоказаннымъ⁴).

Еще одно замѣчаніе по поводу первого этюда. На стр. 17 книжки г. Перетца читаемъ: «Образъ заключенной дѣвушки, страдающей отъ своихъ родителей, въ частности отъ отца, перенесенъ быть (т. е. изъ житія) со всѣми подробностями (?) въ пѣсню и примѣненъ къ невольно постриженной женѣ, точно также какъ пѣсни купальскіи, повѣствующія о гибели (?) дѣвушки, послужили основаніемъ пѣсни о царевнѣ Ксении Годуновой». Засимъ слѣдуетъ ссылка на «Историческія Очерки» О. И. Буслаева. Тутъ положительное недоразумѣніе. О. И. Буслаевъ указываетъ на связь пѣсень съ вадебныхъ съ пѣснью царевны Ксении. Мионческая гибель дѣвушки явилаась вслѣдствіе непониманія слѣдующаго мѣста у П. А. Безсонова⁵): «Плачъ Ксении по мотивамъ и складу близко сходится съ Купальниками, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ иантемъ Купалы въ Купальскую ночь».

¹) I, стр. 347—348.

²) Срв. также 52 стр. II тома этого изданія: *Próznicki serskeho ludu we górejencych a dolojencych Lužycach, Grzyme. 1843.* О не русскихъ пѣсняхъ о постриженіи см. появившися позже книги г. Перетца, статью К. Уленбека «Нидерландскія народныя пѣсни»—*Живая Старина. 1893, кн. II, стр. 187—190.*

³) *Narodne pesni Hirske. 1839, I, 63.*

⁴) Почему трудно исходить изъ признаковъ, подобныхъ 3 окнамъ, ясно изъ замѣчанія Гильфердинга о мѣстахъ типическихъ и переходныхъ («Онежскія былины», стр. XXVII) и Ровинскаго объ общихъ мѣстахъ въ былинкахъ и сказкахъ («Народныя картинки», V, 103).

⁵) Пѣсни Кирѣевскаго, приложение къ вып. VII, стр. 61.

Не задаваясь широкими обобщениями, важнее было бы проследить историческую пьесу о пострижении, указать ихъ поэтическія черты, историческую основу и перейти наконецъ къ пьесамъ болѣе новаго тида, гдѣ постриженіе является уже какъ бы пережиткомъ, отзукаомъ далекаго прошлаго ¹⁾.

Что касается пьесы о пострижении дочери материю ²⁾, записанной г. Перетцемъ, то вопреки увѣреніямъ нашего автора, она извѣстна въ печати. Не говоря уже объ отрывкѣ ея, находящемся въ «Онежскихъ былинахъ» А. О. Гильфердинга, на что есть указаніе и у Перетца, лучшій вариантъ этой пьесы, чисто пародіаго склада, записанъ въ Терской области. Вотъ его начало:

Да три года дѣвушка
Церковь строила...
Четвертый годъ дѣвушка
Богу молилась...
Какъ батюшкины грѣхи
Всѣ отмолила...
А матушкины грѣхи
Ихъ не отмолила...

— Пойхаль мой пашенька
За царскимъ сыномъ...
Сударыня-матушка
За игумономъ-попомъ.
Хочетъ меня батюшка
Замужъ отдать...
Сударыня-матушка
Въ черницы постричь... ³⁾

Мотивъ постриженія за грѣхи матери тотъ же, что и въ приведенной выше словинской пьесѣ.

Нелишнимъ будетъ также отмѣтить, что по вызову академика Пекарского, заинтересовавшагося дѣломъ канонира Носова, А. В. Подсоловъ (изъ Арзамаса) сообщилъ еще одинъ вариантъ пьесы о царицѣ Евдокіи, впрочемъ, безъ имени послѣдней. Въ этой пьесѣ говорится, что келейка поставлена

На Сузdalльской славной дороженьѣ ⁴⁾.

Какъ въ первомъ этюдѣ руководителемъ г. Перетца былъ г. Безсоновъ, такъ во второмъ—Шотебия. Это отразилось и на материалѣ изслѣдованія: въ первомъ случаѣ Перетцъ не знаетъ иностранныхъ параллелей для пьесъ о постриженіи. Само собой естественно, что Шотебия, обстоятельнымъ образомъ знакомый съ разнообразными сборниками пьесъ, доставилъ и г. Перетцу возможность имѣть для наблюденій материалъ болѣе обильный и разнообразный. Подчеркнуть эту зависимость г. Перетца отъ его предшественниковъ я считаю необходимымъ, потому что читатель, который не найдетъ нужнымъ сравнивать его книжку съ трудами предшествующими, не будетъ въ состояніи ясно представить себѣ самостоятельность наблюденій автора, въ особенности въ виду его предисловія. Безъ

¹⁾ Изъ такихъ пьесъ, сдѣлавшихся уже игровыми, назову указанные выше изъ сборниковъ Балакирева, Можаровскаго, также № 29 «Крестьян. пѣс. въ с. Никольскомъ, Уфии. г., Пальчикова», пѣсню въ сообщеніи М. И. Семевскаго. «Торопецъ въ 1016—1863» (Зап. И. Рус. Геогр. Общ. 1864 г., кн. II, 134); послѣднія представляютъ уже полное искаженіе. Срвн. также пьесы въ «Матер. по этнogr. Вологодской губ.» Н. А. Иваніцкаго. (Изв. Общ. Люб. естест., антр. и этнogr., т. LXIX, стр. 232, 701), въ ст. Е. Передѣльскаго (Сборн. матер. для опис. Кавказа» т. III, отд. II, стр. 39, 84).

²⁾ Стр. 17—18.

³⁾ Е. Бутова. Станица Бородинская въ Терской обл. «Сборн. матер. для изуч. Кавказа», в. VI, отд. I, 105—108. Также извѣстна и другая пьеса о добровольномъ постриженіи, записанная г. Перетцемъ (стр. 16). См. Ю. Н. Мельгуновъ. Русскія пьесы, вып. I. М. 1879, № 21 и «Вологодскій Сбор.», т. IV. 1885. стр. 121—122.

⁴⁾ Пекарскій. О пѣсѣ, сложенной на постриженіе царицы Евдокіи. Зап. И. Академіи Наукт., т. V, кн. II, 203—207. Извѣстно что несчастная царица была пострижена въ Сузdalльскомъ монастырѣ. Въ пѣсѣ, которую пѣть и за которую пострадала въ 1729 канониръ Носовъ нѣть имени Евдокіи, хотя въ это время она всѣми признавалась за пѣсю несчастной царицы.

оговорокъ авторъ дѣлаетъ ссылки прямо на источники, часто даже не приводя ихъ. Такимъ образомъ онъ пользуется сборникомъ пѣсень, собранныхъ Костомаровыи и Мордовцевой. Конечно, заглянуть въ самый сборникъ, который указанъ Безсоновымъ, г. Перетцъ, невидимому, не потрудился, почему дѣлаетъ невѣрную ссылку на него ¹⁾), а между тѣмъ въ этомъ же сборнике, рядомъ съ цитируемой въ первомъ этюдѣ пѣсней о постриженіи, есть пѣсня о мужѣ-разбойнике, которая пригодилась бы автору для его третьего этюда. Во второмъ этюдѣ ссылки на Ербена и Челяковскаго взяты у Сушила (Moravské národní písň, 1860); вотъ посему ссылки на 1-е изданіе Ербена, причемъ ссылка въ примѣчаніи 6-мъ на стр. 25 невѣрна (какъ и у Сушила): вмѣсто I, 172 нужно I, 186 (№ 137). Впрочемъ, сборникомъ Сушила, независимо отъ ссылокъ на него другихъ, авторъ пользовался внимательно. Всѣдѣствіе опечатки въ сборникѣ Гаупта и Смолера, откуда черпаетъ свои свѣдѣнія г. Перетцъ, взявши первое указаніе на этотъ сборникъ у Потебни, ²⁾ невѣрна ссылка на сборникъ Корытка (не I, 30, а I, 79) ³⁾). Всѣ ссылки на литовскія пѣсни у Nesselstapla, въ рѣдкому сборникѣ Бржозовскаго, на Юцевича (Ludvika z Pokiewia) взяты у Кольберга: Pieśni ludu litewskiego; въ послѣднемъ изъ трехъ случаевъ, когда пользуется Кольбергомъ г. Перетцъ, знаменитый польскій этнографъ даже не упомянуть. ⁴⁾ Обилие ссылокъ на разнообразные сборники и труды можетъ удивить читателя; но на са-момъ дѣлѣ, большая часть указаній и сопоставленій сдѣлана уже предшественниками г. Перетца. Жаль, что напрь авторъ не указывалъ каждый разъ, гдѣ было простое заимствованіе; такъ напримѣръ, все примѣчаніе 3 на страницѣ 22, вмѣстѣ съ ссылками на Миклошича и Маценауэра, привадлежитъ дословно Потебнѣ. У Перетца есть ссылка и на Потебнію, но въ концѣ его примѣчанія, послѣ указаній на Миклошича, такъ что, судя по этой ссылкѣ, на долю Потебніи остается только одно замѣчаніе. Любопытно также, что во второмъ этюдѣ прямо сдѣлана ссылка на Головацкаго ⁵⁾);—такъ ссылался Потебня въ своихъ «Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ пѣсень», а въ третьемъ этюдѣ на «Чтения въ Общ. Ист. и древностей» ⁶⁾). Послѣднее обстоятельство несомнѣнно зависитъ отъ того, что на «Чтения» ссылались гг. Антоновичъ и Драгомановъ, откуда взята эта ссылка. Только въ одномъ случаѣ ⁷⁾ г. Перетцъ сознался, что цитируетъ сборникъ Зѣньковича по Антоновичу и Драгоманову, заставляя такимъ образомъ предполагать, что остальные цитаты его предшественниковъ, по крайней мѣрѣ, имъ провѣрены...

Во второмъ этюдѣ авторъ разсматриваетъ пѣсни о гибели дѣвушки въ день свадьбы. Прежде всего приводится записанная имъ въ Новгородской губ. пѣсня «Казакъ ходилъ по Дону». Ея содержаніе: Молодецъ спрашиваетъ дѣвушку, отчего она плачетъ.—Въ дѣствѣ, ей предсказала цыганка, что она погонетъ въ день свадьбы.

¹⁾ Стр. 11.

²⁾ Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсень. Русл. Филолог. Вѣстн. 1882 т. VIII, стр. 223.

³⁾ Вообще сборникомъ Корытког. Перетцъ пользовался только по изложению у Гаупта и Смолера. Отсюда не точный пересказъ. «Танцуя съ нимъ (водянымъ) она просить его не кружить ее такъ сильно, но онъ не слушаетъ ея просьбы, и вотъ она замѣчается, что онъ—водяной» (стр. 28). Но вотъ текстъ этой пѣсни:

Представление о плясунѣ—діаволѣ, могущемъ запасть 80 смерти дѣвушку, встрѣчается въ польской сказкѣ «Djabli tanek» (Эрбенъ. Сто славянск. сказокъ, № 40).

Mizika she gre plésat s njim,

On ji stiska roké mozhnó.

Mizika tako pravi, govori:

«Ne stiskaj mi rok tak mozhnó».

On jo stiska zhe dalje bolj,

De ji's sa nohtov kri kapljá.

Mizika savpije p'emozhno:

«Po-mě je prishel povodnji mósh».

⁴⁾ Стр. 34, примѣчаніе.

⁵⁾ Стр. 25.

⁶⁾ Стр. 44.

⁷⁾ Стр. 38.

— Не плачь, моя милая,
Я построю мостъ,
Мостъ чугунный, длинной—
На тысячу верстъ.
Бѣ вѣнцу съ тобой пойдемъ—
Я тѣ коней дамъ:
Впередъ то будетъ двѣсти,
А сто по бокамъ.

Вдругъ поѣзда скрипнулся,
Всѣ конюхи въ рядъ,
Чугунные плиты
Стучать и гремѣть.
Вдругъ конь-то съ подъ невѣсты
Споткнулся, упалъ;
Донъ принялъ невѣсту...

Замѣчаніе автора, что пѣсня эта неизвѣстна по другимъ сборникамъ, положительно невѣрно. Кроме сборника Магницкаго (почему указаніе на варіантъ этого сборника попало только въ примѣчаніе?), находимъ 2 варіанта въ сборникѣ архангельскихъ пѣсень Ефименко¹⁾, одинъ варіантъ въ сборникѣ новгородскихъ пѣсень г. Студитскаго²⁾ и варіантъ въ сборникѣ Е. Передѣльскаго³⁾. Вообще, по моему мнѣнію, знакомство г. Перетца даже со сборниками великорусскихъ пѣсень довольно слабо. А между тѣмъ онъ нисколько не смущается высказать огульное обвиненіе такого рода: «Это обстоятельство (не нахожденіе нашей пѣсни) вѣроятно объясняется стремлениемъ нашихъ собирателей записывать пѣсни исключительно старинныя; пѣсни же, мало-мальски носящія книжный, литературный оттѣнокъ, хотя бы по языку, совершенно (?) игнорируются ими»⁴⁾. Нѣть, это обстоятельство объясняется гораздо проще. При незначительной начитанности и маломъ знакомствѣ со сборниками пѣсень авторъ рѣшается громить всѣхъ собирателей пѣсень, иногда даже не доказывая и такимъ образомъ искажая чужія мысли. «Иные изъ собирателей, говорить онъ, даже высказываютъ мысль, что вовсе не стоитъ, не къ чему записывать современные пѣсни (какъ напримѣръ г. Лопатинъ въ предисловіи къ своему сборнику)»⁵⁾. Г. Лопатинъ предостерегаетъ начинающихъ собирателей отъ записыванія всего, что ни поется, рекомендуя критическое отношеніе и къ пѣснѣ, и къ пѣвцамъ. Указывая, какъ мало и ароднаго, и много наноснаго элемента, въ пѣсняхъ новой формациіи г. Лопатинъ говорить: «Въ большинствѣ случаевъ въ новомодныхъ пѣсняхъ лежитъ печать арфистокъ, шарманокъ, городскихъ трактиръ, именно всего того, что не имѣть ничего общаго съ нравами и бытомъ русскаго народа, кого жизнь совершается въ деревнѣ... Тратить силы и терять время на сохраненіе этихъ новомодныхъ произведеній, не только не стоящихъ вниманія, но часто и просто оскорбляющихъ художественное и даже нравственное чувство, не стоитъ собирателю, когда каждый годъ дорогъ въ интересахъ сохраненія древнихъ народныхъ памятниковъ истины о народной поэзіи⁶⁾. Если же пѣсни, въ родѣ:

«Вы сестрицы вы подружки,
Вы не дѣлайте того,
Не влюбляйтесь въ одного.
Моя тихая могила
Всю любовь погубила,
Всё дружбу развела.

Я по русски писать не умѣю.
По французски да напишу,
Напишу сестрицѣ я своимъ подружкамъ,
А свое подружкѣ словесно разскажу:
Ахъ въ кого я влюбилась,
Погубилася отъ кого».—

и любопытны, и достойны собирания, наряду со сбирушками, вертушками и т. п., то записывать ихъ еще будетъ возможность, лишь бы были бы охотники.

¹⁾ Материалы по этногр. русск. населенія Арханг. губ. М. 1878, т. 11, 61, 130—131.

²⁾ Народн. пѣсни, собран. въ Новгород. г. СПБ. 1874. Стр. 34—35, № 20.

³⁾ Сборникъ материаловъ для описания Кавказа. Т. III, отд. II, стр.

⁴⁾ Стр. 21.

⁵⁾ Стр. 21.

⁶⁾ Предисловіе, стр. 10.

Записанную имъ пѣсню г. Перетцъ сопоставляетъ, пользуясь указаниями Потебини, съ пѣснями сербскою, болгарскою, лужицкою; далѣе, съ нѣмецкою (изъ сборника Кречетара), словинскою и передѣлкою нѣмецкой народной пѣсни у Гердера (по указаниямъ Гаупта и Смолера), съ литовскими пѣснями—по указаниямъ О. Кольберга. Самостоятельными сближеніями этой темы у автора слѣдуетъ признать указаніе на латышскую пѣсню изъ сборника Спрогиса и на нѣмецкую изъ сборника Миттлера.

Судя по нѣкоторымъ книжнымъ оборотамъ, чередующейся риомъ, можно предположить, что записанная г. Перетцемъ пѣсня, подверглась значительному литературному вліянію.

Наиболѣе близкой къ этой пѣснѣ авторъ считаетъ пѣсню лужицкую. Въ ней отецъ рѣшилъ выдать замужъ дочь; на ея просьбы подождать еще годъ онъ не обращаетъ вниманія. И вотъ является водяной, идетъ въ ея комнату и «заставъ ее въ слезахъ, начинаетъ утѣшать и спрашиваетъ»:

«Pše čo ty plačeš, holečo,
Ty moja luba newesta?
— Káda ja plakać nedyrbju,
Dyž šitky ludžo praja,
Ze sy ty wodnej žony syn.
«Nech woni pšeco praja,
Tola ci hinak nebudže...

Ja 'ču ci dać most twarići,
Wot lutoh'zlotu sljebora.
Ja'ču ci daći pšez njon wesć
Ze tsicyćimi wozami
Ze štyrcicimi konjami».
— Da pôl ram mosta nespšindže,
Da so most poča spadować.

Послѣ этого разсказывается, какъ бѣдная дѣвушка прижила водяному 8 сыновей, какъ отпрашивается у него домой; но за то, что она остается на обѣдаѣ до благословенія, онъ на глазахъ матери убиваетъ ея дѣтей и самъ вѣшается на дверяхъ. Подобная пѣсни есть у нѣмцевъ, словинцевъ. Въ одномъ датскомъ варианѣ этой пѣсни, переведенномъ Гердеромъ, вѣтъ второй части этой пѣсни—возвращенія дѣвушки на землю и мести водяного. «Это обстоятельство—говорить авторъ—даетъ намъ иѣкоторое основаніе предположить, что русская пѣсня нашего собранія заимствована посредствомъ литературы съ Запада... Путь заимствованія представится намъ приблизительно слѣдующимъ: нѣмецкая народная пѣсня подверглась литературной обработкѣ у Гердера, который взялъ тему у народа, близкаго ему по национальности; далѣе баллада могла быть перенесена на русскую почву въ переводѣ и, наконецъ, тѣмъ или инымъ путемъ проникнуть въ народъ. Здѣсь мы можемъ обратить вниманіе на круговое движеніе: тема, вышедшая изъ народа, черезъ поэта-романтика снова вернулась къ народу»¹). Трудно согласиться съ г. Перетцемъ. Не противорѣчить ли его заключеніе о кругообращеніи темы тому положенію, что «поддѣльная»² народная пѣсни мало прививаются въ народѣ и отличаются весьма малою въ немъ устойчивостью? Если допустить, что въ пѣснѣ русской отразилось вліяніе пѣсни нѣмецкой или славянской, то его можно объяснить и помимо Гердера. Чтобы принять предположеніе г. Перетца, необходимо немалое количество смѣлыхъ домысловъ. Нужно указать русскій переводъ баллады Гердера, способъ, какимъ онъ могъ попасть въ народъ (вѣсто неяснаго «того или иного пути»), опредѣлить, что именно и почему вошло въ русскую пѣсню.

Необходимо вообще при изученіи пѣсень обращать вниманіе не только на черты сходства русскихъ пѣсень съ нѣмецкими, но и на черты ихъ различія. Въ основѣ этихъ пѣсенъ лежать два различные мотива: бракъ съ милымъ, но несчастный (въ русской пѣснѣ) и бракъ насильный—съ водянымъ (въ п. нѣмецкой, лужицкой и др.). Въ первомъ случаѣ дѣ-

¹) Стр. 33.

²) Стр. 32: «Датская пѣсня, переведенная, вѣрнѣе сказать, передѣланная нѣмецкимъ поэтомъ Гердеромъ».

вушка не можетъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ и погибаетъ, во второмъ принуждена жить съ чудовищемъ и подчиняться ему. Любопытно обратить внимание на роль отца и матери въ пѣсняхъ иерусскихъ. Бракъ съ водянымъ является какъ бы послѣдствиемъ отдалиться отъ девушки, или же вслѣдствіе проклятія матери (какъ въ пѣснѣ словинской). Въ первой роли является мать въ свадебныхъ пѣсняхъ чешскихъ и русскихъ: сначала она успокаиваетъ дочь, находящуюся въ страхѣ предъ столь тяжелымъ переворотомъ въ ея жизни, потому, не принявши никакихъ предосторожностей при прибытіи жениха, выдаетъ ему дочь, такъ сказать, «головой».

Находящаяся въ сборникѣ Станка Враза словинская пѣсня «Dominikowa Ančika»¹⁾ совпадаетъ нѣкоторыми чертами съ пѣснями о водяномъ, говорящая о насильномъ бракѣ съ туркомъ. Мужъ не отпускаетъ жену къ матери, пока та не родила сына. Снова просить она о свиданіи съ матерью.

— Zdaj ne poideš k materi,
Spustiu te nebom nič pred,
Da bo sin star sedem lét.
Saj še lepši vidit bo
Ko bo sinik šou z tabo.

Но проходитъ и 7 лѣтъ, и мужъ говоритъ:

— Morem ti povédati,
Vse tolažbe so zdaj preč,
Kez ne poideš nikdar več!
Ančika pade, omedli,
Dušo per ti prič pusti²⁾.

Это сопоставленіе любопытно для сужденія о смыденіи сюжета чисто миенческаго съ историческимъ.

Обращаясь къ русской пѣснѣ, разсмотримъ ея особенности и своеобразныя черты. Сопоставимъ начало пѣсни съ малорусской свадебной причетью:

По Дову гуляетъ
Казакъ молодой
Онъ на ворономъ конѣ
Въ сбруѣ златой.
Раскрасавица плачетъ
Надъ быстрой рѣкой.
— О чемъ, Маша, плачешь?
— О чемъ слезы льешь?
— Коня ли тебѣ жалко
— Али збруи золотой?
— Коня ли тебѣ жалко
— Али збруи золотой?
— Отца ли тебѣ жалко
— Али матери родной?

«Не жалко мнѣ матери,
«Не жалко отца,
— Братца ль тебѣ жалко,
— Аль сестеръ своихъ?
«Не жалко мнѣ братца,
«Не жалѣю сестеръ
«Растошнехонъко жалко,
«Тебя молодца:
«Когда я молода—молодешенька,
«Ребеночкомъ была,
«Миѣ бѣлая цыганка
«За ручку брала»... s)

¹⁾ Narodni pěsmi Jlirske, skupio St. Vraz. I, 155 - 157.

²⁾ Г. Перетцъ не остановился на нѣкоторыхъ варіантахъ пѣсни «Wassermann» въ цитируемомъ имъ сборникѣ Mittler'a (стр. 443), которые озаглавлены «Die schöne Hannale».

³⁾ Ефименко, II, стр. 130—131.

А вотъ пѣсня малорусская ¹⁾:

Війшла молода
Й в свій городчик,
Тай рве бервиночки
Собі на віничі,
Та жалібненько плаче.
Віходе й до пеї
Тай же і нечко:
— Та чого, ти, синку, плачеш:

Тай ци жаль тобі
Подвіря мого,
Ци мене старенького?
— Не жаль мені
Ні тебе старенького,
Але жаль мені
За косов росов ²⁾).

Судя по этому сопоставлению, начало пѣсни чисто народное; къ нему придѣланъ конецъ подъ вліяніемъ какого нибудь литературнаго образца, указать который я не могу.

Можно даже догадываться, гдѣ произошла спайка этихъ мотивовъ: народнаго и литературнаго. Въ варианѣ Студитскаго читаемъ:

— Мнѣ жаль дружка милого,
Вспомнилъ меня.
Когда я беспечна
Малюткой была,
Тогда же пыганка
За ручку брала... ³⁾

Я бы не рѣшился на основаніи сближеній, приведенныхъ у г. Неретца, говорить о связи пѣсень русской и нѣмецкихъ и о вліяніи послѣднихъ на первую, главнымъ образомъ въ силу различія ихъ сюжетовъ.

Заканчивая разборъ второго этюда, я укажу на одну странность. Что вода символъ любви, мостъ—брака, это мнѣніе высказано давно. Вотъ почему неточно выражение: «Игра Мосты и пѣсни къ ней относящіяся еще болѣе подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе» ⁴⁾). Странно также звучить подобная ссылка нашего автора: «Изслѣдуя аналитически рядъ пѣсень, мы уѣждаемся въ томъ, что общая схема ихъ слѣдующая: 1) образъ символъ, порою сравненіе, взятое изъ виѣшней природы и 2) объясненіе этого символа бытовыми чертами. Отсюда «зерномъ» пѣсни мы называемъ ту часть ея, изъ которой развивается дальнѣйшее повѣствованіе, т. е. образъ—символъ. То же А. Н. Веселовскій..., и подробнѣе наша статья въ журналѣ «Живая Старина» 1892, IV выпускъ ⁵⁾». Между тѣмъ въ замѣткѣ г. Неретца, на которую онъ въ данномъ мѣстѣ ссылается, о книгахъ гг. Желобовскаго, Скрынскай и Весина—никакихъ дополненій къ замѣчанію А. Н. Веселовскаго нѣтъ.

Что касается третьаго этюда, касающагося пѣсень о мужѣ—разбойнике, то оставляться на немъ я не буду. Укажу только, что вслѣдъ за г. Антоновичемъ и Драгомановимъ, нашъ авторъ приводить варианты этой пѣсни изъ сборниковъ Везсонова, Звѣзевича, Караджича, Жеготы Паули, Ст. Враза, Сумила, Головацкаго, Дешка, Кольбера, дополнивъ ихъ указаниемъ на варианты сборниковъ Смирнова (рукописнаго), Гера-

¹⁾ Купчанко. Пѣсни буковин. нар. (Записки Юго-Зап. отд. Геогр. Общ. II, 476).

²⁾ Ср. также Zienkiewicz. Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851, стр. 54.

³⁾ Студитскій. Новгородская пѣсни. Спб. 1874, стр. 34—35.

⁴⁾ Стр. 25.

⁵⁾ Стр. 6—7.

симова, Носовича, Чубинского и Варенцова.¹⁾ Изъ великорусскихъ пѣсень того же содержания можно было бы указать на пѣсни, находящіяся въ сборникѣ Костомарова и Мордовцевой²⁾, Пальчикова³⁾, Халанского⁴⁾, П. Шейна⁵⁾, Е. Передѣльского⁶⁾, П. Кириллова⁷⁾, Н. Иваницкаго⁸⁾ также на белорусские варианты въ сборникахъ Е. Карского⁹⁾, Е. Романова¹⁰⁾. Новые сближенія, инѣ какжется, могутъ поколебать сужденіе автора объ этой пѣснѣ. Онь думаетъ, что «наша пѣсня скорѣе всего можетъ быть пріурочена къ югу (какому югу?); такъ можемъ мы предполагать на основаніи того, что на югѣ у словаковъ и (!) малоруссовъ мы находимъ наиболѣе развитыя и богатыя содержаніемъ варианты. Слѣдя отсюда на сѣверъ—въ область, занятую великорусскимъ племенемъ, и далѣе (!) на югъ, къ сербамъ, мы замѣчаемъ, что тема теряетъ многія черты, изложеніе становится блѣднымъ и теряетъ жизненность и драматизмъ»¹¹⁾.

Впрочемъ, своимъ сужденіемъ авторъ дорожитъ мало. Онь не прѣдѣлъ даже отъ предположенія, что наша пѣсня могла быть заимствована у нѣмцевъ¹²⁾. Итакъ окончательного сужденія о ней у г. Перетца нѣтъ. Принимать же заимствованіе отъ словаковъ или нѣмцевъ нельзя впрочемъ ранѣе, чѣмъ по выраженому раньше требованиею нашего автора не будетъ доказано, «что пѣсня не могла явиться самостоятельно у русскихъ»¹³⁾. А то вѣдь можно впасть въ ошибку г. Жданова «утверждающаго, что пѣсни злой свекрови заимствованы нами съ запада; точно никогда кромѣ Запада не бываетъ разлада въ семьяхъ»¹⁴⁾.

Заканчивая мой отзывъ о книжкѣ г. Перетца, я обобщу свои замѣчанія. Работа автора мало продумана. Во многихъ случаяхъ онъ былъ небреженъ въ пользованіи источниками, часто не провѣряя своихъ предшественниковъ и не особенно внимательно про-сматривая сборники; отсюда вполнѣ естественны пропуски того, что не указано другими. Къ сожалѣнію, ему остались неизвѣстны даже такие сборники русскихъ пѣсень, какъ гг. Халанского, Ефименко, Студитского, Романова. Что касается методологическихъ пріемовъ автора, то, не смотря на нѣкоторыя вѣрныя по этому поводу замѣчанія въ предисловіи, они не выдерживаютъ критики. Установка такъ называемыхъ «родословныхъ» текстовъ дѣло очень трудное, и иной разъ лучше отъ нея отказаться, какъ и сдѣлать, по видимому, авторъ въ послѣднемъ своемъ этюдѣ. Имѣютъ значеніе записанные авторомъ пѣсни: двѣ первого мотива, двѣ втораго и одна третьаго. Имѣютъ также значеніе самостоятельный сближенія автора. При всемъ томъ, признавая за авторомъ нѣкоторую начитанность по предмету, имъ избранному, я полагаю, что отношеніе его къ источникамъ должно было бы быть иное. Ссылки на Потебню, Антоновича и Драгоманова и другихъ у него есть, но онъ должны быть болѣе опредѣленными, съ указаніемъ всякой

¹⁾ Неправъ поэтому нашъ авторъ, говоря (стр. 35): «Сравнительнымъ изученіемъ пѣсень этого рода никто до сихъ поръ не занимался, кроме гг. Антоновича и Драгоманова, давшихъ указанія на нѣкоторые варианты данной темы, что и составляетъ главную цѣнность ихъ труда. Здѣсь сведены извѣстные этимъ ученымъ малорусские варианты изъ печатныхъ сборниковъ Ziebkiwscza, Z. Pauli и рукописнаго сборника г. Синицкаго». На самомъ дѣлѣ, указаний на варианты въ трудахъ названныхъ ученыхъ гораздо больше.

²⁾ Лѣтоп. рус. литер. и древн. IV, 64.

³⁾ Пѣсни Уфимск. губ. Спб. 1888, № 48.

⁴⁾ Рус. Филолог. Вѣстн. 1883, т. X, стр. 173.

⁵⁾ Рус. нар. былины. Чтенія въ Общ. Ист. и древн. 1859, кн. III, 154.

⁶⁾ Стан. Темижбекская и пѣсни, поющіяся въ ней. «Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа». III, отд. II, стр. 78.

⁷⁾ Сборн. матер. для опис. Кавказа, т. IV, отд. II, стр. 128.

⁸⁾ Вологодскій Сборникъ, изд. подъ ред. Н. Поліевкірова. Т. III. Вологда. 1883, стр. 328—329, №№ XVI и XVII.

⁹⁾ Рус. Фил. Вѣстн. 1884, т. XII, стр. 126.

¹⁰⁾ Бѣлоруссій сборникъ, в. 1 и 2. Кіевъ. 1885, стр. 105.

¹¹⁾ Стр. 46.

¹²⁾ Ibid.

¹³⁾ Стр. 6.

¹⁴⁾ Ibid.—Отвѣтственность за эти слова всецѣло конечно падаетъ на г. Перетца.

разъ, гдѣ авторъ идетъ самостоятельнымъ путемъ въ гдѣ пользуется только работой предшественниковъ. Равнымъ образомъ и согласіе съ мнѣніями установленными должно быть выражено не въ той формѣ, какъ это принято г. Перетцемъ. Авторъ чувствуетъ большую слабость къ цитатамъ, некоторые изъ нихъ положительно излишни (напримѣръ ссылки на статью Адрианова—стр. 10, почти все примѣч. 3 на стр. 22). Я нахожу, что разобранная мною книжка была напечатана съ ничѣмъ не оправдываемою поспѣшностью. Въспользоваться большими количествомъ материала, указывать который не входило въ принятую мною задачу, было бы для автора необходимымъ. А для того, чтобы высказывать общія положенія, притомъ противорѣчашія установленнымъ, обязательно ихъ обосновать. На предисловіе къ книжѣ мы привыкли смотрѣть какъ на общее сужденіе, вытекающее изъ изслѣдованій автора, и мы вправѣ пенять ему, что предисловіе не оправдывается содержаніемъ его работы.

Написать изслѣдованіе изъ области народной поэзіи и легко, и трудно. Легко—если воспользоваться только работами и сопоставленіями предшественниковъ, иѣсколько только развивъ ихъ сопоставленія и мысли; трудно—если авторъ поставитъ цѣлью продумать все предшествующіе взгляды, дополнить и даже видоизмѣнить ихъ на основаніи материала, взятаго въ возможно болѣе широкомъ объемѣ. Если г. Перетцъ согласится со мною, что не все, что накапляется въ черновыхъ бумагахъ изслѣдователя достойно печати, то въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ, опубликованіемъ которыхъ онъ спѣшить не будетъ, онъ можетъ дать намъ болѣе самостоятельную и болѣе соответствующую научнымъ требованіямъ работу.

Я подвергнулъ подробному разбору книгу г. Перетца, съ цѣлью указать на то скромное мѣсто, какое она занимаетъ въ ряду работъ по народной словесности. Притомъ я имѣлъ въ виду двѣ оцѣнки этой книги, данныхъ самимъ авторомъ ея. «Сѣмь думать,—писалъ онъ первоначально,—что какъ бы ни были случайны указанія, собранныя нами, они не пройдутъ безъ пользы для сравнительного изученія исторіи народной поэзіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь даны нами и новыя дополненія къ общеизвѣстному запасу фактовъ»¹⁾. Но позже, резюмируя одно свое соообщеніе въ «Письмѣ» на имя редактора «Нового времени», г. Перетцъ заявляетъ: «У насъ много писано о народной пѣснѣ, но никто не рѣшился досихъ поръ серіозно изучать ее, пользуясь правильнымъ научнымъ методомъ; не сдѣланъ у насъ анализъ ея какъ со стороны формы такъ и содержанія. Для исторіи пѣсни необходимо утвердить и прочно обосновать термины: старинная и новая пѣсня, и потому необходимо заняться изученіемъ пѣсенныхъ сборниковъ прошлаго вѣка... Въ заключеніе я указалъ на необходиимость такого сравнительного анализа содержанія пѣсень, какой сдѣланъ былъ мною относительно трехъ пѣсенныхъ темъ въ моемъ изслѣдованіи: Современная русская народная пѣсня»...²⁾ Какъ видно, тутъ дана уже совершенно иная оцѣнка. Она даже сильно меня смущаетъ. Если до сихъ споръ никто научно не изучалъ народной пѣсни, а г. Перетцъ показалъ, какъ слѣдуетъ изучать, анализировать ея содержаніе, то несомнѣнно авторъ полагаетъ въ этомъ изученіи новую эру, со временемъ выхода его брошюры. Но изслѣдованія Потебни, Веселовскаго, Антоновича?... Или, быть можетъ, я не понимаю г. Перетца?

Аркадій Лященко.

¹⁾ Соврем. рус. нар. пѣсня, стр. 47.

²⁾ Нов. Время. 1894, № 6513, отъ 16 апрѣля.

О трудахъ А. Н. Веселовскаго ¹⁾.

Одна изъ главнѣйшихъ задачъ этнографіи—изученіе народнаго эпоса, народныхъ преданій, пѣсень и сказокъ. Эти памятники устной словесности представляютъ незамѣнное пособіе для ознакомленія съ духовной культурой народа, съ запасомъ его повѣрій, историческихъ воспоминаній, поэтическихъ образовъ, накоплявшихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Культура ново-европейскихъ народовъ, въ частности народа русскаго, развивалась подъ разнообразными вліяніями, складывалась изъ разновидныхъ элементовъ. Отзвуки отдаленной обще-арійской эпохи, особенности племенныхъ группъ, воздействиѣ греко-римской образованности, культурныхъ теченій, приходившихъ съ Востока, все это, переплетаясь, входило въ жизнь европейскихъ народовъ и образовало ту пеструю смѣсь, остатки которой дошли до насъ въ видѣ этнографического матеріала, отыскиваемаго въ большемъ или меньшемъ обиліи во всѣхъ странахъ нашего культурнаго міра. Чтобы разобраться въ этомъ сложномъ матеріалѣ, чтобы опредѣлить значеніе его составныхъ частей, чтобы опредѣлить слонъ, накоплявшійся въ области народнаго вѣрованія и народной поэзіи, нужны обширныя разысканія, основанныя на началахъ строгой исторической и филологической критики. Этнографія соприкасается въ этихъ разысканіяхъ съ исторіей литературы.

Въ нашей ученой литературѣ есть рядъ трудовъ, въ которыхъ памятники народно-поэтическаго преданія разсматриваются въ исключительно историко-критическомъ направлении. Лучшіе и наиболѣе цѣнныя изъ этихъ трудовъ принадлежать, безспорно, профессору С.-Петербургскаго университета Александру Николаевичу Веселовскому.

Лѣтопись учено-литературной дѣятельности почтеннаго профессора охватываетъ уже 35 лѣтъ.

Въ I томѣ «Лѣтописей русской литературы и древности», появившемся въ 1859 году, помѣщена была небольшая статья по поводу одного изъ выпусксовъ Гауптова журнала: *Zeitschrift für deutsches Alterthum* (XI Bandes 2 Heft). Подъ статьею подписано было имя молодого автора, впервые выступавшаго въ ученой литературѣ: «А. Веселовскій». Въ упомянутой книжкѣ немецкаго журнала помѣщены были: статья Ригера о Тацитовыхъ Ингевонахъ, Истевонахъ и Гермионахъ, статья В. Гrimма объ испанскихъ сказкахъ и др. Въ разборѣ этихъ статей рецензентъ обнаруживалъ такое обширное знакомство съ литературой міеологическихъ преданій и народныхъ сказокъ и такое умѣніе работать надъ народно-поэтическими матеріалами, которая давали основаніе утверждать, что въ лицѣ г. Веселовскаго наша наука приобрѣтала сильнаго дѣятеля, отъ которого можно ожидать много цѣнныхъ и важныхъ работъ.

Эти ожиданія сбылись въ полной мѣрѣ. Доказательствомъ служитъ длинный списокъ учено-литературныхъ трудовъ Александра Николаевича. Пересматривая этотъ списокъ, поражаешься прежде всего разнообразіемъ и обширностью его научно-литературной дѣятельности. Начиная съ 1866 года не проходило ни одного года, въ теченіе которого не

¹⁾ На основаніи этого отзыва, написаннаго по просьбѣ и порученію медальной Комиссіи, А. Н. Веселовскому присуждена Отдѣленіемъ Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества Константиновская медаль.

появилось бы нѣсколько работъ г. Веселовскаго. Такая ученая плодови гость представляется тѣмъ болѣе примѣчательной, что въ числѣ этихъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ трудовъ есть нѣсколько такихъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности могъ бы доставить автору почетную извѣстность: «Вилла Альберти», «Сказанія о Соломонѣ и Морольфѣ», «Кievskie былины», «Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха», «Изъ истории романа и поэзии» и др.

Проф. Буслаевъ, разбирая одну изъ названныхъ работъ,—именно книгу о Соломонѣ и Морольфѣ, называетъ ее «капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей ученой литературы».— «Всматриваясь въ работы г. Веселовскаго,—писалъ въ 1877 г. покойный академикъ И. И. Срезневскій,—видимъ обширное знакомство съ первичными источниками, частію неизданными или же проповѣнными имъ по рукописямъ, разнообразіе сравнительныхъ припомнаній, уясняющихъ сравниваемое, отчетливъ объясненіе подробностей данными изъ словесности и языка и научную требовательность изслѣдователя, старающагося сдѣлать выводы, имъ достигаемыя, достойными довѣрія санкцийъ взыскательныхъ скептиковъ. — И не только въ особыхъ изслѣдованіяхъ, но и въ статьяхъ, написанныхъ по поводу появленія на свѣтѣ разныхъ изданій, русскихъ и иностраннѣхъ, г. Веселовскій постоянно не только затрагивалъ, но и уяснялъ нѣкоторыя изъ задачъ средневѣковой и народной устной словесности».—Срезневскій заканчиваетъ оцѣнку трудовъ А. Н. Веселовскаго словами: «Въ русской научной литературѣ они не замѣнныя». (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Ими. Академіи Наукъ. Т. XVII, стр. LXIX—LXX).

Приведу еще одинъ отзывъ о трудахъ г. Веселовскаго,— отзывъ историка нашей этнографіи. Подробно разсмотрѣвъ дѣятельность нашего уважаемаго академика, А. Н. Пыпинъ приходитъ къ такому общему выводу.

«Чрезвычайно цѣнныиъ качествомъ изслѣдованій г. Веселовскаго является вообще стараніе разыскать исторический генезисъ преданія съ тѣхъ его формъ, какія только возможно услѣдить или предположить въ древнѣйшую пору, и съ тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ развитій, какія испытывало оно на пространствѣ столькихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ столькихъ новыхъ условій народной жизни и народной мысли. Очевидно, что только въ этомъ видѣ и можетъ быть понято соотношеніе древнаго преданія и его новѣйшихъ отголосковъ. Объ этомъ догадывались прежніе изслѣдователи, но рѣдко проводили мысль историческаго развитія въ самомъ анализѣ преданія: всего чаще, увлекаемые примѣромъ Гrimма, а также не владѣвшіе на первое время достаточнымъ запасомъ сравнительного матеріала, они слишкомъ легко переходили отъ очень древнаго къ очень новому и, вообще говоря, увидали въ современномъ народномъ міровоззрѣніи гораздо больше остатковъ первобытнаго язычества, чѣмъ было ихъ на самомъ дѣлѣ. Въ розысканіяхъ г. Веселовскаго, напротивъ, едва ли не гораздо сильнѣе и вліятельнѣе въ этомъ смыслѣ является эпоха «двоевѣрія», когда въ старое народное преданіе вливался цѣлый потокъ нового христіанскаго, и особенно пошутиарно-христіанскаго и «отреченнаго» миѳа, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ и народной вѣрой, и фантазіей. Трудамъ г. Веселовскаго въ особенности принадлежитъ заслуга разысканія этой критической поры въ развитіи народнаго преданія: не только указано было въ нихъ обширное вліяніе популярныхъ христіанскихъ элементовъ на народное міровоззрѣніе; не только раскрыта была тѣсная связь послѣдняго съ средневѣковымъ двоевѣріемъ вообще, но, что было въ особенности любопытно и исторически важно, сдѣланы намеки на такіе примѣры международнаго культурнаго взаимодѣйствія, о которыхъ не знаетъ писанная исторія, и которые заставляютъ угадывать цѣлую давнюю эпоху народной культурной жизни во времена почти до-историческія. (Исторія Русской Этнографіи. Т. II, стр. 281—282).

Наша Академія Наукъ давно оцѣнила ученые заслуги проф. Веселовскаго. Въ 1877 году онъ избранъ былъ членомъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности. Въ настоящее время г. Веселовскій имѣеть званіе ординарнаго академика.

Богатство литературныхъ данныхъ, собранныхъ въ трудахъ нашего ученаго, талантливая и строго научная разработка этихъ данныхъ, доставили ему широкую извѣстность

и въ западномъ ученомъ мірѣ. Болонскій университетъ почтилъ его докторскимъ дипломъ. Вѣнскія Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ недавнее время русскій академікъ избраний членомъ-корреспондентомъ Мюнхенской академіи наукъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что знакомство западныхъ ученыхъ съ трудами нашего академика облегчалось тѣмъ, что нѣкоторыя его изслѣдованія печатались въ изданіяхъ французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ (Romania, Archiv fü Slavische Philologie, Russische Revue и др.). Раннія работы г. Веселовскаго написаны были по-итальянски (Novella della figlia del re di Dacia, 1866; L. Paradiso degli Arberti. Четыре тома. 1867—1869 г.).

Авторитетную оцѣнку, сдѣланную нѣсколькими учеными учрежденіями, я могу дополнить лишь бѣглымъ обзоромъ литературной дѣятельности А. Н. Веселовскаго.

Труды А. Н. Веселовскаго можно раздѣлить на три отдѣла.

I) Работы по истории западно-европейскихъ литературу. Таковы упомянутыя уже изданія, появившіяся изъ итальянскому языкѣ. За ними идетъ рядъ изслѣдованій, принадлежащихъ русской ученой литературѣ: Дантѣ и символическая поэзія католичества; Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтій; Джордано Бруно; Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы; Раблэ и его романъ, Робертъ Гринъ и его послѣдователи и др. Въ недавнее время г. Веселовскій обогатилъ нашу литературу переводомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ всемирной литературы, — Декамерона Боккачіо. Переводъ исполненъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Дополненіемъ къ переводу служитъ обширное и излѣданіе о жизни и литературной дѣятельности знаменитаго автора всемирно извѣстныхъ новелль: Боккачіо, его среда и сверстники. Вышла пока первая часть его труда. Одновременно съ Декамерономъ, г. Веселовскій напечаталъ другую переводную работу, переносящую нась изъ Италии XIV вѣка на другой край европейскаго міра, — въ Исландію XII вѣка. Работа эта: Вѣщаніе Вѣльвы (Völuspa) и новѣйшая экзегеза». Здѣсь помѣщены русскій переводъ Волюсы, съ обширными примѣчаніями, которыми приданъ видъ разбора книги Г. Мейера: Völuspa.

Едва ли нужно говорить, что для исполненія всѣхъ этихъ работъ требовалось глубокое знаніе языковъ и литературу романскихъ и германскихъ народовъ. Для тѣхъ, кто интересуется преимущественно этнографическими вопросами, важно обратить внимание на связь этихъ историко-литературныхъ работъ г. Веселовскаго съ розысканіями въ области народно-поэтическихъ преданій. Такъ, названное уже «Вѣщаніе Вѣльвы» переносить нась въ самую глубь «двоевѣрья» или «половѣрья», представляя яркій примѣръ сліянія христіанскихъ преданій съ незабытыми еще образами миологического эпоса. — Позма Дантѣ, о которой г. Веселовскій говорилъ въ одной изъ своихъ ранніхъ статей, коренится, какъ извѣстно, на почвѣ христіанско-легендарныхъ представлений о загробной жизни, — представлений, накоплявшихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Разсмотрѣнію этихъ представлений посвящено нѣсколько работъ нашего ученаго: «Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Нового и народной эсхатологіи», «Видѣніе Григорія о послѣдніхъ дняхъ», «Эпиводы о рабѣ и адѣ въ писаніи Новгородскаго архіепископа Василія» и др.

II) Изданія и изслѣдованія памятниковъ старо-русской письменности: «Новые отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ»; «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морозѣ и Мерлинѣ»; «Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ»; «Повѣсть о Дигенисѣ»; «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ»; «Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrhunderts»; «Слово о двѣнадцати снахъ Шахайши»; «Изъ исторіи романа и повѣсти» (два тома); очеркъ литературной исторіи старо-русскихъ повѣстей (въ «Исторіи русской словесности», Галахова, изд. 2-е. Не имѣя возможности говорить о всѣхъ этихъ трудахъ, остановлюсь лишь на двухъ изъ нихъ. Книгѣ о Соломонѣ г. Веселовскій далъ еще другое, болѣе общее заглавіе: «Изъ исторіи литературного общенія Востока и Запада». Это заглавіе даетъ указаніе на ту историко-литературную задачу, которую поставилъ себѣ авторъ. «Фактъ вліянія восточныхъ представлений на европейскую мысль, говорить нашъ ученый,

является общепризнаннымъ. Но для историка онъ остается все еще вопросомъ, пока не раскрыты точнѣе обстоятельства, при которыхъ совершилось это вліяніе, и не одна только возможность, но и пути перехода. На послѣднее требованіе отвѣчали различно: говорили о старыхъ торговыхъ связяхъ, о паломникахъ къ святымъ мѣстамъ Востока, приносившихъ къ намъ заморскія легенды и сказки; о столкновеніи Европы и Азіи въ пору крестовыхъ походовъ; объ испанскихъ арабахъ, вторгшихся клиномъ въ европейскую цивилизацию; наконецъ, о посредствѣ монголовъ... Вопросъ о вліяніи восточныхъ сказаний на повѣтвовательную литературу Запада остается по прежнему въ такомъ положеніи: мы признаемъ, что общеніе между Востокомъ и Западомъ было, на это есть историческія данные; намъ стали извѣстны ряды сказокъ, легендъ и эпическихъ мотивовъ, общихъ той и другой области—и мы заключаемъ, что они—результатъ того же исторического общенія. Когда и гдѣ оно совершилось—это и есть искомое, которое все еще необходимо опредѣлить... Занятія въ области такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей, должны привести къ убѣждѣнію, что прочные результаты могутъ быть получены здѣсь лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе ограничится на первый разъ группой сказаний, гдѣ найдется такая посредствующая форма, облегчающая подлинность исторического перехода, т. е. группой литературныхъ фактovъ. Литературное вліяніе Востока на Западъ, пасколько оно засвидѣтельствовано памятниками, представляется иѣ единственнымъ—потому что оно и можетъ быть доказано, и должно было быть устойчиво. Рассказы паломниковъ и монголовъ-номадовъ мы должны принять на вѣру, тогда какъ не нужно особаго усилия мысли, чтобы понять, почему повѣсти изъ Панчтантры и Семи Мудрецовъ, такъ долго удержались въ народномъ сознаніи Запада. Мы знаемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, литературную исторію этихъ сборниковъ, знаемъ, когда европейцы открыли ихъ впервые, какіе съ нихъ сдѣланы были переводы, познакомившіе западное общество съ сюжетами, которые до тѣхъ поръ были ему неизвѣстны. Эта точка зренія на предметъ опредѣлила и выборъ моей темы: «Европейская повѣсти о Соломонѣ».

Обширная ученость нашего автора дала ему возможность прослѣдить литературную исторію Соломоновой саги отъ ея древнѣйшихъ восточныхъ образцовъ до позднѣйшихъ европейскихъ переработокъ. Общий выводъ, къ которому приходитъ изслѣдователь, таковъ: «Основа этихъ неканоническихъ повѣстей обличаетъ происхожденіе съ дальн资料а Востока: буддийского и иранского; но въ Европу они проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя. Такимъ образомъ, одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впослѣдствіи и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое я гадательно отиесъ на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство религіозныя воззрѣнія и легенды арійского Востока. Въ той и другой редакціи, Соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими статьями такого же двоевѣрного характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ. Это—третья ступень перехода. У насъ есть извѣстіе, что въ концѣ V-го вѣка, апокрифъ о Соломонѣ былъ знакомъ на Западѣ, и что противъ него тогда уже возвставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, безъ сомнѣнія, изъ Византіи. Другія западныя свидѣтельства отъ X-го вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная рецензія отличалась особымъ характеромъ, напр., собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличие отъ восточной, т. е. византійско-славянской.—Съ X-го вѣка или, верѣ, съ XI-го мы наблюдаемъ новое явленіе: апокрифическая повѣсть переходить въ народъ и народнѣеть; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фableмъ, и доходить до анекдота и прибаутки. Такъ было на Западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былину, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западную—латинскую и византійскую—славянскую. Обѣ они развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, причемъ преимущество вымысла и поэзіи безспорно

принадлежит западу; иной разъ онъ смыкаются: западная повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII вв., и въ Россію, такъ что позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ следы двухъ разновременныхъ вліяній; надъ старой византійской легендой въ нихъ надслонились западные разсказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченаго подлинника» (стр. III—VI).

Трудъ свой по исторіи романа и повѣсти г. Веселовскій называетъ: «Матеріалии и изслѣдованія». Это заглавіе вполнѣ соответствуетъ содержанію книги. Здѣсь дѣйствительно находимъ цѣлый рядъ литературныхъ текстовъ, ранѣе не изданныхъ. Таковы: Διττῆς καὶ γέννησις καὶ ὡψὴ τοῦ Ἀλεξάνδρου (по рукописи Вѣнскайи библіотеки), разсказъ о Таврѣ и Меніи въ древнеславянскои житіи св. Панкратія (по рукописи XIII—XIV вв.). Извлеченіе изъ греческаго житія того же святого (по рукописи синодальной библіотеки). Извлеченіе изъ греческаго же житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки (по рукописи синодальной библіотеки), Троянская притча (по рукописи Софійской библіотеки), Повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттильѣ (по рукописи Познанской публичной библіотеки). Изученіе этихъ текстовъ дало возможность изслѣдователю освѣтить многіе темные отдѣлы литературной исторіи нашей старой повѣсти, вліяніе которой отразилось и на народной сказкѣ. Укажу для примѣра на повѣсть о Бовѣ, которая переработалась въ сказку, широко распространенную на Руси. Изслѣдованія г. Веселовскаго показали, что въ старо-русской письменности извѣстны были двѣ редакціи этой повѣсти. Одна изъ этихъ редакцій сохранилась въ бѣлорусскомъ сборнике XVI вѣка, принадлежащемъ Познанской библіотекѣ: другая версія извѣстна по нѣсколькимъ великорусскимъ рукописямъ XVII—XVIII вв. Первая редакція не пользовалась, новидимому, большой распространенностю; вторая редакція пошла, напротивъ, «гулять по лицу русской земли», она живетъ и до сихъ поръ въ формѣ народной сказки. Общий источникъ и той и другой редакціи—сербская письменность, куда, повѣсть о Бовѣ проникла изъ итальянской літературы. «Если бѣлорусско-сербскій Бова часто дословно переведены съ итальянскаго, извѣстнаго намъ текста, то великорусскій Бова Королевъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежащія русской народной передѣлкѣ. Вероятно, не только переводили, но и усвоили, передѣливая: на почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ» (стр. 100).

III) Изслѣдованія народныхъ повѣрій, преданій и пѣсень. Исходнымъ пунктомъ этихъ изслѣдованій служатъ обыкновенно данные, отыскиваемыя въ русской литературы, но въ объясненіи этихъ данныхъ развертывается такое богатство соноставленій, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что изслѣдователь одинаково хорошо знакомъ съ нашей народной словесностью и съ народной поэзіей другихъ славянскихъ народовъ, съ средневѣковой литературой Запада и съ византійской письменностью; ему не осталась незѣдомой даже такая малоизвѣстная литература, какъ румынская.

Труды Александра Николаевича по народной словесности можно распределить на три группы.

А) Изслѣдованія памятниковъ русскаго былого эпоса. Сюда относятся:

аа) Собрание статей, подъ заглавиемъ: «Киевскія былины»,—обширный трудъ, въ которомъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ былевыхъ пѣсень. Укажу для примѣра на статью объ «Иванѣ гостинномъ сынѣ». Сдѣланное здѣсь сопоставленіе пѣсель объ этомъ Иванѣ съ греческой повѣстью о мудромъ старцѣ и съ старо-французскимъ романомъ объ Иракліи (Eraclies), имѣть рѣшающее значеніе при опредѣлении состава нашей былины. Указаніе г. Веселовскаго на связь этой былины съ греческой повѣстью, занесено Крумбахеромъ въ его *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, какъ опредѣлено установленный литературный фактъ (стр. 402).

бб) Статьи объ отдельныхъ былинахъ: «Былина о Садѣ», «расавца въ теремѣ» и русская былина о подсолнечномъ царствѣ», «Объ одномъ эпизодѣ въ былинѣ о Святогорѣ» и др. Въ первой изъ этихъ статей находимъ драгоценное указаніе на

родственное нашей былинѣ сказание о Садикѣ (Sadoc), занесенное въ старо-французской романѣ о Тристанѣ (Tristan le Léonois). Статья о «Подсолнечномъ царствѣ» даетъ полное разъясненіе состава этой пѣсни, пріуроченной къ имени царя Ивана Васильевича. Умѣстно здѣсь же упомянуть, что преданія о царѣ Иванѣ Грозномъ служатъ предметомъ отдельной статьи г. Веселовскаго.

вв) «Мелкія замѣтки къ былинамъ», рядъ небольшихъ статей, помѣщаемыхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Эти мелкія замѣтки имѣютъ однако крупное значеніе. Не перечисляя всѣхъ этихъ замѣтокъ, укажу лишь такія статьи, какъ «Финскіе варианты былинъ обѣ Ильѣ Муромцѣ»; «Кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Сурожскаго»; «Быlinы о Ставрѣ Годиновичѣ и пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ». Въ этихъ статтяхъ читатель найдетъ и новые литературные факты, и новые догадки, отрывывающія просвѣты въ трудно доступные тайники нашего былѣваго эпоса.

Б) Розысканія, касающіяся народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Таковы «Опыты по истории развитія христіанской легенды», «Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Въ «Опытахъ» раскрывается литературная исторія такихъ распространенныхъ у насъ произведеній, какъ сказание о 12 пятницахъ, совѣ Богородицы, епистоліи о подѣлѣ. Изъ ряда Розысканій о духовныхъ стихахъ укажу лишь вѣкото-ры, наиболѣе крупныя работы: «Сн. Георгій въ легендахъ, пѣснѣ и обрядѣ», «Румын-скія, славянскія и греческія коляды», «Генварскія русали и готскія игры въ Византіи», «Большой стихъ о Георгіи и сказка обѣ Ильѣ и Змѣѣ». Помимо цѣлаго содер-жанія, даже вѣкоторые отдѣлы этихъ разысканій имѣютъ самостоятельное и важное значеніе. Такъ въ статьѣ о колядахъ находимъ обширное изслѣдованіе о скоморохахъ, разъясняющее исторію старо-руssкаго скоморошества въ связи съ подобными же явле-ніями на западѣ и въ Византіи.

В) Статьи о народныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Остановлюсь для примѣра на двухъ статьяхъ: «Дуалистическая повѣрья о мірозданії» и «Судьба-Доля въ на-родныхъ представленіяхъ славянъ». Важенъ обширный фактическій матеріаль, соб-ранный въ этихъ изслѣдованіяхъ; еще важнѣе вѣкоторыя общія соображенія и замѣ-чанія, касающіяся самаго метода изслѣдованія народно-поэтическаго матеріала. Въ пер-вой изъ указанныхъ работъ авторъ касается важнаго и труднѣйшаго методологическаго вопроса,—вопроса о значеніи такъ называемыхъ «общихъ основъ» и «занимствованій» въ произведеніяхъ народнаго эпоса. «Разборъ легендъ о мірозданії», говорить г. Веселовскій, важенъ мнѣ не только по своимъ результатамъ, еслибы они оказались заслуживающими вниманія, но и по отношенію къ вѣкоторымъ общимъ вопросамъ. Объясненія сходство и-мовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направлѣніямъ: сходство либо объясняется изъ об-щихъ основъ, къ которымъ предположительно вознодятся сходныя сказанія, либо гипоте-зой, что одно изъ нихъ занимствовало свое содержаніе изъ другого. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо зани-мствованіе предполагаетъ въ воспринимающемъ не пустое мѣсто, а встрѣчный теченія, сходное направлѣніе мышленія, аналогичные образы фантазіи. Теорія «занимствованія» вызываетъ, такимъ образомъ, теорію «основъ», и обратно; аналізъ каждого факта изъ области folkloge'a долженъ одинаково обращаться на ту и другую сторону вопроса, въ виду возможности, что взаимное передвиженіе миѳа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякий разъ при новыхъ условіяхъ, какъ усвоющей среды, такъ и усва-иаемаго матеріала. Германскіе эпическіе мотивы легли въ основу французскихъ Chansons de geste и снова перешли черезъ Рейнъ—поэмами феодальнаго и рыцарскаго пошиба. Вмѣсто этой окраски я предполагаю христіанско-богомильскую вѣтвь легендахъ, которая, направясь съ сѣвера на югъ, снова обратились на сѣверъ, совершивъ одно изъ тѣхъ круговорашеній, которыхъ путь трудно ускрѣдить, но которая изслѣдователь всегда обязанъ имѣть въ виду, какъ возможныя» (стр. 115—116).

Теоріи общихъ основъ и занимствованій не представляются, такимъ образомъ, исклю-чающими одна другую; отыскивается вѣкоторая высшая точка зренія съ болѣе широкимъ

кругозоромъ, примиряющая крайности одностороннихъ возврѣній. Въ статьѣ о Долѣ изслѣдователь «пытается внести въ разнообразную смѣсь суетърій, выражавшихъ понятіе судьбы, идею, исторического генезиса». Эта идея генезиса даетъ новое освѣщеніе группъ народно-поэтическихъ представлений, надъ которой работали ранѣе такие изслѣдователи, какъ Асанасьевъ, Потебня, Краусъ.

Коснувшись методологическихъ замѣчаній нашего академика, отмѣчу кстати еще нѣсколько его работъ, интересныхъ по такихъ именно общимъ соображеніямъ и указаніямъ: «О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки», «Сравнительная миѳология и ея методъ», критический отчетъ о «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», вступительная главы сочиненія «Изъ исторіи романа и поэзіи».

Присужденіемъ академику Веселовскому высшей награды, медали имени Великаго Князя Константина Николаевича Императорское Русское Географическое Общество выразить справедливую признательность къ многоглѣтней плодотворной дѣятельности ученаго изслѣдователя, труды которого давно называны «незамѣнными». Труды эти навсегда останутся образцами строго-критическихъ разысканій въ области народовѣдѣнія и исторіи литературы. Русская наука можетъ гордиться богатыемъ вкладомъ, который внесенъ уважаемымъ академикомъ въ сокровищницу не только русскаго, но и обще-европейского знанія.

И. Н. Ждановъ.

О трудахъ Е. О. Карского.

Литература русской исторической диалектологии въ 1893 г. обогатилась обширнымъ трудомъ Е. О. Карского: «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Варшава, 1893 (313 стр.). Онъ содержитъ въ себѣ: 1) обильный материалъ, извлеченный изъ старыхъ западно-русскихъ текстовъ и 2) освѣщеніе данныхъ этихъ текстовъ данными современныхъ западно-русскихъ говоровъ. Тексты, которыми воспользовался авторъ: 1) рукописный Ветхій Завѣтъ въ западно-русскомъ переводе съ еврейскаго XVI вѣка Виленской Цубличной Библіотеки; 2) рукописныя Аристотелевы Врата XVI вѣка той же библіотеки; 3) два рукописныхъ сборника XVI—XVII вв. той же библіотеки; 4) старо-печатный Литовскій Статутъ 1588 г.; 5) старо-печатное Евангеліе Тапинскаго, второй половины XVI вѣка, и сверхъ того—по печатнымъ изданіямъ—документы разнаго рода XIII—XVI вѣковъ, Лѣтописецъ Переяславскій и др. Данныя, извлеченные, изъ текстовъ авторомъ, относятся къ области фонетики и морфологии; сверхъ того, имъ представлены небольшіе списки словъ, показавшихся ему наиболѣе интересными. Освѣщеніе старого материала современными данными сопровождается у автора указаніями на архаичность или новизну явлений и изслѣдованіями историко-лингвистического характера. Цѣнность выводовъ не подлежитъ сомнѣнію и теперь едва ли уже можно будетъ спорить о взаимномъ отношеніи языка старыхъ западно-русскихъ текстовъ къ современному бѣлорусскому: такъ убѣдительно доказана авторомъ тѣсная генетическая связь между ними.

Настоящій трудъ Е. О. Карского—не единственный его трудъ, посвященный бѣлорусскому нарѣчію. Ему принадлежитъ другой довольно большой трудъ, первый опытъ научнаго изученія современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ: «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». М., 1886 (169 стр.), основанный какъ на печатныхъ материалахъ, такъ и на собственныхъ наблюденіяхъ автора, природнаго бѣлорусса. Затѣмъ, имъ издано небольшое собрание бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанное имъ самимъ въ разныx мѣстностяхъ Бѣлоруссіи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей мѣстныхъ говоровъ (всего 82 №№. «Русскій Филологич. Вѣстникъ» 1884 г. № 3, 1885 г. № 2 1889 г. № 2). Наконецъ, ему принадлежать: статья «Два памятника старого западно-русского нарѣчія: Литеранскій Катихизисъ 1562 г. и Католическій Катихизисъ 1588 г.» (Жури. М. Нар. Пр. 1893 г. № 9), и брошюра «Къ вопросу о разработкѣ старого западно-русского нарѣчія» Библіографический очеркъ, Вильна, 1893).

Въ виду обще-признаваемой цѣнности трудовъ Е. О. Карского по бѣлорусскому нарѣчію, энергіи и научныхъ познаній ихъ автора, мнѣ кажется, Отдѣленіе Этнографіи воздало бы ему должное, еслибы присудило ему большую золотую медаль Отдѣленія.

О п е р е в о д ъ П. С. П о п о в а.

СОЧИНЕНИЯ МЭНЬ-ГУ-Ю-МУ-ЦЗИ.

Въ новѣйшей ученой литературѣ Китая особеннаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе Мэнъ-чу-ю-му-цзи, т. е. «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ». Оно окончено въ 1859 г. и принадлежитъ кисти двухъ китайскихъ ученыхъ: Чжанъ-му и Хэ-шю-тао. Въ ихъ трудахъ собраны китайскія извѣстія о монголахъ, во всѣхъ отношеніяхъ: историческомъ, археологическомъ, этнографическомъ и статистическомъ; такимъ образомъ онъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ китайскую энциклопедію о монголахъ. Значеніе «Записокъ» увеличивается еще тѣмъ, что онѣ являются единственнымъ сочиненіемъ подобного рода о монголахъ, а потому должны служить настольной книгой для всѣхъ, занимающихся судьбою этого народа. Для насъ же, русскихъ, подобное сочиненіе особенно важно, всѣ наши путешественники будуть пытать руководствоваться, поэтому выдающіеся наши синологи, — академикъ Васильевъ и покойный архимандритъ Палладій, — давно уже высказывались о необходимости перевода этого сочиненія на русскій языкъ. Въ настоящее время эта задача исполнена. Генеральный консулъ и старший драгоманъ при нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ, Павелъ Степановичъ Шоповъ, извѣстный многими трудами о Китаѣ, особенно лексическими, перевелъ «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ» на русскій языкъ и переводъ этотъ предоставилъ въ распоряженіе Отдѣленія Этнографіи. Переводчиковъ съ китайскаго у насъ немного, и мы должны ими дорожить. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ большинствомъ труда, какъ по объему, такъ и по исполненію. Ученое сочиненіе, какъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, нельзя переводить механически, пользуясь лишь знаніемъ китайскаго языка, нужно еще дѣлать разныя изысканія, наводить справки, т. е. производить работу невидную для читателя, но необходимую для правильнаго пониманія текста. При этомъ у переводчика составились разныя поясненія и замѣтки, которыми онъ обѣщаетъ подѣлиться въ будущемъ. Для правильнаго пониманія текста переводчикъ исправилъ собственные имена въ китайской транскрипціи по монгольскому произношенію; жаль только, что не сохранена и китайская транскрипція, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже имѣть значеніе.

Въ виду изложенныхъ соображеній, переводъ П. С. Попова «Записокъ о монгольскихъ кочевьяхъ» заслуживаетъ награжденія малою золотою медалью.

Н. И. Веселовскій.

Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 годъ. Издание Губернского статистического комитета.

Книжка эта отличается обилиемъ статей, самыхъ разнообразныхъ по содержанию. Но составители книги, заботясь о количествѣ статей, вносили въ нее иногда статьи, совсѣмъ плохія и никому не нужны, какъ напр. статьи вятского вице-губернатора В. А. Ратькова-Рожнова, снабженныя правда очень звучными заглавіями въ родѣ: *Несчастный по недороду хлѣба 1891 годъ и важный по введенію въ губерніи института земскихъ начальниковъ; франко-русскія симпатіи 1893 г. и небывалый восторженный приемъ нашихъ моряковъ во Франціи.*

Во 2-мъ отдѣлѣ (Географія и народное хозяйство) отмѣтились двѣ статьи:

1) Краткое обозрѣніе Вятской губерніи за 1816 г. Здѣсь мы видимъ продолженіе статьи, помѣщенной въ календарь 1893 г.: Йоганна Фридриха Эрдмана путешествіе по Вятской губерніи лѣтомъ 1816 г. (переводъ съ немецкаго).

2) Занятія женщины-крестьянки Сарапульского уѣзда.

Интереснѣе всего составленъ отдѣлъ 3-й, этнографіческій, заключающій въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Н. П. Штейнфельдъ. Малмыжскіе таборы, ихъ быть и современное положеніе.

2) И. Софійскій. О начальномъ образованіи у Вотяковъ и Татаръ Ярославской волости, Слободского уѣзда, Вятской губ., и о названіи «Татары».

3) Народныя пѣсни Вятской губерніи (Вятскаго, Орловскаго, Котельническаго, Яранскаго и Нолинскаго уѣздовъ), собранныя С. Скворцовой. Собрание это не многочисленно, но разнообразно по характеру пѣсень. Собирательница старалась сохранять особенности мѣстнаго говора.

4) Н. М. Васнецова. Матеріаль для объяснительного областнаго словаря Вятскаго говора. Продолженіе обширнаго труда недавно скончавшагося мѣстнаго дѣятеля. Здѣсь помѣщены слова на букву э. Нельзя не пожалѣть, что для работы Н. М. Васнецова нашлось въ календарь 1894 года только 25 страницъ. Лучше было бы такую скучность выразить по отношенію къ статьямъ г. Ратькова-Рожнова.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. Издание Курского статистического комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. И. Вержбицкимъ. Съ 7 видами Курска и 1 портретомъ.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. состоить изъ четырехъ отдѣловъ: I—обычный календарный свѣдѣнія; II—матеріаль для описанія Курской губерніи; III—статистический свѣдѣнія о Курской губерніи за 1891 годъ; IV—адресъ-календарь. Скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи II отдѣла. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи:

1) А. Гусаковскій. Страчички изъ исторіи Курской гимназіи. Здѣсь передъ нами очеркъ состоянія Курской гимназіи за 1835—42 гг., когда почетнымъ попечителемъ ея былъ П. А. Денисьевъ.

2) А. Танковъ. Александръ Михайловичъ Мизгеръ (1835—1891). Очеркъ жизни и дѣятельности курскаго естествоиспытателя и педагога.

3) Курское нарѣчіе. Краткій очеркъ особенностей курскаго нарѣчія съ приложениемъ небольшого словарика мѣстныхъ характерныхъ словъ.

4) Описаніе Курского намѣстничества изъ древнихъ и новыхъ разныхъ о немъ извѣстий, вкратцѣ собранное Сергеемъ Ларіоновымъ, того намѣстничества Верхней Рѣсправы прокуроромъ. Перепечатка книги, изданной въ Москвѣ въ 1786 году.

ОТДЕЛЪ IV.

Смѣсь.

Пѣни Рязанской губерніи.

1. Ни лятай ка, сизъ галубчикъ.

П'утру рана на зарѣ,
Ни садись ка, сизъ галубчикъ,
На мою красну акию,
Ни гуртуй ка, сизъ галубчикъ,
Добрѣ жалка жалобио,
Миѣ и такъ тошна,
Миѣ и такъ грустна
Жить давици въ тираму,
Ни пущають атецъ, мать
На юлицу нагулять
Съ рабатами наиграть:
Ты н'юмѣши, разумѣши
Маладду на атвѣть дать.
Я умѣю, разумѣю,
Сказать миламу н'отвѣть:
Мы найдемъ кась, милый мой,
На широкай на твой дворъ,
Ты взямы кась, милый мой,

Свой танкѣй бѣлой шатеръ,
Славо вѣрана коня,
И чаркасская сядло;
Мы пойдимъ, милый мой,
Ва чисто поля гулять,
Какъ мы станимъ, милый мой,
При дарожкѣ при бальшой,
Мы разстелимъ, милый мой,
Свой танкѣй, бѣлой шатерь,
Ты лажись ка, милый мой,
Я въ галовки пашу
Русы кудри расчашу.
Стала дѣвница искаѣтъ,
Сталь малодчикъ засыпать.
Какъ ачиулся, милый мой,
Нѣть ни дѣвки, ни каня
Нѣть чаркасскаго сядла.

Ляпуновка 1889—91.

1. Нисиди дѣвка долга вечиромъ.

Ты ни жги свицу воска ярава,
Ты ни шей, дѣвка, Шимахальскій
шолѣй;
Шимахальскій шолѣй съ кораблями
шолѣй,

Дорагъ кунитца,—долга носитца.
Ты ни смѣйся инѣ, добрый юладицъ
Я сама, дѣвка, ни безродная,
У меня, дѣвки, есть атецъ и мать,
Есть два брата бальшихъ,

Двѣ сестры миňшикъ
Я вилю тѣбя паймать,
Въ чистомъ полѣ растирзать:
Я изъ рукъ, изъ ногъ скомью сдѣ-
лаю,
Я изъ тѣла твоего—пираговъ налику,
Я изъ крови твоей—лива наварю,
Я изъ мозга твоево—вина накурю,
Я изъ галавы твоей чару вытачу,
Зазаву я гостей—всю твою радню,

Пасажаю я ихъ на лавочку,
А сама сяду на скаменчку,
Загадаю я имъ три загадочки:
Па миломъ та я сижу,
Минымъ говорю и пѣтчу.
Какъ большая сястра дагадалася:
Я давно табѣ братицъ гаваривала:
Ни хади братицъ позна вечирамъ,
Потиряешь ты свою буйну голаву.

Дер. Чернышевка Даньковск. уѣзда,
Мураевской волости 1885 г.

2. На зарѣ была на зорюшки.

На вѣсходы была красна солнушка,
У насъ сдѣлалась, братцы, нищастыца,
Балшахъ, братцы, бизримяныца.
Какъ жана-та мужа патѣрила,
Вострымъ ножичкамъ зарѣзала,
Вы халодный погрѣбъ бросила,
Дубавой доской прихопнула,
И правой ногой притопнула,
А сама пашла вы горинку,
Сѣла подъ красную падъ акошичу,
Падъ хрустальную падъ стиколицу.
Приходили къ ей два дѣваря:
Ты снаха, ли наша, нивѣстушка,
А и гдѣ жа нашъ балшой братъ?

Вы любезные диверечки май,
Вашъ балшой братъ на охотушкѣ,
За куницами за лисицами,
За бѣлыми за зайцами,
Ты любезная наша нивѣстушка,
Ты скажи ка намъ, ни абманывай,
Съ чиво-жа у тиби, булатный ножъ въ
крови?

Вы любезные диверечки май,
Я сиза голубя зарѣзала,
На наружу—та серца вынула.
На наружу серца стрѣлыхнулся,
А жана шельма ужахнулася.

Чернышевка 1885 г.

3. Раскухарочка мая,

Мая маладая,
Па садочку гуляла,
Съ Дону вѣску слышала:
Всѣмъ учебнымъ палкай,
Идеть съ Дону симъна;
А мому-та дружку
Симъны нѣту.
Жалка; жалка инѣ таво,

Кто близъ симъны служитъ!
Но жальчѣе инѣ таво,
Да хто па комъ тужить,
Хто съ кѣмъ разстается:
Разставалася рыбица съ вадою,
А диривенской мужичокъ
Съ маладой жаню.

Чернышевка 1885 г.

4. Пd палю па пdлю.

Птаничка лягала,
Думала гадала,
Пра все размышила;
Какъ въ Москву праѣхать,
Въ камину прабратца,
Съ мѣлымъ повидатца,
Вдѣси ии разстатца;—
Степьюѣхать—грязна,

Полетьѣхать—пыльна,
Въ Москвуѣхать стыдна:
Москва изукрашна,
Улицы въ ей матеяны,
Камушкамъ кладены,
Клали выкладали
Купцы, да боярья.

Чернышевка 1885 г.

5. На долинушкѣ выросталь кустъ малинушки.

На куста сидить младъ соловьюнчикъ
Онъ ии такъ-та сидить—громка свищть
Ва ниволюшки сидить добрый молодецъ,
Онъ ии такъ-та сидить—слеза плачить
Ужъ и кто же мия васпаниль, васкарниль?
Васкарниль та мия праваславный міръ,
Васпанила мия Волга рѣчинка,
Выкачала мия лежкая лотачка.

Чернышевка 1885 г.

5. Далина, далинушка.

Далина зиленая,
Раздолъя широкая;
Па этой далинушки
Гуяль добрый младецъ,
Малодчикъ малодинкій
Сабою харошенькій,
Аликсѣй сударь Ивановичъ;
Связалъ свою голову
Шляпаю пуховою,
Лентаю шелковаю.
Увидала иво матушка
Съ тирина высокава,
Съ падворы широкова.
Дите ли мая дитятка,
Дите-ли мая милая,
Что-же, мая дитятка,

Ни весила ходишь,
Ни радаша гуляши?
Радиная мая матушка,
Къ чаму-жъ быть виселому:—
Всѣ мая таварищи
Давно пажанились,
А я, добрый младецъ,
Холасть ии жанатъ хажу.
Жаню, мая дитятка,
Жаню, мая милая,
Вазьму, мая дитятка,
Кнагиню, баѣрни,
Московску сударыню.—
Што Натальюшку
Сѣть Максимовну.

Грам. 1885—91 г.

6. Какъ на той гарѣ калина стаить.

Какъ на той горѣ калина стаить
Какъ на той калинѣ салавѣй сидѣть,
Онь клюєтъ, клюєтъ горьку ягаду,
Горьку ягаду все калинушку,
Все калинушку, все малинушку.
Случилсѧ ёхать Аликсю здѣсь;
Онь махнулъ плеткою шалковою:
Палати салавѣй къ малу тестю въ
садъ,
Ты и садъ, салавѣй, садъ на ябланьку,
Ты на ябланьку на кудраваю,

Ты васпой, салавѣй, жалку пѣснику,
Штобъ наявѣста маꙑ снаряжалася,
Снаряжалася и готовилася—
Чѣмъ паѣздъ дарить,—
Палатенцами шитыми браными,
Шитыми браными пираткаными,
А тиби, мой другъ, шалковыми плат-
комъ
Шалковыми платкомъ, залатыми
кольцомъ.

Грам. 1885—91 г.

1. Ни взлѣтывай сакдикъ.

Ни возлѣтывай сакдикъ
Висакимъ висока,
Ни размахивай крылами
Ширакимъ широка;
Какъ и нашей Прасковыюшки
Ей грустныи грусиенка:
Прасилась Прасковья у батюшки
Въ зѣлинѣ садикъ нагулять:
Ие батюшка пущаить
Все наказывать:
Ни равно ли, Прасковыюшка,
Сѣколь птица налятить,
За сокаламъ за птицею

Павиль сударь набѣжить?
Я умѣю, разумѣю,
Какъ инѣ съ Павламъ гаварить:
При дорожкѣ при бальшой
Мы раскинимъ бѣль шатерь,
Съ варанѣ каня сиделку
На калѣнки палажу,
Я бѣлобе палатеньце
На калѣнки пастялю:
Ляжь ка, ляжь ка Павиль сударь,
Я въ галовки пагляжу
Русы кудри расчашу.

Чернышевка 1885 г.

2. Лятыли голуби чиризъ дворъ.

Лятыли голуби чиризъ дворъ,
Били крыльями аѣтъ тиремъ
Падали вѣсточку Прасковыюшки:
У Павла ва дворѣ стоять воранъ конь.
Падъ кавромъ падъ чиркасскимъ подъ
садѣйши.
У Павла батюшка выспрашивантъ:
Куда жъ маꙑ дититка сабралася?

Радимый мой батюшка, вы дароженьку;
Дай ты инѣ батюшка помою:
Сорокъ чилавѣкъ вирховыхъ,
Двадцать чиловѣкъ пишканыхъ,
А семь каретушекъ цугавыхъ.
Первая карета батюшки,
Другая карета матушки,
Остальная—всими поѣзду.

Чернышевка.

3. Ни вилъчка стаить церковна.

Ни вилъчка стаить церковна—
Только вилъки не позваны,
Ни виличка Пракковьюшка,
А вилички не похвали:
Пахвалилася Пракковьюшка,
Шта ни взять жа, ни взяты Павлу
мини;

Я сижу та у батюшки,
У радытай свадѣй матушки,
Я и за ста замѣкамъ сижу,
Я за двѣсти старожамъ сижу,
А и Павиль вазгавараваль:
Я замѣй та мичомъ пасабѣй,
За сибя Пракковьюшку вазьму
Чернышевка.

4. Чиризъ нашъ широкій дворъ.

Чиризъ нашъ широкій дворъ
Праматаль ясменъ саколь,
Ураниль свае пярѣ,
Съ сваво золата крыла
Батюшка увидаль,
Сударь рдній усматрѣль:
Пракковьюшка надыми,
Радимая сбираягай.
Миѣ, батюшка, иѣкогда,
Сударь родный, видасугъ:

Падъ аконичкамъ сижу,
Ва бисѣдушку спишу,
Ва такую ва бисѣду
Жаниховъ вабирѣть.
Вабирѣла жаниха
Што и Павла маладца:
Павиль, любчикъ мой,
Палюбился миѣ разумъ твой,
Палюбился наказался
Весь абычай дарагай.

Чернышевка.

1. Величальные жениху и невѣстѣ.

Ужъ ты ютица,
Ютка сѣрая;
Златокрылая,
Шатра бѣлова,
Аликсѣева.
Какъ Ликсѣй сударь
Есяй ночь ни спаль,—
Все канѣ сидаль
Са двара съиждаль;
Са двара, двара
Са широкава;
На вайну спишиль
Вайну вѣивать,
Горя гѣривать,
Дѣвакъ вѣбирать.
Ужъ онъ выбралъ сабѣ
Шта ни луччи всѣхъ,—
Маладу жану,
Свѣтъ Натальюшку
Ты Наталья душа,
Маладма жена,

Ип хади пишкомъ
Ты ко батюшки,
Къ родной матушки:
Запригу я тиѣ
Сани козыри
Сани козыри,
Ванводы.
На Ликсѣюшки
Кудри русыи
На пличахъ лижатъ,
Словно жаръ гарѣть.
Нихто къ кудрюшкамъ
Ни приступитца;
Приступилась къ кудрамъ
Свѣтъ Натальюшка,
Свѣтъ Натальюшка,
Маладая жана,
Брала кудрюшки
На билы руки,
На билы руки,
На златы кольца.

2. Саколь Саколавич.

Саколь Саколавич,
Миклай Тишаевич,
Хадиль из садику,
Гуляль из зиленаму,
Искаль самолушку
Нашоль лебедушку,
Лебедушку бълаю,
Акулину Васильину.
Онъ и взяль не за ручульку,
Онъ паволь не из садику
Из зилену винаградику,
Онъ и стала у ней высиранивать,
Изъ ума онъ стала выгѣдывать:
Ты скажи, скажи, Акулинушка,

Гдѣ же ты ресла, гдѣ вырасла?
Ты расла ли из тинныхъ лисаъ,
Ва тинныхъ лѣсахъ, въ красныхъ
виноградахъ?
Ты глупой, Миклай сударь,
Я росла та у батюшки,
У радиой сваей матушки,
Ва высоками из терими,
За красными из оконками,
За хрустальными стекольцами.
Да чиво жа ты, Акулинушка,
Ты чаво жа пила, ъла?
Я пила, ъла медъ—сахаръ,
Я пасила ятласъ, бархатъ.

Гремячко 1885—91.

3. Какъ у бѣрижка у камушка.

Какъ у бѣрижка у камушка,
Какъ у кіёвушка, у гарючушка,
Вы калодзи халодная вада,
Вы ручёвки такучая была,
Якавъ сударь панъ ворана каня,
Аграфена воду черпала,
Начирлыула да наставила,
Сы Якавамъ разгаваривала,

Пра старонушку высиранивала:
Хараша лъ ваша старонушка,
Висыла лъ ваша деревнююшка,
Висыла наша деревнююшка,
Хараша наша старонушка,
Какъ на нашей из старонушки
Все сады стаять зиленыи,
Салавы наютъ виселыи.

Грем. 1885—91.

4. Падъ ельничкамъ, ельничкамъ.

Падъ ельничкамъ, ельничкамъ,
Падъ частыи бярезничкамъ,
Тамъ хадиль табунъ каней,
Шолкамъ циряпугный,
Сирабромъ вазгнузданий.
Свѣтъ Нагалюшка выхаживала,
Да таки рѣчи стеваривала,
Ужъ и чыж жа эти кони—
Шолкамъ циряпугтамъ,
Сирабромъ вазгнузданий?
Эти коники Ляксѣви,

Што Ляксѣя свѣтъ Иванавича,
Ани рвутца иечутца,
Ка тестиву ка двару
Ка тещину къ тираму.
У тестива у двара,
У тещина тирама
Прапли три рѣчунки,
Да три быстрыхъ:
Перва рѣчка—вотачна,
Друга рѣчунка—насточка
Третья рѣчунка—такучая вада..

Грем. 1888—91 г.

1. Прияталь сизой галубчикъ.

Прияталь сизой галубчикъ
Са чистова поля;
Пирядъ нимъ галубушка
Стала гуртаваты:
Свѣтъ ты мой, сизой галубчикъ,
Какъ инѣ съ табой быти,
Куда жъ тибя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу те, сизый голубъ,
Ва сваю галубиню,
Накармлю те, сизый голубъ,
Ярай пашавицай,
Напаю-те, сизый голубъ,
Ключавой вадицей

Прихадиль Микита сударь
Изъ иной деревни,
Пирядъ нимъ та свѣтъ Анисы
Стала гаварити:
Другъ ты мой, Микита сударь,
Куда жъ тибя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу тя Микитъ—сударь,
Ва сваю святлицу,
Накармлю те, Микитъ сударь,
Всякими закуски,
Напаю те, Микитъ сударь,
Всякими напитки.

1891 г.

2. Какъ вы поли, на цалѣпи.

Какъ вы поли, на палѣни,
На високамъ на кургали
Свяли святѣ лазорливы;
На тѣнь святамъ Сташанъ гулямъ,
Сташанъ гулямъ, святы срывааль,
Сараль святоокъ, завѣль вѣлокъ,
Тавиши вѣнь сашь заплахаль.
Хто-жъ мой вѣнокъ носить будѣ,
Хто-жъ мише висядѣть будѣ?

Мая камушка старешунька,
Систричина младешунька
Жаню, жаню моя дитятка,
Жаню, жаню моя милая,
Вазыну, вазыну хозяюшку,
Вазыну, вазыну младешуньку,
Ана жъ тибе висялить будѣ,
Ана жъ твой вѣнъ настѣть будѣ.

Ляпуновка 1889—91.

3. Какъ па садику, па садику.

Какъ па садику, па садику,
Пу садику виноградику,
Шъ хадила, тутъ вазгуливала
Маладая вѣтъ баярinya,
Шта и Марья свѣтъ Яфимовна;
Вдолъ па юлицѣ мателица матеть,
За мателицей Ягоръ сударь идеть,
За сабою варана кания видеть,
Егъ за павада шокѣвые,

За вѣдѣли за сиребрянныя,
Свѣтъ Марѣшка, сбраги маво кания,
Яфимовна маво воронава.
Ужъ я похочу—я сбрагу коня,
Я ни похочу—ни сбрагу авѣ,—
За твою вѣтъ грубу досадушку,
Шта ни хадишь, ни гуляшишь, миль, ка
ниѣ,
Ни цалушишь, ни милюшишь, миль, мише.

Ляпуновка. 1889 - 91 г.

1. Рябина, рябинушка.

Рябина, рябинушка
Зиляна заломина,
Ва пучки повязана,
На три дарожки разбросана.
Какъ первая дарожунька
Калясами укатана,
А другая дорожунька
Чаботами убитая,
А третья дарожунька
За калинкой хажана.
Да щожъ у насъ съ калинкою,
Да ктожъ у насъ съ малинкою?
Ягорь сударь съ калинкою,
Аленушка съ малинкою.
Какъ прасилася Аленушка

У сваво у друга милава:
Ужъ ты другъ мой милой,
Серда моя, Ягорь сударь,
Ты пусты мине на улицу
Ты пусты-кось на широкаю,
На мураву на заленую.
Я тогда те пущу
Когда семь сыновъ родиши,
А восьмую дачирю.
Я тогда ужъ стара буду
И пра улицу забуду:
За сибе снаху пущу,
За сноху дочирю,
А за дочирю сама пойду.

Орловка 1889—91.

2. Лягаль саколь ва вышаны.

Лягаль саколь ва вышаны
Лягаль ясменъ въ заленаемъ,
Цыналь сабъ лябедушку,
Какъ снѣгъ яе бѣлешуньку,
Привель къ сваму ка батюшки,
Ка рдной сваей матушки:
Ты сударь ты мой батюшка,
Радная моя матушка,

Мила-ли вамъ нявѣстушка
Люба-ли вамъ галубушка?
Дите ли моя дитятка,
Чадо ты моя мила,
Была-бъ ана табъ мила,
Была-бъ ана табъ люба,
А намъ та, моя дитятка,
А намъ ана давно мила.

Орловка 1889—91.

Наброски изъ міра народной педагогики.

Когда ребенокъ будетъ смыслить, то его начинаютъ гудить: а-гу! а-гу! и причмокиваютъ губами; когда дитя станетъ улыбаться, его вызываютъ къ тому и мимикой и приговоромъ: улыбушки! потомъ просить: ручки, ручки! учать ма-хать и разводить руками:

Сова летить,

Сова летить (скороговоркою и машутъ кистями рукъ).

Луна плыветь,

Луна плыветь (медленно и въ тактъ разводятъ руками).

Какъ скоро у ребенка появляется движение въ рукахъ, ему преподаютъ игру Сорока, заключающуюся въ томъ, что указательнымъ пальцемъ правой руки малютки водятъ по ладони лѣвой подъ речитативъ:

Сорока, сорока ¹⁾
Кашу варила,
Гостей манила;
На порогъ поскакивала,

Гостей посматривала.
Гости на дворъ—
Каша на столъ.

Затѣмъ пальцы лѣвой руки—воображаемые гости—перебираются указательнымъ правой: «этому дала, этому дала» и т. д. Когда дѣло доходитъ до мезинца, то онъ оказывается обдѣленнымъ, такъ какъ:

Этому не досталось:
Онъ маленекъ,
Онъ коротенекъ,

По воду не ходить,
Онъ дрова не рубить.

и сорока: «шут! улетѣла, на головушку сѣла», поднимаютъ обѣ руки на голову поди-
вильного лицедѣя.

Къ этому же возрасту относятся игры: «Ладки», «Коза», «Тутушки».
Ладки. Ладонями забавляемаго слегка ударяютъ одна о другую, подпѣва-
въ тактъ:

Ладки, ладки!
Гдѣ были?
— У бабки.
Чево пили?
— Бражку.

Чево ёли?
— Кашку.
Кашку ёли
Съ сѣмичкомъ,
Погнали насть
Вѣничкомъ.

¹⁾ Варіантъ: Сорока бѣлобока.

К о з у, и л и — в ё р ъ ё с — р о г а к о з ы изображаютъ ука зательный палецъ и мези-
ни цъ, а бе зъчищннй и сре днй придер живаютъ большинъ, которая (коза) будто бы:

Коза идеть,
Рога несеть.
Кто молоко пьеть,
Того рогомъ бъеть.

И бодают ребенка, вызывая смехъ¹⁾.

Прочія забавы, когда ребенокъ начинаетъ ползать и ходить, какъ-то: катаніе на ногахъ (сидящій человѣкъ ставить къ себѣ на лапы ногъ малютку, руки его береть въ свои и ногами приподнимаетъ послѣдняго), горшки (ношеніе на кордонахъ), торѣй—совершенствуясь, практикуясь (легкое подергиваніе за волосы на вискахъ), чей носъ? (берутъ ребенка за носъ и спрашиваютъ: чей носъ? дабы получить отвѣтъ объ имени вопрошаемаго, или сознательнѣй отвѣтъ, напримѣръ—мой) не сложны и обходятся безъ прігѣвовъ. Къ сожалѣнію, есть не мало забавъ—по простотѣ нравовъ,—грѣшащихъ противъ цензуры.

Даже купанье дѣтей происходит подъ приговоръ: Съ гуся вода, съ N худоба.

Подростая, дѣти находятся въ постоянномъ движеніи, но не окрѣпшіе члены слабы и они то и дѣло падаютъ и ушибаются; средствомъ къ успокоенію являются заговоры и отищеніе: ушибленное мѣсто поглаживается и подувается подъ причтавіе:

Предметъ, послужившій причиною ушиба или паденія, совсѣтуютъ ребенку побить, плюнуть на него. (Сравн. при крещеніи: дунь, плюнь) ²).

При дальнѣйшемъ развитіи дѣти усваиваютъ отъ дѣтей же постарше игры и пѣсеньки, наичаще съ разными скачками съ предмета на предметъ, не относящимися одинъ къ другому и словами, не имѣющими никакого значенія. Можеть быть, неизвѣстные, классическіе авторы ихъ имѣли здѣсь и свою цѣль—заставить поработать молодой мозгъ надъ сокровенностью неизвѣстнаго (ислѣдованіе неизвѣстнаго—въ на-турѣ человѣка), разобраться въ таинственныхъ словахъ, смыслъ которыхъ, какъ и все въ открывашемся имъ жизненномъ пути, пока еще сокровененъ; словомъ, дать толчекъ къ развитію мышленія: какъ, кто, что, почему, отъ чего, что, кто это?

И воть, какъ бы для наглядности, что житейскій опытъ удовлетворяетъ потребности знающихъ какъ взяться за дѣло, прилагаютъ мъ случаю пѣсенку.

Собралась группа детей; один из них есть что-нибудь, у других возникает аппетит. Кто пошустрил, зажмурил глаза, протинул из ядущему руку и просить:

Крива рука
Шить—есть хочетъ.
Кто подастъ—Золотой глазъ;
Кто не подастъ—
Коровій глазъ.

Кому же охота иметь коровий глаз — лучше подвинуться.

Желательно поозорничать, но такъ, чтобы не было ни истцовъ, ни ответчиковъ, ссылаться на невѣдимость.

Закинуть глаза и размахивает палкой, предупреждая: на съпного не пинять.

Оказывается, что узнать долго ли до вечера совсѣмъ не трудно. Мальчуганъ береть длинную хворостину, толстымъ концомъ утверждаетъ ее на указательномъ пальце, ставить отвѣсно и, довирии, носить въ такомъ положеніи ту хворостину, вопрошая:

¹⁾ «Тутушки» помѣщены въ концѣ.

²⁾ Пропущеноо баяканье см. въ концѣ.

Калачница—маячина,
Долго ли до вечера?

доколѣ не сорвется и по продолжительности эволюцій отгадывать—долго, не долго.
Попалась бумажка, грамотка—по деревенски и разный уже читается:

Писано—переписано,
Послѣ Ивана Денисова.

Не погъ писаль—Ермошка,
Коротенька ножка.

Духъ выше матеріи, поэтому знанию на извѣстный случай слова (въ шутку, тдѣ уже видѣнъ скептикъ—кочетинное слово) придается большое значение въ особенности съ ублаготвореніемъ, съ ссылкою на авторитетъ.

Заклинаніе дождя:

Дождичекъ, пуще!
Дамъ тебѣ гущи.

Если дождь не нуженъ, то помыть:

А, дождичекъ, перестань!
Мы пойдемъ въ Августаль—

Богу молиться,
Христу поклоняться.

Игры даже и не дѣтскія часто кончаются ссорами, но ритмическое настроение еще не прошло и брань происходитъ пѣсenkами, выбираемыми въ критику противника. Вотъ нѣсколько такихъ произведеній.

Рыжій краснаго спросить:
—Чѣмъ ты бороду красилъ?
Я не краской, не замазкой—
Такъ отъ Бога зарожденъ,
На постелью положенъ.
Тиру-иды, тиру-иды, мочала.
Куда Груяя помчала?
—На лысы-то горы,
Тамъ стоять воры;
Воры шелудивы,
Плетутъ хомутины.
Ѣхаль Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Три алтына заплатилъ.

Чеботарь, мой чеботарь,
Миѣ саб(п)ожки работай!
Иванъ—болванъ
Молоко болталъ,
Не выболталъ.
Микулушка, Николай!
Сиди дома, не гуляй:
Твоя жена пышка,
На улицу вышла,
На камешекъ сѣла,
Три лягушки сѣла.

Но вся соль заключается въ руганѣ женихами и невѣстами:

Тили, тили тилишокъ,
Иванушка-женишокъ!

Тили, тили тѣсто,
Машенька невѣста.

Эгоистическая наклонности тѣмъ болѣе присущи дѣтямъ и они даже укладываясь спать превозносятъ особенность своего положенія, лежащій съ краю говорить:

Съ краю—въ рабо,

Медь колупаю,

А находящійся въ серединѣ удостовѣряеть, что—«въ сердцахъ—въ золотыхъ пеленкахъ», или: «къ стѣнѣ—въ золотой пенѣ».

Вотъ нѣсколько пѣсековъ, не имѣющихъ специального назначенія.

1.

Заяцъ, мѣсяцъ
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку.
Кто взялъ — не взялъ —
Тотъ будь дуракъ!

2.

Пришла Митрева суббота,
Вамъ кутейникамъ забота:
На могилахъ бабы воять,
Кутейники блины ловять;
Черезъ семьдесятъ могиль
Разорвали одинъ блинъ.

3.

Ужъ ты, Сёма, Симѣнъ,
Вариль кашу съ мибремъ.
Тетушка Арина
Кушала хвалила.

4.

Сидить воронъ на лугу,
Онъ играеть во трубу.
Труба рѣденька,
Кольцо мѣдненько.
У царева кабака
Рыта яма глубока.
Тамъ мышки дрались;
Они съ рукъ сорвались.
Одна мышка околѣла,
Всему миру надѣла.
Бѣхъ Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Восемь гривенъ заплатилъ.
Онъ по гробу катался,
За колъ, за землю хватался.
Жена мужа продала
Вотъ за зайца-бѣгугна,
За медвѣдя пласуна.
Медвѣдь пляшеть безъ ума.
А татары то бѣгутъ,
Черны варинки несутъ.

5.

Тренька, тренька, балалайка!
Не моя жена Царанька,
Моя Катенька,
Распугатенька.

6.

Андрей воробей,
Не клюй конопель,
Поклюй песку,
Поточи песку...
— Чики-чики, воробей!
Что ты пива не варишь?
— Жена-курва не велить.
— Ты-бы ее тычкомъ.
— Она меня лычкомъ.
— Ты-бы ее топоромъ.
— Она мева помеломъ.

7.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый падожокъ!
Гдѣ ты зиму зимовать?
— У царя въ Москвѣ,
Въ золотой тоскѣ.
— Что царь дѣлать?
— Туру ногу пишеть,
На дѣвицу дышеть.
Дѣвица, дѣвица!
Сходи по водицу.
— Я волка боюся.
— Волкъ-то на работе,
Сова на болотѣ.

8.

Овечушка ялова,
По рѣчушкѣ плавала,
Увидала дьявола.
Сидить дьяволъ на леду,
Онъ играеть во трубу.—
Я у Бога сирота,
Отворяла ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

1) «Тутушкать» поднимать ребенка на плечо одной руки, придерживая за грудь другую; при чѣмъ припѣваютъ:

А ту-ту, ту-ту!
Не вари кашу круту,

Вари жиденьку,
Корни Митеньку.

ИМ:

Тутушки, Макарь!
Со подушки упаль,

А дѣдушка увидаль,
Макарушку поднималь.

2) Балюка дѣтей, пригъваютъ:

А спи, усни,
Угомонъ тебя возми!
У кота, кота
Колыбелька золота,

А у моей Шашеньки
Лучше есть.
Приди котицъ почевать
Мою Шашеньку катать.

Зашт. г. Почкинки, Лукояновск. у.,
Нижегородской г.

Ис. Мамакинъ.

Любопытная Находка.

(Рукописный сборник Кирши Данилова, принадлежавший А. О. Малиновскому).

Письмо к Редактору

М. Г. Совершенно случайно удалось мне сделать небезинтересную находку изъ области нашей старинной народной поэзии. Это полный список съ нынѣ утраченной рукописи древнихъ россійскихъ стихотворений Кирши Данилова. Исторія рукописи этихъ стихотворений разсказана Калайдовичемъ въ предисловіи къ 2-му изданію 1818 года. Предисловіе это перепечатано 3-мъ изданіемъ комиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. По словамъ Калайдовича, рукопись была списана въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія для Прохорія Акинфіевича Демидова, отъ него перешла къ Н. М. Козикову, а отъ этого къ Ф. П. Ключареву. Этотъ послѣдній поручилъ А. О. Якубовичу издать лучшія изъ находящихся въ рукописи стихотвореній. Изъ 71 стихотворенія было напечатано въ этомъ первомъ изданіи (1804 года) только 27. Въ 1816 году рукопись перешла въ собственность гр. Н. П. Румянцеву, который приказалъ Калайдовичу издать её цѣликомъ. Изданіе это было исполнено въ 1818 году. Калайдовичъ говорить, что онъ исключилъ скѣдующіе 9 стихотвореній (ст. XVI предисловія), какъ неприличныя.

1. Сергій хорошъ	въ подленинкѣ послѣ № 6
2. Агаенушка	» № 25
3. Во зеленомъ садочкѣ	» № 52
4. Охъ горюна! охъ горю хмѣлина!.	» № 56
5. Теща ты теща моя.	» № 57
6. Свінни хрю, поросыта хрю	» № 59
7. Стать почитать, стать называть.	»
6. Изъ монастыря Боголюбова, старецъ	
Игринице.	» № 43
8. Голубиная книга сорока пядень	» № 55.

Кромѣ того Калайдовичъ говорить (II стр. предисловія), что рукопись оканчивается началомъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Начало это не внесено въ текстъ, а находится въ примѣчаніи къ указанному мѣсту предисловія. Редакція 3-го изданія въ своемъ предисловіи говорить, что изданіе перепечатано съ 2-го изданія, и что хотя Калайдовичъ и говорить, что рукопись сборника была собственностью гр. Н. П. Румянцева, но въ реестрѣ рукописей его, поступившихъ въ Румянцевскій Музей, она не значится.

Куда могла дѣваться эта рукопись? Я имѣю основанія предполагать, что найденая мною въ библиотекѣ кн. М. Р. Долгорукова рукопись едва ли не этоѣ самыи прошліи подлинникъ.

Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ гр. Н. П. Румянцева по разысканію и изданію памятниковъ нашей старинѣ былъ А. О. Малиновскій, членъ Россійской Академіи и съ 1814 года редакторъ «Собрания грамотъ и договоровъ». Упомянутый выше кн. М. Р. Долгоруковъ приходится роднымъ внукомъ (по матери) Малиновскаго и въ его библиотеку поступила большая часть библиотеки и архива Малиновскаго. Часть этого Архива была передана еще материю кн. Долгорукова (урожденної Малиновской) въ Румянцевскій музей. Затѣмъ, если не ошибаюсь, были напечатаны письма Е. Р. Дашковой къ Малиновскому. Очень вѣроятно, что рукопись стихотворений Кирши Данилова была взята Малиновскимъ изъ библиотеки Румянцева и затѣмъ у него и осталась.

лась. На одной изъ послѣднихъ страницъ рукописи хорошо теперь инѣ знакомыиъ характериыиъ почеркомъ Малиновскаго написано. «Получена отъ Калайдовича въ 1818 году». Внѣшній видъ рукописи вполнѣ отвѣтствуетъ тему описанію ея, которое дано въ предисловіи Калайдовича. Оканчивается она также началомъ стихотворенія о Стенькѣ Развѣ, причемъ стихотвореніе это помѣщено на обратной сторонѣ послѣднаго листа. Если бы это была только точная копія съ рукописи, списанная для Малиновскаго, то по всей вѣроятности послѣдній стихъ недоконченаго обрывка пришелся бы гдѣ инѣ бѣдь въ серединѣ страницы.

Есть и еще одно обстоятельство, указывающее на то, что 2-е изданіе стихотвореній сдѣлано именно съ этой рукописи. На поляхъ противъ каждого изъ нихъ стихотвореній, которыхъ исключены въ изданіи Калайдовича, неизвѣстныиъ мнѣ почеркъ, карандашемъ написано «исключить».

Содержаніе пропущенныхъ пѣсень представляется мнѣ въ высшей степени цѣнныиъ съ точки зренія исторіи нашей народной поэзіи. Калайдовичъ говорить по поводу этихъ стихотвореній, что Кирилл Даниловъ «цѣлыхъ семь пѣсень пустилъ по тому пути, на коемъ въ послѣдствіи прославился Барковъ». Замѣчаніе это вѣрно по отношенію къ большинству этихъ стихотвореній; они дѣйствительно переполнены нецензурными словами и выраженіями. Мнѣ кажется самое это обстоятельство доказываетъ, что такъ называемая кабацкая не цензурная пѣснь, часто именуемая теперь фабричной, вовсе не представляетъ нового явленія въ нашей народной поэзіи. Пѣсни такого рода несомнѣнно существовали и прежде и можетъ быть даже очень давно, но только они, какъ плахіе, забыты и исчезли, а переросли ихъ лучшія пѣсни, имѣющія болѣе поэтическихъ достоинствъ. Для удовлетворенія же болѣе низменныхъ проявленій народнаго вкуса, сочинялись и сочиняются новыя пѣсни, носащія уже современный колоритъ, но отлипающія тѣмъ же неприличнѣи языкка и содержанія. Можетъ быть истинно поэтическія, лучшія пѣсни, дошедшия до насъ отъ вашей старины, встрѣчались и прежде такъ же рѣдко, какъ и теперь, и тонули въ массѣ пѣсень другаго иничтожнаго содержанія и неприличной формы. При такомъ предположеніи понятнымъ становится и то ожесточенное гоненіе на пѣсни, пѣвцовъ и скомороховъ, которыхъ такъ отличались наши духовные писатели старого времени. Мнѣ удалось пока только бѣгло просмотрѣть эти пропущенные у Калайдовича пѣсни.

Тамъ есть двѣ интересныи пародіи. Одна на извѣстное и очень распространенное начало былинъ: «Высота ли высота ли подибесная, глубина ли глубина ли океанъ моря» и т. д. Въ рукописи одно стихотвореніе начинается такъ: «Высота ли высота ли потолочная, глубина ли глубина ли подполочная, широта ли широта ли въ лоханѣ воды», и т. д. (передаю это начало по памяти). Другая пародія вѣрнѣе шутливое и неприличное описание обѣдни. Вообще самыи неприличныи выраженія и поступки приписываются въ этихъ пѣсняхъ духовенству, попамъ, дьяконамъ и дѣячкамъ.

Почти всѣ пропущенные пѣсни принадлежать къ очень мало намъ извѣстному роду старинныхъ шуточныхъ пѣсень, которыхъ играли когда то такую большую роль въ развлеченияхъ нашихъ предковъ, но изъ которыхъ до насъ дошло очень и очень мало.

Н. Чеховъ.

¹⁾ Это письмо было доложено въ октябрскомъ засѣданіи Отдѣленія. Определено благоприятить г. Чехова за интересное сообщеніе и просить, о доставленіи на время, если возможно, Отдѣленію этой рукописи, которой затѣя по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ и редакціи всего бы лучше было храниться въ И. Публ. Б-кѣ. Ред.